

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО**

**ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

**Научный журнал
Том 2 (68). № 1**

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2016**

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, протокол № ___ от ___ _____ 2016 г.

Учредитель – Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Главный редактор – Шоркин Алексей Давыдович, д-р. филос. н., проф.,
КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Редколлегия:

Берестовская Д. С.	д-р. филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Вигель Н. Л.	д-р. филос. н., проф., РГМУ (Ростов-на Дону)
Габриелян О. А.	д-р. филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Грива О. А.	д-р. филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Кузьмин П. В.	д-р. полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Лазарев Ф. В.	д-р. филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Морозова Е. В.	д-р. филос. н., проф., ГПГУ (Краснодар)
Николко В. Н.	д-р. филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Романова А. П.	д-р. филос. н., проф., Гуманитарный институт, АГУ (Астрахань)
Рыскельдиева Л. Т.	д-р. филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Темненко Г. М.	д-р. филол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Федорова М. М.	д-р. полит. н., Институт философии РАН (Москва)
Юрченко С. В.	д-р. полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь – Иванова Р. А.

Редакторы электронной версии: Гаспарян М. В., к. полит. н., доц. КФУ
им. В. И. Вернадского

Техническая корректура: Скрыбин А. О.

Ответственный за выпуск:

Гросфельд Е. В., к. полит. н., доц. КФУ им. В. И. Вернадского

Контакты с редакцией:

Тел.: +7-978-707-21-32 Факс: +7 (3652) 54-52-46

E-mail: alegros@mail.ru

Сайт: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/>

Формат 70x100 1/16.

13 усл. п. л. Заказ № НП/39.

Тираж 50 экземпляров (бесплатно).

Отпечатано в отделе редакционно-издательской деятельности

КФУ имени В. И. Вернадского

295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 2 (68). 2016. № 1. С. 3–8.

УДК 327+94

КОНЦЕПЦИЯ «МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ»: ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Ишин А. В.

Статья содержит новый взгляд на проблему истоков и интерпретации средневековой концепции «Москва – Третий Рим». Автор выявляет геополитический интервал этой концепции, прослеживает ее влияние в прошлом и обозначает проекцию в будущее. К положительным тенденциям в развитии современной гуманитарной науки следует отнести то обстоятельство, что все больше исследователей обращается к изучению трудов выдающихся отечественных мыслителей, открывших особое призвание, особое назначение России в судьбах человечества. В настоящей публикации рассматривается одна из наиболее ранних историософских концепций, оказавшая, как нам представляется, серьезное влияние на внутривосточную и международную стратегию Московского, а затем Российского государства и до сего дня не утратившая своей геополитической актуальности. Важным интервалом измерения геополитического значения концепции «Москва – Третий Рим» стали решения Переяславской Рады 1654 г. о воссоединении Украины с Россией.

Ключевые слова: «Третий Рим», русский мир, государство-цивилизация, геополитическое измерение.

Своими истоками концепция «Третий Рим» уходит в исторические глубины Древней Руси и изначально соотносится с проблемой Крещения. Уже в одном из древнейших памятников отечественной словесности – «Повести временных лет» – преподобным Нестором Летописцем формулируется идея исторического значения Руси как будущей наследницы Византийской империи. В частности, в похвальном слове памяти князя Владимира Нестор именуется его «новым Константином великого Рима» [10, с. 109]. Как известно, именно римский император Константин Великий заложил основу будущей Византии, которая в историософской традиции именуется «Вторым Римом». Но безусловно то, что уже для Нестора Летописца, жившего в XI – начале XII столетий, идея империи и имперскости важна была не сама по себе, а как важное условие или даже гарантия гармоничного развития Православной церкви на основе принципа симфонии властей – церковной и светской (княжеской).

Глубоко примечательно, что начало постепенного оформления идеи этого трансисторического правопреемства хронологически соотносится с появлением в нашей литературной традиции категории «Русский мир». Так, памятник древнерусской литературы второй половины XI столетия – «Слово на обновление Десятиной церкви», прославляя подвиг известного крымского христианского святого Климента Римского (рубеж I–II вв.), уже содержит это словосочетание: «[...] который умножил сокровище своего Господина не только в Риме, но и повсюду: и в Херсоне, еще и в русском мире» [7, с. 20]. И речь здесь идет, по существу, еще о догосударственном периоде в истории восточного славянства [7, с. 20].

При этом подчеркнем, что сама концепция «Русский мир», далеко выходящая за географические рамки собственно Российского государства и объективно чуждая проявлениям национализма и ксенофобии, изначально опиралась не на идеологию насилия и завоеваний, а, напротив, на идеи соборности и созидания [7, с. 32–33].

Таким образом, целями данной статьи являются: выявление геополитического интервала средневековой концепции «Москва – Третий Рим», анализ ее влияния в прошлом и попытка проецирования в будущее.

Научная новизна заключается в обосновании одной из наиболее ранних историософских концепций, оказавшей серьезное влияние на внутривосточную и международную стратегию Московского, а затем Российского государства и не утратившей своей геополитической актуальности в современных условиях.

К положительным тенденциям в развитии современной гуманитарной науки следует отнести то обстоятельство, что все больше исследователей обращаются к изучению трудов выдающихся отечественных мыслителей, открывших особое призвание, особое назначение России в судьбах человечества.

Теория «Москва – Третий Рим» в завершенной форме была сформулирована старцем псковского Елеазарова монастыря, русским писателем и публицистом первой половины XVI в. Филофеем и изложена в посланиях к Великому князю Василию III, а также к руководителю великокняжеской администрации во Пскове М. Г. Мисюрю-Мунехину.

Она утверждает преемственность Московским государством главенствующей роли в православном мире после утраты этой роли Римом и Константинополем («Вторым Римом»).

По замечанию видного русского философа, протоиерея Георгия Флоровского, «в русском восприятии первичным и основным был <...> апокалиптический минор <...> Чувствуется сокращение исторического времени, укороченность исторической перспективы» [9, с. 11]. Данный вывод подтверждается словами самого Филофея: «Два убо Рима падоша, а третии стоит, а четвертому не бытии» [8, с. 345], а также: «Уже твое христианское царство инем не останется» [8, с. 360].

Вместе с тем, как совершенно справедливо отметил Н. А. Бердяев, «доктрина о Москве как Третьем Риме стала идеологическим базисом образования Московского царства. Царство собиралось и оформлялось под символикой мессианской идеи» [1, с. 9].

Несмотря на то, что Филофей Псковский, несомненно, осознавал миссию Русского государства как политического защитника православия в условиях военного и конфессионального натиска с Запада и Востока, ведущей в его посланиях, по нашему убеждению, была все же внутригосударственная охранительная идея: «Подобает тебе, царю, сие држати со страхом Божиим» [8, с. 359]. Неслучайно в указанное время Москвой были отвергнуты предложения Запада присоединиться к антитурецкой коалиции европейских держав для борьбы за «константинопольское наследие» [8, с. 328].

Выдающийся русский мыслитель К. Н. Леонтьев, акцентируя внимание на государственно-патристическом пафосе средневековой концепции, писал: «...для России нужна внутренняя сила, нужна крепость организации, крепость духа дисциплины». Этот тезис, особенно актуальный в наши дни, обосновывался им в первую очередь угрозой поглощения российской «отдельности», культурной самобытности в ходе всеевропейского «смешения». Сохранение нашей «отдельности» означает не просто сохранение государственности, а в первую очередь византийского культурно-исторического типа, базирующегося на категории соборности [5, с. 28–32].

В этом отношении представляется, что важным интервалом измерения геополитического значения концепции «Москва – Третий Рим» стали решения Переяславской Рады 1654 г. о воссоединении Украины с Россией. Как отмечают авторы работы «Федерализация Украины: к единству через разнообразие», «...значительный сегмент украинской элиты на протяжении сотен лет исповедовал принцип стратегического союза с Москвой как необходимого шага для защиты уникальной православно-славянской самости. Например, выразителями подобных настроений выступали казацкий атаман Северин Наливайко, киевский митрополит Иов Борецкий и ряд других деятелей. Б. Хмельницкий по сути выступил продолжателем названного вектора общественно-политической мысли» [2, с. 7].

Как следствие, «воссоединение с Россией позволило Украине избавиться от польского гнета и обрести реальную защиту со стороны сильного соседа – России...» [2, с. 7–8].

Экстраполируя теорию «Москва – Третий Рим» в день сегодняшний, можно извлечь несколько серьезных геополитических уроков.

Во-первых, следует четко обозначить приоритетные сферы сугубо национальных интересов и проводить политику умеренного изоляционизма, которая воспрепятствует духовному разложению и геополитическому расползанию страны. Выражаясь словами основоположника цивилизационного подхода – Н. Я. Данилевского, нужно излечиться от «болезни европейничанья», которая «в целом препятствует осуществлению великих судеб русского народа» [4, с. 299].

Во-вторых, в теории международных отношений, особенно при определении стратегических союзников, важно учитывать не только пространственно-географический и сопутствующие ему экономический, политический, социальный факторы, но также и цивилизационные, архетипические факторы, сходства и различия историко-культурной парадигмы.

Исходя из этого, можно отметить, что потенциальными стратегическими союзниками России объективно выступают те государства, которые, как и саму

Россию, вполне можно отнести к категории государств-цивилизаций, имеющих глубокие исторические корни и манифестирующих идею служения народу и стране в качестве приоритетной. В этом отношении особую актуальность в наши дни приобретает формирование геополитического четырехугольника: Москва – Пекин – Дели – Улан-Батор, способного на деле повлиять на возрастание уровня безопасности и стабильности в мире, упрочить позиции собственно международного права.

Здесь немаловажно отметить, что еще один наш великий соотечественник – архиепископ Таврический и Симферопольский Гурий (Карпов), долгие годы возглавляя Пекинскую духовную миссию, по сути, впервые в отечественной геополитической мысли обосновал стратегическую необходимость союзнических отношений с Китайской империей. Он приложил личные дипломатические усилия для оформления этого стратегического союза, закрепленного в Айгунском и Тяньцзинском соглашениях 1858 г., а также в Пекинском договоре 1860 г. [6, с. 52].

Отметим также, что предпринимаемые в наши дни попытки фрагментировать «Русский мир», вырвать из его исторического контекста один из трех восточнославянских народов – украинский, подменить высокие трансисторические смыслы, сформированные в эпоху единой древнерусской народности (X–XIII вв.), «идеалами» техногенного прагматизма и потребления самым негативным образом отражаются на ходе новейшей истории этого народа, неизбежно ведут к социально-политическим катаклизмам и параличу самого украинского государства [2, с. 35].

В-третьих, концепция «Москва – Третий Рим» может и должна получить надлежащее осмысление в ходе неизбежной эволюции сложившейся модели межконфессиональных отношений. Традиционное конфессиональное пространство России должно быть гарантировано от разрушительных деструктивных влияний извне, призванных деформировать ценностный ряд многонационального народа нашей страны, а также объективных союзников «Русского мира» [3, с. 3–49].

В-четвертых, следует всячески избегать втягивания России в конфликты, которые могут повлечь за собой ущемление наших национально-государственных позиций в интересах внешних сил.

В заключение подчеркнем, что взвешенная охранительная политика, опирающаяся на лучшие достижения отечественной политической мысли, принесет ощутимую пользу не только России и ее союзникам, но также послужит достижению общемировой стабильности.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
2. Григорьянц В. Е., Жильцов С. С., Ишин А. В. Федерализация Украины: к единству через разнообразие / В. Е. Григорьянц, С. С. Жильцов, А. В. Ишин. – М.: Изд-во МГОУ, 2010. – 36 с.
3. Григорьянц В. Е., Ишин А. В., Шевчук А. Г. К вопросу о государственно-конфессиональных отношениях в Украине и АРК / В. Е. Григорьянц, А. В. Ишин, А. Г. Шевчук. – Симферополь: Крымский архив, 2004. – 50 с.
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991. – 576 с.

5. Ишин А. В. Историко-культурные истоки Русского мира: концепция «Москва – Третий Рим» / А. В. Ишин / Актуальные проблемы развития постсоветского пространства: материалы международной научно-практической конференции (г. Москва, 2 апреля 2015 г.) / Отв. ред. С. С. Жильцов. – М.: ИИУ МГОУ, 2015. – С. 28–32.
6. Ишин А. В., Иваниченко Е. Ю. Русский просветитель Китая. Архипастырский подвиг святителя Гурия (Карпова) / А. В. Ишин, Е. Ю. Иваниченко // Покров. – 2016. – № 2/542. – С. 52–55.
7. Ишин А. В. Цивилизационное измерение Русского мира / А. В. Ишин // Проблемы постсоветского пространства. – 2015. – № 3. – С. 19–33.
8. Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. XV–XVI вв. / Н. В. Сеницына. – М.: Индик, 1998. – 416 с.
9. Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия / Прот. Георгий Флоровский. – Париж: YMCA-PRESS, 1983. – 574 с.
10. Повести временных лет (Лаврентьевская летопись) / Сост., авторы примечаний и указателей: А. Г. Кузьмин, В. В. Фомиш; вступительная статья и перевод А. Г. Кузьмина. – Арзамас, 1993. – 383 с.

Ishin A. V. The Conception «Moscow is Third Rome»: Geopolitical Measuring // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political Science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 1. – P. 3–8.

The article contains a new look to the problem of sources and interpretation of medieval conception is «Moscow-Third Rome». An author exposes the geopolitical interval of this conception, traces its influence in the past and designates a projection in the future. An author marks that historical source of conception «Moscow – Third Rome» is chronologic correlated with appearance in domestic literary tradition of category the «Russian world». Already in one of the most ancient monuments – «This to Lead Temporal Years» Nestor Chronicler formulates the idea of historical value of Rus as a future heiress of the Byzantine empire. But the idea of empire was important not in itself, but as key condition, or guarantee, harmonious development of the Orthodox church on the basis of principle of concord of church and princely power. Thus conception of the Russian world goes far beyond the geographical scopes of the Russian state and objectively resists the displays of nationalism and xenophobia. Analyzing a theory «Moscow is Third Rome», an author speaks to the legacy of prominent thinkers: N. Danilevskiy, N. Berdyaev, G. Florovskiy. An author comes to the conclusion, that a medieval writer Filofey, which completed forming of this theory, was the opponent of idea of conquests and expansion. Main was a maintenance of traditional values of Rus, based on the ideals of the Orthodox Church. Undoubtedly, theory «Moscow – Third Rome» has a geopolitical aspect also. It is conditioned a scientific category «state-civilization». The author of the article draws conclusion about the necessity of establishment of close partner relationships with those states for which maintenance of tradition always was a priority task. Side by side with this, this theory can and must get a due comprehension during the inevitable evolution of the folded model of mutual relations between confessions. Traditional confessional space of Russia must be assured from destructive influences from abroad, which have a goal to deform the valued row of multinational people of our country. The self-weighted policy, leaning against the best achievements of domestic political idea, will bring a perceptible benefit not only to Russia and its allies, but also will serve achievement of world stability.

Keywords: «Third Rome», Russian world, state-civilization, geopolitical measuring.

References

1. Berdyaev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma / N. A. Berdyaev. – M.: Nauka, 1990. – 224 s.
2. Grigor'yants V.Y., Zhil'tsov S.S., Ishin A.V. Federalizatsiya Ukrainy: k yedinstvu cherez raznoobraziye / V. Y. Grigor'yants, S. S. Zhil'tsov, A. V. Ishin. – M.: Izd-vo MGOU, 2010. – 36 s.
3. Grigor'yants V.Y., Ishin A.V., Shevchuk A.G. K voprosu o gosudarstvenno-konfessional'nykh otnosheniyakh v Ukraine i ARK / V. Y. Grigor'yants, A. V. Ishin, A. G. Shevchuk. - Izdaniye vtoroye, pererabotannoye i dopolnennoye. – Simferopol': Krymskiy Arkhiv, 2004. – 50 s.
4. Danilevskiy N.Y. Rossiya i Yevropa / N. Y. Danilevskiy. – M.: Kniga, 1991. – 576 s.

5. Ishin A.V. Istoriko-kul'turnyye istoki Russkogo mira: kontseptsiya «Moskva – Tretiy Rim» / A. V. Ishin // Aktual'nyye problemy razvitiya postsovetskogo prostranstva: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Moskva, 2 aprelya 2015 g.) / Otv. red. S.S. Zhil'tsov. – M.: IIU MGOU, 2015. – S. 28–32.
6. Ishin A.V., Ivanichenko Y.Y. Russkiy Prosvetitel' Kitaya. Arkhipastyrskiy podvig svyatitelya Guriya (Karpova) / A. V. Ishin, Y. Y. Ivanichenko // Pokrov. – 2016. – № 2 / 542. – S. 52–55.
7. Ishin A.V. Tsivilizatsionnoye izmereniye Russkogo mira / A. V. Ishin // Problemy postsovetskogo prostranstva. – 2015. – № 3. – S. 19–33.
8. Sinitsyna N.V. Tretiy Rim. Istoki i evolyutsiya russkoy srednevekovoy kontseptsii. XV–XVI vv. / N. V. Sinitsyna. – M.: Indrik, 1998. – 416 s.
9. Prot. Georgiy Florovskiy. Puti russkogo bogosloviya / Prot. Georgiy Florovskiy. – Parizh: YMCA-PRESS, 1983. – 574 s.
10. Se Povesti vremennykh let (Lavrent'yevskaya letopis') / Sost, avtory primechaniy i ukazateley.: A.G. Kuz'min, V.V. Fomin; vstupitel'naya stat'ya i perevod A.G. Kuz'mina. – Arzamas, 1993. – 383 s.

УДК 303.42:303.094.5

USE OF FACE-TO-FACE GROUP METHODS OF EXPERT EVALUATION IN SOCIAL AND POLITICAL RESEARCH

Lomko I.G.

The success of scientific research depends primarily on knowledge and the ability to use a wide range of methods in order to solve the research problem and reach the goal. The significance of the use of face-to-face group methods of expert evaluation is connected with a search for ways of optimizing the organization of the work of expert groups which are based on personal contact of specialists with one another. The research subject of this article is a study of techniques and stages of the use of the brainstorming method and the method of synectics, aimed at focusing readers' attention to the rules of their use in analyzing political institutions and processes. The author has concluded that face-to-face group methods of expert evaluation are irreplaceable in the process of generating new and outstanding ideas. The use of the «brainstorming» method: first, increases effectiveness of analysis; second, facilitates a radical critical processing of early-made projects; third, gives an opportunity to develop conclusions based on coordinated opinions. The synectics method is one of the important methods used in political science in such spheres as political prediction and modeling. The author especially marks out psychological methods (judgments by analogy), which could enhance the process. Nowadays, the use of such analogies (personal analogy, direct analogy, symbolical analogy, fantastical analogy) in solving political issues is practiced very seldom, and because of that their consideration might be interesting.

Keywords: *face-to-face group methods of expert evaluation, method of «brainstorming», synectics method, personal analogy, direct analogy, symbolical analogy, fantastical analogy.*

The success of scientific research depends primarily on knowledge and the ability to use a wide range of methods in order to solve the research problem and reach the goal.

The significance of the use of face-to-face group methods of expert evaluation is connected with a search for ways of optimizing the organization of the work of expert groups which are based on personal contact of specialists with one another.

The research subject of this article is a study of techniques and stages of the use of the brainstorming method and the method of synectics, aimed at focusing readers' attention to the rules of their use in analyzing political institutions and processes.

Among researchers who developed and have continued using face-to-face methods of expert evaluation are: V. Avksentyev, G. Gritsenko, A. Dmitriyev [3], B. Aksumov, A. Hots [2], N. Anokhina, E. Meleshkina [1], L. Boyko-Boychuk [4], S. Grigoryev [7], G. Kokhan [9], A. Melvil, I. Timofeyev, A. Myagkov [12], V. Podshivalkina [14], A. Chirikova [5], D. Shvetsova [16], W. Gordon, I. Janis, G. Miller, A. Osborn.

«Brainstorming» was developed in the 1950's. This method presumes a strict compliance with certain rules: 1) no critics are allowed; 2) freedom, breadth and originality of view are welcome; 3) the more ideas, the better; 4) think how to improve the mentioned ideas or to combine some of them into one [13].

Basic stages of «brainstorming»:

1. A group of experts suggests any – even the most adventurous and improbable – versions of the solution and develops scripts of the situation, which are criticized in this stage.

2. A group of analysts discusses these ideas and scripts and defines the results of the «brainstorming» in the shape of a final document.

Such an approach is one of the basics of «brainstorming». Therefore, the generation of ideas and their discussions are separate. This proposition is based on «the psychological phenomenon of duality of the human consciousness: we possess critical consciousness on the one hand, and creative consciousness on the other hand» [13, p. 26]. In addition, consideration of ideas at the same time with their producing not only slows down the creative activity, but also threatens to make good ideas, that are in need of improvement, unclear during the superficial discussion. «It is impossible to move ahead with an applied brake» says the axiom of «brainstorming».

Membership of the expert group in «brainstorming»:

First of all, it is necessary to set-up parameters of a total number of the group's experts. For a long time it was thought that only a small group of 7 ± 2 can work efficiently. In Psychology it is called «Miller's Magic Number», after the man who established the fact that in the human brain only such a number can be remembered [11]. Having too large a group, first, will drag out the problem discussion; second, will cause an inevitable loss of concentration of the discussion's participants on its subject and will not allow for the psychological mechanisms of disclosure of the creative potential of the experts [15, p. 76].

The «brainstorming» group usually consists of 3-5 regular members forming its backbone, 5 newcomers, a leader and a secretary who writes down all the proposals. The group's «backbone» consists of key political experts of the structure that initiated «the brainstorming». It is important to avoid the situation of always having the same people participate in the «brainstorming». In this case, as psychologists say, the group may stop generating new ideas.

The phenomenon of group thinking was discovered by an American psychologist I. Janis during the study of groups that make political and military decisions: «the thinking style of those who are totally drawn into a single group, ... is more important than a realistic judgment of possible actions» [8].

It occurred that over time, groups with an invariable membership started making unprofessional decisions which would not be accepted even by a non-specialist (a decision

made in the early 1930's under the direction of Great Britain about the utility for the country of strengthening positions of Hitler in Germany; recommendations of experts close to the US President H. Truman on the necessity of starting a military conflict in Korea).

The leader's role in the first stage of «brainstorming»:

The leader should monitor the observance of the method's rules; define a problem for the group; monitor the experts' concentration of attention exclusively on the discussion's subject; and support beginners who might feel psychological discomfort. The leader is supposed to begin a discussion from quite simple questions. He is also encouraged to meet the beginners' answers with approval, a practice very important for them in terms of their feeling an equal partnership with other participants.

«There is no need to make a list of ideas: first, it reduces their perception by other participants; second, it slows down the whole process. Usually, priorities are established and during a round each expert may state one idea. If he/she does not have one, he/she misses the turn» [13].

There are different variations of «brainstorming» modifying this process. For instance, some western psychologists suggest starting the discussion at a lunch. According to them, it will help participants get closer. During the lunch it might be that the main group gets to know newcomers. The essence of another method called «stop and go» developed by Kh. Shmidkhauzer is this: «within 3-5 minutes the participants sketch possible problems' solutions, then for the same amount of time, in silence, they think over the suggested ideas, trying to improve them or find something new. Then they start over» [13, p. 240].

In the second stage of «brainstorming»:

A few hours before the criticism stage, a leader calls all the group's members and asks whether they have found some new solutions, which are added to the list, as well. The leader should also analyze all the developed solutions, take out the duplicated ones, and divide them into groups according to their similarity. After that, experts get together again: the solutions passing criticism are added to the group's assets, and the failed ones are rejected. As a result, a large number of ideas that can be implemented in practice will be presented in the final document.

Some authors suggest entrusting criticism to a group that did not take part in developing the ideas. This results in the appraisals' objectivity, because in criticizing somebody else's ideas experts will be more impartial. There's no need to use this method if the professionalism of the participants in their area of expertise is obvious.

There is another method of face-to-face expert evaluation called synectics by W. Gordon (W. Gordon is a founder and Head of a consulting company Synectics Incorporated). Initially it was founded in the 1950's-1960's as a method to stimulate creative work when searching for innovative problem solutions in industry and administration. The synectics method was founded on the use of 4 types of judgment by analogy (personal, direct, symbolic, fantastic).

W. Gordon sees the experts' role in the discussion in a different way. According to his point, the most correct solutions can be suggested by dilettantes rather than specialists. «Experts-scientists tend not to go out of their area of discipline, which prevents them from

discerning totally new horizons of knowledge. Their science keeps them within strictly established limits, they are absorbed in its ordinariness and cannot see the problem from the unexpected and non-traditional point of view» [6, p. 93-96]. Because of that, W. Gordon thinks that a group of people from totally different professions is able to offer solutions in various fields.

For experts W. Gordon assigns the part of a «points man who controls traffic» [6, p. 118]. The professional appraisal of suggestions coming from other discussion members becomes a primary function of experts. «Experts should make familiar what is unfamiliar to the group's members; the group's members, non-specialists in the issue discussed, should make the familiar unfamiliar for experts, encouraging the experts to think beyond the constraints of that science they represent» [6, p. 33-35].

In the beginning stage, the greatest numbers of possible solutions are produced, and often they are incompatible (hence, the origin of the method's name: in Greek «synectics» means «joining of different elements»). So-called «synectors» lead and set the pace of those discussions.

W. Gordon especially marks out psychological methods (judgments by analogy), which could enhance the process. Nowadays, the use of such analogies in solving political issues is practiced very seldom, and because of that their consideration might be interesting.

Personal analogy is used to identify a person who makes a decision with someone («entry to the object» by means of presenting yourself as an object). For instance, while organizing an election campaign it is possible to put yourself in the place of a potential voter and act his way. A number of experts called «Group of Counteraction» put themselves in the place of opponents to the decision and try to predict their possible actions. Then, on the basis of the conclusions, a decision may be adjusted or possible countermeasures developed.

Direct analogy: a person looks for a situation considered to be a problem, but from an absolutely different sphere. He tries to extrapolate the principle of an observable object to the object of his research (It is an attempt to transfer an anthill or a hive system to a human community, what is also called «Lions and Foxes» in Machiavelli's types of politicians.).

Symbolical analogy is similar to direct analogy but here the objects taken as a sample may not be explained by an expert. This analogy is concise, usually 2-3 word phrases, and expresses the problem's essence or the object's particular function in a figurative form. Such phrases are combinations of contrasting notions. For instance, a physical issue on the use of thermal processes for cooling can be designated as «burning ice». Such an analogy can effectively be used while discussing political issues: «iron curtain», «cold war».

Fantastical analogy – here you give vent to your wildest fantasy then adapt it to the current issue. This analogy is based on Freud's idea that all our creative work is an implementation of our desires. W. Gordon was convinced that seemingly fantastical projects could smoothly turn into quite sensible and optimal solutions. Similar ideas were suggested by Plato («The Republic») and M. Weber; utopian ideas of T. More and T. Campanella; «Moscow 2025» by V. Voinovich. «R. Akoff developed a strategy of ideal

planning in administration. Its essence is close to fantastical analogy: a group of experts considers what a problem's solution should look like and then they try to develop a plan of action most suitable for the ideal» [15, p. 83].

Here is an example of the use of «brainstorming» in the research project at MGIMO-University (Moscow State Institute of International Relations) in cooperation with the social and educational fund «INO-Center» (Information-Science-Education, Moscow) in 2006.

This method has 3 stages:

- Development of a possible situation by experts (introduction; key words defining main tendencies of the possible situation; possible variations of succession of events.
- Reception of multifaceted opinions orally.
- Preparation of a final document with analytical conclusions.

The group of experts consisted of MGIMO-University's scientists, representatives of the I. Kant Russian State University, as well as representatives from the Far Eastern, Tomsk, Ural, Irkutsk, Voronezh, Saratov universities (the total number was 12 people).

Their goal was to develop 4 alternative scenarios for the future Russia in 2020 based on specific current issues and challenges historically close to Russia.

Such issues/challenges are: the external environment's influence on Russia, social and economic as well as political modernization of Russia, its political regime's characteristics and quality, its territorial structure (the level of centralization and the logic of relations between the center and regions).

As a result of this expert work on the basis of foregoing variables such scenarios have been made:

- «The Kremlin gambit» – limitation of political and economic competition in the country for the sake of the strategic goal of Russia's modernization [10, p. 66-86];
- «Fortress-Russia» – The country should unite to resist external threats even if that limits some individual's rights and freedoms. Russia balances between the world centers of power, rising as a «fortress» over a dangerous «ocean of chaos» [10, p. 73];
- «Russian mosaic» – Russia becomes more «mosaic» and decentralized. This is agreeable to the external world as well as to the most active and successful regions which may gain from it as much as possible [10, p. 74];
- «New dream» – a new active generation in Russia that is interested in open political and economic competition. It is its «new dream» which gradually turns into a reality [10, p. 74].

The results' interpretation:

1. All 4 of the scenarios of the future Russia in 2020 based on the experts' developments are possible trajectories of the development of the country and the world. The «Kremlin gambit» scenario is accepted as a most possible projection of the strategic plan of the current authorities for the next 12 years.

2. Patriotic «Fortress» and democratic «New Dream» are not accepted as opposed alternatives. Democracy in Russia should emerge independently without any help from overseas, and its price may not be Russia's subordination to foreign contractors.

3. Suspicious attitude toward the external world despite an evident denial of the idea of new «iron curtain».

4. Trajectories of the country's development in the logic of «Mosaic» and «Fortress» look illegitimate to experts. No need to sacrifice civil rights and political competition to an accelerated modernization and a status of a great state. Or, on the contrary – infringe upon national interests for the sake of political and economic competition.

5. Taking the «Gambit» variant, experts want even more – a strategy of breakthrough and intensive development, fresh ideas, new vision of the future, new technologies, free competition in politics and economics, and the possibility to influence while making decisions.

On the whole, experts consider Russia's future in a pragmatic vein.

Thereby, face-to-face group methods of expert evaluation are irreplaceable in the process of generating new and outstanding ideas. The use of the «brainstorming» method: first, increases effectiveness of analysis; second, facilitates a radical critical processing of early-made projects; third, gives an opportunity to develop conclusions based on coordinated opinions.

The synectics method is one of the important methods used in political science in such spheres as political prediction and modeling.

References

1. Anokhina N. V., Meleshkina Ye. Yu. Evolution of a Structure of Party Spectrum of Russia before the Parliamentary Elections in 2007 / N. V. Anokhina, A. Yu. Meleshkina // *Polis*. – 2008. – № 2. – P. 105–121.
2. Avksentyev V. A., Aksyumov B. V., Khots A. Yu. Conflict of Civilizations: PRO ET CONTRA (Experts' Opinions) / V. A. Avksentyev, B. V. Aksyumov, A. Yu. Khots // *Sotsis*. – 2009. – № 4. – P. 73–81.
3. Avksentyev V. A., Gritsenko G. D., Dmitriyev A. V. Dynamics of Regional Disputed Process in the South of Russia (Expert Evaluation). / V. A. Avksentyev, G. D. Gritsenko, A. V. Dmitriyev // *Sotsis*. – 2007. – № 9. – P. 70–78.
4. Boyko-Boychuk L. The Analogy Method in Social and Political Research / L. Boyko-Boychuk // *Political Management*. – 2007. – № 4. – P. 74–81.
5. Chirikova A. E. The Chain of Command in the Judgment of Regional Elite: Dynamics of Changes / A. E. Chirikova // *Polis*. – 2008. – № 6. – P. 99–112.
6. Gordon W. Synectic: the Developing of Creative Capacity / W. Gordon. – N.Y: Harper and row Publishers, 1962. – 180 p.
7. Grigoryev S. I. Experts on Reasons of Retardation of Integration in Russia and Belarus / S. I. Grigoryev // *Sotsis*. – 2007. – № 9. – P. 67–69.
8. Janis I. Victims of Groupthink / I. Janis. – Boston: Houghton Mifflin, 1972. – 154 p.
9. Kokhan G. Method of Estimation in Political Science / *Political Management*. – 2008. – № 2. – P. 33–41.
10. Memvil A. Yu., Timofeev I. N. Russia 2020: Alternative Scenarios and Social Preferences / A. Yu. Memvil, I. N. Timofeev // *Polis*. – 2008. – № 4. – P. 66–86.
11. Miller G. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two: Some Limits on or Capacity for Processing Information / G. Miller // *Psychological Review*. – 1956. – Vol. 6, № 2. – P. 81–97.
12. Myagkov A. Yu. Use of Expert Judgment in the Diagnosis of Insincere Respondents' Answers / A. Yu. Myagkov // *Sociological Magazine*. – 2002. – № 3. – P. 98–111.
13. Osborn A. Applied Imagination – Principles and Procedures of Creative Thinking / A. Osborn. – N.Y: Scribners, 1957. – 256 p.
14. Podshivalkina V. About the Use of Qualitative Methods in Sociology, or What Experience We Learn / V. Podshivalkina // *Sociology: theory, methods, marketing*. – 2008. – № 4. – P. 197–206.
15. Simonov K. V. Political Analysis: Tutorial / K. V. Simonov. – M.: Logos, 2002. – 152 p.
16. Shvetsova D. S. Political Risks in the States of Central Asia / D. S. Shvetsova // *Polis*. – 2008. – № 2. – P. 147–156.

Ломко И. Г. Применение групповых очных методов экспертной оценки в социально-политических исследованиях // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Том 2 (68). 2016. № 1. С. 9-15.

Успех научной деятельности во многом зависит от знания и умения применять совокупность методов, позволяющих раскрыть проблему исследования и достичь поставленной цели. Актуальность применения групповых очных методов экспертной оценки связана с поиском способов оптимальной организации работы экспертных групп, основанных на личном контакте специалистов друг с другом. Предметом исследования данной статьи является изучение техники и этапов применения методики мозгового штурма и метода синектики с целью привлечения внимания читателей к правилам их использования при проведении анализа политических институтов и процессов. Автор приходит к выводу, что групповые очные методы экспертной оценки незаменимы в процессе генерации новых и незаурядных идей. Использование методики мозгового штурма позволяет: во-первых, увеличить результативность анализа; во-вторых, облегчает радикальную критическую переработку ранее подготовленных проектов; в-третьих, предоставляет возможность разработать заключения, опирающиеся на согласованные мнения. Метод синектики является одним из важных методов, применяемых в политической науке, в таких сферах, как политическое прогнозирование и моделирование. Автор акцентирует внимание на умозаключениях по аналогии (прямой, личностной, символической, фантастической), с помощью которых можно качественно обогатить данный процесс.

Ключевые слова: групповые очные методы экспертной оценки, метод мозгового штурма, метод синектики, прямая аналогия, личностная аналогия, символическая аналогия, фантастическая аналогия.

УДК 327

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Филатов А. С.

В статье рассматриваются теории и концептуальные подходы российских ученых, исследовавших проблемы культурно-цивилизационного развития. Не умаляя заслуг западных авторов, которые все-таки первыми разрабатывали само понятие геополитики (Р. Челлен, К. Хаусхофер), автор обосновано, что отечественная научная традиция в этой области сформировала теории, которые и содержательно, и по времени стали первыми в изучении целого спектра вопросов, отнесенных впоследствии к геополитике. Отмечается, что в работах Н. Я. Данилевского, Л. И. Мечникова, А. Е. Едрихина (Вандама) были впервые сформулированы исследовательские подходы и предложены модели геополитического устройства, которые предвосхитили разработки иностранных социологов, историков и философов. Автор статьи обосновывает значение теории культурно-исторических типов Данилевского для исследования геополитических процессов и распределения геополитических интересов в прошлом, настоящем и будущем. Отмечаются достижения Л. Мечникова, А. Едрихина (Вандама), П. Савицкого в исследовании факторов, мотивов и специфики геополитического форматирования. В целом в отечественной традиции исследований геополитических проблем обозначились два основных подхода к их описанию, представлению и разрешению – культурно-цивилизационный и политико-географический.

Ключевые слова: геополитика, цивилизация, культурно-исторический тип, евразийство.

Известно, что сама постановка геополитической проблематики впервые была представлена в работах европейских ученых. Однако гораздо раньше проблемы реализации культурно-цивилизационных и государственных интересов в глобальных пространствах были подняты и разработаны в обществоведческой науке России. Особое место в этом процессе принадлежит Н. Я. Данилевскому, изложившему свою теорию культурно-исторических типов в 1868 г. в книге «Россия и Европа».

Ни у кого не возникает вопросов, когда применительно к имени Николая Яковлевича Данилевского используются эпитеты «выдающийся русский ученый» или «крупнейший российский социолог». Но чем больше и глубже мы знакомимся с

научным наследием Н. Я. Данилевского, тем весомее основания считать его философом, социологом и геополитиком с мировым именем.

Н. Я. Данилевский был одним из тех российских ученых XIX века, которым по праву принадлежит приоритет в целом ряде социальных открытий, и кто со всей очевидностью продемонстрировал вселенский охват русской мысли. Сейчас вряд ли может быть подвержено сомнению, что идеи Данилевского о цикличности развития определенных культурно-исторических типов были положены в основание известных социально-философских и социологических концепций О. Шпенглера и А. Тойнби.

Социально-философские и социально-политические взгляды Данилевского формировались в условиях острой, зачастую непримиримой идеологической борьбы. В этом плане выделялись два направления, получившие название «славянофилы» и «западники». Зачастую теорию Данилевского относят к традиции «славянофильства», тем самым ретушируя ее содержательную часть в угоду форме выражения. Но все-таки правильнее будет обратиться к сути работ российского философа и социолога с тем, чтобы увидеть и осознать их значение и актуальность для исследования общества в XX столетии и в настоящее время.

Наиболее важными положениями концепции Данилевского являются:

- определения культурно-исторического типа;
- идея славянства как исторически сложившейся социокультурной общности;
- принцип православия, объединяющий славянские племена.

Культурно-исторический тип означает, по сути дела, цивилизацию, которая может быть организована на основе определенных исторических традиций и культурных достижений. Продуцирование культуры, отмечал русский ученый, во многом зависит от социогенетических способностей этнических объединений. Н. Я. Данилевский первым отметил взаимосвязь и взаимовлияние культуры общества, с одной стороны, и организации его учреждений – с другой. При этом он наглядно показал и аргументированно обосновал принципиальные отличия существовавших и существующих культурно-исторических типов, например России и Европы. Говоря о Европе как об особом культурно-историческом типе, Данилевский фиксирует такие типологические признаки, которые характерны для всех европейских стран и которые свидетельствуют о потенциальной объединительной тенденции в этом геополитическом регионе. Таким образом, его концепция обосновывает не только славянскую идентичность, но и европейскую консолидацию. И применительно к последней выполняет прогностические функции, что доказывают современные процессы европейской интеграции. В этом случае Европа – не меньше, чем Россия – обязана Н. Я. Данилевскому.

Идея славянской солидарности строилась на базе культурно-исторической типологизации и потому не была декларативной. Она также была обоснована социально-исторической реальностью и как специфическая гипотеза полностью соответствовала характеру социально-философского исследования, предпринятого Н. Я. Данилевским. Южнославянские страны освобождались Россией от турецкого порабощения; некоторые ростки возрождения традиционной славянской культуры обнаруживали себя и в среде западных славян, которые находились под активным

воздействием ассимиляционной культуртрегерской политики европейской цивилизации. Вследствие чего у Данилевского были все основания предполагать, что окончательное освобождение славянского мира (физическое – у южных славян, духовное – у западных) позволит осуществить формирование славянского культурно-исторического типа, славянской цивилизации и единого славянского государства.

Православие для Данилевского было незыблемым компонентом славянской цивилизации. Безусловно, что такая позиция во многом определялась тем, что сам Николай Яковлевич был глубоко верующим человеком. Но не только этим. В России православие было религией абсолютного большинства населения, и это была государственная религия. Введенный императором Петром I для управления религиозной жизнью Синод институционально и идеологически находился под покровительством Православной церкви. Большинство южных славян также были православными. Западные славяне исповедовали католическое вероучение, но у Данилевского была надежда, что духовное освобождение приведет их в лоно православия как вероучения, сохранившего каноны первоначального христианства.

Анализ концепции Н. Я. Данилевского позволяет сделать однозначный вывод о том, что она в целом и ее основные положения в частности являются логически выверенными, внутренне непротиворечивыми и адекватными социально-исторической реальности второй половины XIX века. Более того, его выводы не потеряли со временем своей значимости в исследовании разнообразных социальных процессов и по ряду важнейших параметров выступают в качестве методологического основания в познании современного общества, сохраняя операциональную привлекательность для разработки геополитических технологий.

В то же время концепция Н. Я. Данилевского может служить базисом для формирования новых геополитических моделей, включающих в себя те признаки современной жизни, которые стали проявляться лишь в последние десятилетия.

Исходя из самого определения Н. Я. Данилевского культурно-исторического типа, возникает вывод о том, что тип цивилизации формируется на основе специфических социокультурных качеств, характерных для особого общественного объединения. Такое объединение, как правило, предполагает общую территорию, в рамках которой устанавливаются связи и взаимодействие всех элементов культуры – экономических, политических, моральных, языковых, научных, идеологических, религиозных. В конечном итоге развитие взаимодействия приводит к тому, что осуществляется формирование целостной социокультурной системы, которая вырабатывает общие правила, нормы и стандарты для всех включенных в нее элементов. Выработка в этой системе единой парадигмы социального бытия и принципов социальной организации обеспечивает образование особого цивилизационного устройства. В итоге социокультурная система выражает себя в форме цивилизации. Это заключение видится особо значимым для исследования геополитического устройства, и потому теория культурно-исторических типов Данилевского представляется базовой для нашей темы, в отличие от других геополитических концепций.

Н. Я. Данилевский был не одинок – его окружала плеяда русских гениев, персонифицирующих эпоху в развитии человеческой мысли, сравнимую с эпохами античной философии, христианской философии средневековья, философии Нового времени и германской философии XVIII–XIX вв. Потому вклад Н. Я. Данилевского в развитие обществоведческой науки значим, поскольку он был в окружении таких корифеев, как И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, П. Я. Чаадаев, Н. К. Михайловский, К. Н. Леонтьев, Вл. С. Соловьев, отец П. Флоренский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев и многие другие. К сожалению, некоторые из их открытий все еще мало знакомы не только международной, но и отечественной ученой среде. На примере геополитики это достаточно очевидно прослеживается.

Социологическая, а по сути геополитическая, концепция Льва Ивановича Мечникова достойна того, чтобы быть включенной в анналы мировой социологии и геополитики. Тем более, что главный труд «Цивилизация и великие исторические реки» им был издан в 1889 году.

Исследуя взаимодействие природы и общества, Л. И. Мечников приходит к заключению, что не только природно-географическая среда оказывает влияние на человека, но в большей степени она сама претерпевает изменения от реализации деятельностных способностей людей. Да и само влияние окружающей среды на человека опосредовано образованием социальной кооперации и солидарности, характерных уже для первобытных обществ. Поэтому то, что пишет Л. И. Мечников, далеко от трактовки «географического детерминизма» целым рядом философских критиков как тотальной зависимости общества от географического фактора.

К числу безусловных достижений Л. И. Мечникова, делающих его крупнейшим социологом XIX века, следует отнести:

- разработку принципов взаимодействия природы и общества с учетом решающего фактора социальной деятельности в изменениях естественно-природной среды и совершенствовании общественной системы. «Мы далеки от географического фатализма, в котором нередко упрекают теорию о влиянии среды, – пишет Л. И. Мечников в работе “Цивилизация и великие исторические реки”. – По моему мнению, – продолжает он, – причину возникновения и характер первобытных учреждений и их последующей эволюции следует искать не в самой среде, а в тех соотношениях между средой и способностью населяющих данную среду людей к кооперации и солидарности» [1, с. 235]. В этом направлении наш соотечественник пошел гораздо дальше Ш. Монтескье, Г. Бокля и К. Риттера, «которые ограничивались признанием влияния природы на человека» [2, с. 87–97];
- обоснование необходимости учитывать при характеристике исторического развития общества исходящий от человека сознательно-деятельностный фактор. Тем самым устраняется опасность чрезмерной объективизации (на грани социального фатализма), возникающей на основе определяющего действия эволюционно-биологического механизма общественного развития, как у Г. Спенсера. Поэтому социально-философская концепция

Л. И. Мечникова глубже по своему содержанию, чем социология Г. Спенсера;

- введение и использование понятия «солидарность» для обозначения сугубо человеческого качества, в противовес животной борьбе за существование. Солидарность обеспечивает сохранность человеческого общества, а также служит гарантом и показателем социального прогресса. Здесь Л. И. Мечников раньше одного из классиков социологии Э. Дюркгейма сформулировал значение принципа солидарности для общества, показав его характерные черты.

Эти социологические открытия Л. И. Мечникова имеют непосредственное отношение к определению источников геополитического устройства, так как указывают на социокультурные детерминанты формирования цивилизационных образований, участвующих в процессе распределения глобальных географических пространств, то есть в геополитических отношениях.

Что касается собственно геополитических концепций, которые начали создаваться в конце XIX – начале XX вв., то Л. И. Мечников раньше Ф. Ритцеля представил научному сообществу и публике исследование, анализирующее влияние географической (природно-климатической) среды на формирование общества, развитие его культуры, становление цивилизационных типов и внешнюю политическую (геополитическую) активность государств.

Творчество русского геополитика начала XX века Алексея Ефимовича Едрихина (публиковавшего свои работы под псевдонимом – Вандам) являет собой еще один пример глубины осмысления проблем мироустройства, прежде всего, на Евразийском континенте и, с другой стороны, величайшей несправедливости в его оценке современниками и потомками. В августе 1912 года А. Е. Вандам пишет книгу «Геополитика и геостратегия», в которой обосновывает теорию континентализма, где показывает необходимость установления союзнических отношений между ведущими государствами Евразийского континента – Францией, Германией и Россией, противостоящих англо-саксонскому гегемонизму. Выходит, что военно-политическая доктрина «Континентального блока» К. Хаусхофера, обнародованная им в конце 30-х годов прошлого века, лишь ретранслировала спустя почти тридцать лет идеи А. Е. Вандама. Все это вполне допустимо, но ни у самого К. Хаусхофера, ни у историков геополитики мы не находим ссылок на А. Е. Вандама.

Вслед за Н. Я. Данилевским геополитическое форматирование и устройство в зависимости от культурно-цивилизационных особенностей государств-участников процесса стали темой исследования для философско-политической школы евразийства. В российской обществоведческой мысли XIX века вопросы культурно-цивилизационного своеобразия и идентичности интенсивно изучались в рамках двух основных школ – славянофилов и западников. Однако сами школы не озадачивались проблемами влияния и определения геополитических процессов культурно-цивилизационными конструкциями. Кроме того, даже когда славянофильство выходило на осмысление геополитических процессов в контексте цивилизационного своеобразия (прежде всего, в лице Н. Я. Данилевского), оно не

рассматривало Россию как цивилизационный тип и на основе этого участницу геополитических отношений.

Пожалуй, ближе всего к концепции российской цивилизации, как цивилизации особого типа, подошли представители евразийства, предшественником которых можно считать К. Н. Леонтьева, видевшего будущее России в союзе со странами Востока, а не с европеизированными политическими режимами западных славян – чехов, словенцев, хорватов и т. п. В работах Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Г. В. Флоровского, П. П. Сувчинского, позднее Л. Н. Гумилева обосновывается особый культурно-исторический тип России, обозначаемой термином «Евразия». При этом они акцентируют внимание на связи ее с азиатско-тюркским миром и противопоставляют европейской или западной цивилизации. В этом случае понятия российской цивилизации и евразийской цивилизации являются тождественными. Такой подход содержит, собственно говоря, основной недостаток теории евразийства, когда его авторы уходят от определений русской/российской цивилизации, замещая их описанием и характеристикой этнокультурного симбиоза, формирующегося на обширных пространствах между европейской и восточными (китайской и индийской) цивилизациями. Что ведет к представлениям об эклектичном характере евразийской цивилизации, ее неустойчивости, а главное – прячет сам стержень российской цивилизации, каковым является русская культура и русское православие.

Что касается геополитики, то из всех евразийцев ее проблемами занимался в полной мере Петр Николаевич Савицкий. Главной темой его исследований были культура и геополитическое своеобразие России, которая отождествлялась с понятием Евразии и представляла третий континент наряду с Европой и Азией. Выделение П. Н. Савицким России в третий континент в пределах Евразийского материка происходило на основе географического и исторического понимания. При этом им четко различались культурно-исторические содержания (здесь явно обнаруживается наследие Н. Я. Данилевского) миров «Европы», «Азии» и «Евразии» (России).

Близость позиции П. Н. Савицкого к теории Н. Я. Данилевского состоит в том, что он также рассматривает русскую культуру в качестве детерминанты своеобразия цивилизации и ее геополитического положения с той разницей, что у Данилевского это славянский культурно-исторический тип (цивилизация), то у Савицкого – евразийская цивилизация. Более серьезные различия между ними проявляются в том, что Н. Я. Данилевский фактически не уделяет внимание географическому фактору становления и развития славянской цивилизации, равно как и европейской, а П. Н. Савицкий своеобразие России или Евразии (что для него является тождественным) видит во многом как следствие специфики ее географической среды.

Но, пожалуй, наиболее существенным является то, что славянский культурно-исторический тип Данилевского представлен как целостный, обусловленный едиными разрядами культурной деятельности («четырёхосновной», по определению самого Н. Я. Данилевского). Причем для Данилевского понятие «славянство» также должно сводиться к России, как к ней свелась Малороссия в середине XVII века,

долго разделенная со всей Россией. Следовательно, славянская цивилизация в понимании Данилевского означает, по сути дела, российскую или русскую цивилизацию. Потому сравнивая определения цивилизаций Данилевского и Савицкого, мы можем применять их к России.

П. Н. Савицкий, как и в целом евразийство, не принял славянскую основу российской цивилизации, справедливо полагая, что туранские племена России ближе к русской культуре, нежели западные славяне – чехи, поляки, словенцы и хорваты. Но российская цивилизация у Савицкого и определяющая ее русская культура получились достаточно эклектичными, образованными вследствие механического соединения в рамках Евразии разных культурно-цивилизационных традиций – византийской (исходящей от эллинистической), монголо-ордынской (или степной, восточной) и европейской (западной). В результате Россия выглядит как такой культурно-цивилизационный конгломерат, который был скреплен пространством Евразии и который удерживается почвой русской культуры, сохраняющей устои еще довизантийского периода, но все более пропитываемой евразийскими ценностями.

Анализ работ российских геополитиков (вне зависимости от того имели ли они формальные определения и статусы геополитических или нет) показывает, что в отечественной традиции исследований геополитических проблем обозначились два основных подхода к их описанию, представлению и разрешению – культурно-цивилизационный и политико-географический. Первым и, пожалуй, самым ярким представителем цивилизационного подхода в исследовании проблем глобального мироустройства (геополитических проблем) был Н. Я. Данилевский. Способы культурно-цивилизационного подхода также характерны для П. Н. Савицкого. А в работах Л. И. Мечникова и А. Е. Едрихина (Вандама) обозначен политико-географический подход. Стоит отметить, что евро-атлантическая геополитика развивалась главным образом в рамках политико-географического подхода, который изначально был выражен Ф. Ратцелем, Р. Челленом и А. Мэхэном. В XX веке, во второй половине и ближе к его завершению, получили развитие трансформационные варианты геополитики – связанная с политико-географическим подходом геозкономика и строящаяся, прежде всего, на культурных и цивилизационных концептах геофилософия. Это указывает на вторичный характер развития западной (европейской и американской) мысли в исследовании глобальных политических процессов и культурно-цивилизационных детерминант мировой геополитики.

Достижения российской социально-политической и социально-философской мысли позволяют сделать вывод, что выделенные в статье подходы, безусловно, не являются взаимоисключающими и каждый несет в себе частички другого; используются общие методы и учитываются близкие факторы. Поэтому каждая из рассмотренных геополитических концепций и, соответственно, представленные в них подходы имеют глубокое содержательное значение.

Список литературы

1. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. – М.: Пангея, 1995. – 461 с.

2. Социологическая мысль в России: Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века / [под ред. Б. А. Чагина]. – Л.: Наука, 1978. – 416 с.
3. Вандам (Едрихин) А. Е. Геополитика и геостратегия [Электронный ресурс] / А. Е. Вандам (Едрихин). – URL: <http://oko-planet.su/first/73518-vandam-edrihin-a-e-geopolitika-i-geostrategiya.html>.
4. Вандам А. Е. Наше положение / А. Е. Вандам // Геополитика и геостратегия [сост., вступ. ст. и коммент. И. Образцова]; [заключ. ст. И. Даниленко, Жуковский]. – М.: Кучково поле, 2002. – С. 27–154.
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Данилевский Н. Я. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
6. Савицкий П. Н. В борьбе за евразийство. Полемика вокруг евразийства в 1920-х годах [Электронный ресурс] / П. Н. Савицкий. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn10.htm>.
7. Савицкий П. Н. Географические и геополитические основы евразийства [Электронный ресурс] / П. Н. Савицкий. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn05.htm>.
8. Савицкий П. Н. Геополитические заметки по русской истории [Электронный ресурс] / П. Н. Савицкий. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn04.htm>.
9. Савицкий П. Н. Евразийство как исторический замысел [Электронный ресурс] / П. Н. Савицкий. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn12.htm>.
10. Савицкий П. Н. Евразийская концепция русской истории [Электронный ресурс] / П. Н. Савицкий. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn11.htm>.
11. Савицкий П. Н. Евразийство [Электронный ресурс] / П. Н. Савицкий. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn09.htm>.
12. Савицкий П. Н. Континент Евразия / П. Н. Савицкий. – М.: Аграф, 1997. – 464 с.
13. Савицкий П. Н. Континент-океан (Россия и мировой рынок). [Электронный ресурс] / П. Н. Савицкий. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn08.htm>.
14. Савицкий П. Н. Миграция культуры [Электронный ресурс] / П. Н. Савицкий. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn07.htm>.
15. Савицкий П. Н. О задачах кочевниковедения (Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?) [Электронный ресурс] / П. Н. Савицкий. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn01.htm>.
16. Савицкий П. Н. Поворот к Востоку [Электронный ресурс] / П. Н. Савицкий. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn06.htm>.
17. Савицкий П. Н. Степь и оседлость [Электронный ресурс] / П. Н. Савицкий. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn03.htm>.

Filatov A. S. Geopolitical Issues in the Works Russian Researchers // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political Science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 1. – P. 16–24.

The article deals with the theory and conceptual approaches of Russian scientists who have studied the problem of cultural and civilizational development. It is noted that in the works of N.Y. Danilevsky, L.I. Mechnikov, A.E. Edrikhin (Vandam) were first formulated research approaches and propose a model of geopolitical device that anticipated the development of foreign sociologists, historians and philosophers. The author proves the importance of the cultural-historical theory Danilevsky types to study the distribution of the geopolitical processes and geopolitical interests in the past, present and future. There have been achievements L. Mechnikov, A. Edrikhin (Vandam), P. Savitsky in the study of factors, motives and specific geopolitical formatting.

Analysis of the works of Russian geopolitics (regardless of whether they have formal definitions and geopolitical status or not) shows that the designated two basic approaches to their description, presentation and resolution in the Russian tradition of Geopolitical Problems research – cultural-civilizational, political and geographical. The first and perhaps the most prominent representative of the civilizational approach to the study of the problems of the global world order (geopolitical problems) was N.Y. Danilevsky. Methods of cultural and civilizational approach is also characteristic of the PN Savitsky. And in the works L.I. Mechnikov and A.E. Edrikhin (Vandam) designated political-geographical approach. It is worth noting that the Euro-Atlantic geopolitics developed mainly within the political-geographical approach, which was originally pronounced F. Ratzel, R. Chellén and A. Mahan. In the XX century, in the second half and

closer to its end, as a consequence of the above approaches have developed transformational options geopolitics – associated with political and geographical approach and geo-economics is being built primarily on cultural and civilizational concepts geofilosofiya. What does the secondary character of the western (European and American) thought in the study of global political processes and cultural-civilizational determinants of world geopolitics. Achievements of the Russian socio-political and socio-philosophical thought leads to the conclusion that the isolated article approaches, of course, are not mutually exclusive, and each carries a different particles; use common methods and included similar factors. Therefore, each of the discussed concepts and geopolitical respectively provided in their approaches have substantial depth value.

Key words: Geopolitics, civilization, cultural-historical type, Eurasianism.

References

1. Mechnikov L. I. Tsvivilizatsiya i velikiye istoricheskiye reki. – M.: Pangeya, 1995. 461 s.
2. Sotsiologicheskaya mysl' v Rossii: Ocherki istorii nemarksistskoy sotsiologii posledney treti XIX - nachala XX veka / [pod red. B.A. Chagina] – L.: Nauka, 1978. – 416 s.
3. Vandam (Yedrikhin) A.Y. Geopolitika i geostrategiya [Elektronnyy resurs] / A.Y. Vandam (Yedrikhin). – Rezhim dostupa: <http://oko-planet.su/first/73518-vandam-edrihin-a-e-geopolitika-i-geostrategiya.html>
4. Vandam A.Y. Nashe polozheniye / A.Y. Vandam // Geopolitika i geostrategiya / [cost., Vstup. st. i komment. I. Obraztsova] / [zaklyuch. st. I. Danilenko, Zhukovskiy] – M.: Kuchkovo pole, 2002. – 272 s. – S. 27–154.
5. Danilevskiy N.Y. Rossiya i Yevropa / Danilevskiy N.Y. – M.: Kniga, 1991. – 574 s.
6. Savitskiy P.N. V bor'be za yevraziystvo. Polemika vokrug yevraziystva v 1920-kh godakh [Elektronnyy resurs] / P.N. Savitskiy. – Rezhim dostupa: [HTTP://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn10.htm](http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn10.htm)
7. Savitskiy P.N. Geograficheskiye i geopoliticheskiye osnovy yevraziystva [Elektronnyy resurs] / P.N. Savitskiy. – Rezhim dostupa: [HTTP://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn05.htm](http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn05.htm)
8. Savitskiy P.N. Geopoliticheskiye zametki po russkoy istorii [Elektronnyy resurs] / P.N. Savitskiy. – Rezhim dostupa: [HTTP://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn04.htm](http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn04.htm)
9. Savitskiy P.N. Yevraziystvo kak istoricheskiy zamysel [Elektronnyy resurs] / P.N. Savitskiy. – Rezhim dostupa: [HTTP://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn12.htm](http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn12.htm)
10. Savitskiy P.N. Yevraziyskaya kontseptsiya russkoy istorii [Elektronnyy resurs] / P.N. Savitskiy. – Rezhim dostupa: [HTTP://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn11.htm](http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn11.htm)
11. Savitskiy P.N. Yevraziystvo [Elektronnyy resurs] / P.N. Savitskiy. – Rezhim dostupa: [HTTP://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn09.htm](http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn09.htm)
12. Savitskiy P.N. Kontinent Yevraziya / P.N. Savitskiy. – M.: Agraf, 1997. – 464 s.
13. Savitskiy P.N. Kontinent-okean (Rossiya i mirovoy rynek) [Elektronnyy resurs] / P.N. Savitskiy. – Rezhim dostupa: [HTTP://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn08.htm](http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn08.htm)
14. Savitskiy P.N. Migratsiya kul'tury [Elektronnyy resurs] / P.N. Savitskiy. – Rezhim dostupa: [HTTP://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn07.htm](http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn07.htm)
15. Savitskiy P.N. O zadachakh kochevnikovovedeniya (Pochemu skify i gunny dolzhny byt' interesny dlya russkogo?) [Elektronnyy resurs] / P.N. Savitskiy. – Rezhim dostupa: [HTTP://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn01.htm](http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn01.htm)
16. Savitskiy P.N. Povorot k Vostoku [Elektronnyy resurs] / P.N. Savitskiy. – Rezhim dostupa: [HTTP://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn06.htm](http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn06.htm)
17. Savitskiy P.N. Step' i osedlost' [Elektronnyy resurs] / P.N. Savitskiy. – Rezhim dostupa: [HTTP://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn03.htm](http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn03.htm)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 2 (68). 2016. № 1. С. 25–33.

УДК: 316.346.32-0536

ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ КРЫМСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Хриенко Т. В.

В статье отражены результаты социологических исследований, полученные в ходе двадцатипятилетнего мониторинга за развитием мировоззренческих ценностей крымской молодежи. Среди специалистов в последние годы особо возрос интерес к политической идентификации молодежи. Постсоветский период развития способствовал во многом не решению, а обострению имеющихся регионально-политических проблем. В связи с этим предпринимались интенсивные попытки социологов и представителей других наук более детально изучать возникающие проблемы. Особую актуальность приобретает необходимость изучения особенностей мировоззрения крымской молодежи. Ее взгляды сформировались преимущественно в условиях нахождения Крыма в составе Украины, а в настоящее время детерминированы развитием институтов российской государственности. Значительное внимание уделено процессам проявления интереса молодежи к политике. Наряду с этим определена динамика политической идентификации молодежи в современных условиях.

Ключевые слова: крымская молодежь, референдумы, выборы, общественно-политические приоритеты, мониторинг, политика.

В современной социологии политики и политологии достаточно полно рассмотрены вопросы политического устройства общества, взаимодействия различных политических и властных структур (В. Н. Амелин, Н. С. Федоркин, А. А. Дегтярев, Д. В. Ольшанский, А. С. Панарин, М. В. Ильин, М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги, Г. А. Чередниченко, В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, В. А. Луков, Ю. Р. Вишневский, Н. М. Великая, Ж. Т. Тощенко и др.). Однако динамика формирования общественно-политических ценностей в данном контексте остается изученной еще недостаточно, без чего невозможно определить содержание и вектор направленности политической социализации не только молодежи, но и общества в целом.

Целью статьи является определение генезиса и специфики формирования общественно-политических приоритетов крымской молодежи в контексте развития их мировоззренческих ценностей.

Научная новизна: впервые публикуются результаты длительного социологического мониторинга, проведенного автором (1991–2016 гг.) по вопросам общественно-политической идентификации молодежи Крыма.

Изучение вопросов политической социализации молодежи нами было начато еще в 1991 году. В режиме мониторинга ежегодно опрашивались фактически все категории этой социальной группы населения с целью выявления вектора развития мировоззренческих ценностей, а также определения факторов, которые в наибольшей степени их формируют.

Нас, прежде всего, интересовало отношение молодых крымчан к происходившим политическим процессам, которые в регионе были необычайно противоречивы.

Одним из ключевых элементов определения политического мировоззрения является степень проявления интереса к политике как институту социальной жизни. Ниже представлено распределение ответов на вопрос: «**Скажите пожалуйста, в какой степени интересует Вас политика?**» (данные в % к общему количеству опрошенных в среднем по периодам, указанным в таблице).

Таблица 1.

Позиции	Степень поддержки, в %								
	1991–1993	1994–1996	1997–1999	2000–2002	2003–2005	2006–2008	2009–2011	2012–2014	2015–2016
Политика весьма интересует	45,0	39,0	35,0	36,0	36,0	33,5	30,5	47,0	37,5
Интересует в большей степени, чем не интересует	24,0	27,5	26,0	24,0	22,0	21,5	19,5	23,5	19,0
Не интересует в большей степени, чем интересует	21,0	24,0	26,5	29,0	29,0	30,0	32,5	17,5	25,5
Совершенно не интересует	7,0	9,0	9,0	7,5	7,0	8,0	10,5	7,5	7,0
Затруднились с ответом	3,0	0,5	3,5	3,5	6,0	7,0	7,0	4,5	11,0
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Данные многолетних исследований свидетельствуют, что традиционно крымская молодежь проявляет к политике относительно большой интерес. В то же время начиная с середины 90-х годов постепенно этот интерес снижается. Так, если

в начале мониторинга в 1991–1993 годах в той или иной степени интересовались политикой около 70,0 % респондентов, то в 2009–2011 годах – 50,0 %. Традиционно повышенный интерес к политике проявляла студенческая молодежь ведущих государственных вузов Крыма.

Особо большой интерес к политике крымская молодежь начала проявлять с 2013 года, когда ее киевские сверстники вышли с протестами на «майdan» в Киеве. Проведенные нами в то время исследования показали, что подавляющее большинство крымской молодежи не поддержало идеи «евромайдана» и формы его выражения. Осенью 2013 года по репрезентативной выборке был проведен опрос около 2,5 тысяч респондентов из числа крымской молодежи с целью выявления ее общественного мнения в связи с обострившейся социально-политической ситуацией на Украине. На вопрос, «Как Вы относитесь к акциям протеста («евромайданам») в Киеве и других регионах Украины?», были получены следующие ответы (приводятся ниже, в процентах к общему количеству опрошенных):

- акции протестов («евромайданы») поддержали – 14,5 %;
- акции протестов («евромайданы») не поддержали – 85,5 %.

На открытый вопрос, «Если Вы не поддерживаете “евромайданы”, то почему?», наиболее часто встречались ответы следующего содержания (приводятся в авторской стилистике респондентов):

- потому что «евромайдан» уже не митинг, не агитация, а полный беспредел, при котором разрушают Киев;
- не поддерживаю, так как это провокационные действия США, а Евромайдан – это действия, направленные на уничтожение Украины, стран, которые стараются захватить весь мир;
- потому, что это все ужасно! Так нельзя! Не страна, а болото, козье болото!
- евромайданы – позор для нашей страны! Средневековая дикость;
- из-за того, что бандеровцы раскалывают страну, убивают солдат и ни в чем неповинных людей. Восхищаюсь «Беркутом» – есть еще в стране люди чести и славы!
- агрессоры, провокаторы, убийцы. В нашем селе создаются отряды самообороны, чтобы не пустить этих мерзавцев в Крым;
- потому что выступаю за Таможенный союз и Россию. И чем быстрее, тем лучше, особенно для Крыма [1, с. 101–103].

Приведенные выше данные являлись не эксклюзивными по отражению настроения населения в Крыму вообще и молодежи в частности в отношении так называемых «евромайданов» и усугублявшегося на Украине кризиса. В таких условиях интерес молодежи к политике был необычайно высоким. Около 90,0 % молодых крымчан, как свидетельствуют наши исследования, проявляли к ней к концу 2013 – началу 2014 годов повышенный интерес.

Особо активный интерес к политике молодежь Крыма проявила весной 2014 года. Подавляющее большинство отрядов самообороны, сформировавшихся фактически во всех городах и районах Крыма, состояли из молодых людей. Следует отметить и то, что около 90,0 % молодежи в возрасте до 30 лет приняли участие в

референдуме 16 марта 2014 года и активно проголосовали за воссоединение Крыма с Россией.

Исследования, проведенные нами в 2016 году, показывают, что в условиях стабилизации общественно-политической ситуации в регионе интерес молодежи к политике начал постепенно снижаться. К сентябрю 2016 года количество тех, кто «политикой весьма интересуется» и «интересуется в большей степени, чем не интересуется», составил не более 50,0 %.

Как показывают результаты многолетнего мониторинга, наибольший интерес к политике у крымской молодежи наблюдался в 1991, 1994, 2004 годах, а также в 2014. Это обуславливалось сложными политическими переменами в жизни общества, происходившими именно в указанные периоды времени. В последующем определялась тенденция к уменьшению таких показателей. Повторим, что особо интерес к политике крымская молодежь стала проявлять со второй половины 2013 года, с началом политического кризиса на Украине и его разрешения методами «майдана».

В целом же двадцатипятилетний мониторинг показал, что в Крыму интерес к политике среди молодежи был значительно выше, чем аналогичные показатели по Украине, России и другим странам СНГ, о чем свидетельствует также участие молодежи в различных политических акциях.

Важным аргументом, подтверждающим высокий уровень политизации крымской молодежи, является ее участие в выборах. Данные по ее участию в выборах нами взяты из документов ЦИК – (Центральной избирательной комиссии Крыма), которая регулярно подводит не только общие итоги голосований, но и определяет расчетные показатели по активности избирателей в региональном, половозрастном разрезе и по другим параметрам [2]. При этом использовались также результаты самостоятельно проведенных нами социологических исследований. Аналогичная информация заимствовалась и из публикаций ЦИК Украины, других источников. Обобщая все вместе взятое, была определена степень активности участия крымской молодежи в голосованиях и референдумах.

1991 год, 20 января. Референдум. Вопрос: «Вы за восстановление Крымской АССР как субъекта Союза ССР и участника союзного договора?» Приняли участие 81,37 % избирателей; из числа молодежи до 30 лет – 75 %.

1991 год, 17 марта. Референдум. Вопрос: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной Федерации равноправных суверенных республик, в котором будут в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности?» Приняли участие 79,3 % избирателей; из числа молодежи до 30 лет – 70 %.

1991 год, 1 декабря. Референдум. Вопрос: «Подтверждаете ли Вы акт провозглашения независимости Украины?» Приняли участие 67,7 % избирателей; из числа молодежи до 30 лет – 65 %.

1994 год, июнь. Выборы Президента Украины. Приняли участие 64 % избирателей; из числа молодежи до 30 лет – 63 %.

1994 год, 27 марта, 10 апреля, 26 июня, 10 июля. Выборы в Верховный Совет Крыма. Приняли участие в среднем 59 % избирателей; из числа молодежи до 30 лет – 67 % (средний возраст парламента Крыма составил 37,5 лет).

1998 год, 29 марта. Выборы в Верховную Раду Украины. Приняли участие 61 % избирателей; из числа молодежи до 30 лет – 58 %.

1999 год, 31 октября, 14 ноября. Выборы Президента Украины. Приняли участие 14 ноября 64 % избирателей; из числа молодежи до 30 лет – 59 % [3].

2010 год, 31 октября. Выборы в Верховную Раду Автономной Республики Крым. Приняли участие 44,05 % городских жителей и 52,24 % жителей регионов. Из числа молодежи до 30 лет – 27,5 %.

2012 год, 28 октября. Выборы в Верховную Раду Украины. Приняли участие по Крыму – 49,45 % избирателей, из числа молодежи до 30 лет – 25,5 %.

2014 год, 16 марта. Референдум о статусе Крыма. Вопрос: «Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?» Приняли участие 83,10 % избирателей; из числа молодежи до 30 лет – 81,5 %.

2014 год, 14 сентября. Выборы в Государственный Совет Крыма. Приняло участие около 55,0 % избирателей, из числа молодежи до 30 лет – 53,5 % [4].

2016 год, 18 сентября. Выборы в Государственную Думу РФ. Приняли участие около 50,0 % избирателей, из числа молодежи до 30 лет – 45,0 %.

Таким образом, политическая активность крымской молодежи традиционно является высокой. Она превышает аналогичные показатели по странам СНГ в целом (по нашим расчетам) почти в 1,5 раза. Более того, в последние годы количественные показатели политической активности стали существенным образом все больше влиять на конечный результат голосований с точки зрения показателей качественных [5].

Принято считать, что Крым – один из самых «старых» по возрастной категории населения регионов, но активность местного молодежного электората привела к тому, что в представительные органы местной власти традиционно избиралась большая часть депутатов из их возрастной среды. По этим параметрам средний возраст депутатов местных советов (райсоветы, горсоветы) в среднем был равен 36,5 лет. Интерес к политике молодежи, которая остается активной в политической деятельности, стал со временем снижаться.

Следует отметить, что политическая активность молодежи не в полной степени обусловлена проявлением интереса только к политике. Ее высокий уровень электоральной активности, очевидно, обусловлен и многими другими факторами: ситуативной спецификой, складывающейся накануне и в период выборов, а также социально-экономическими и политическими обстоятельствами, обострением проблем в жизни общества.

Прошедшее двадцатипятилетие показало не только относительную политическую активность молодежи, но и вектор развития ее партийно-политических приоритетов.

В Крыму действовало множество молодежных политических организаций, движений, объединений, но общая численность активных в них участников, по нашим расчетам, составляла не более 3–4 % от всех проживающих в регионе

молодых людей. Однако неучастие большинства в организованных движениях не означает отсутствие мировоззренческих ориентиров этой категории населения по партийно-политическим критериям.

В таблице № 2 представлена основная политическая направленность мировоззрения крымской молодежи по годам мониторинга. Распределение ответов на вопрос: «Сторонником какой политической направленности развития современного общества Вы являетесь?» (данные в % к общему количеству опрошенных в среднем по периодам, указанным в таблице).

Таблица 2.

<i>Политическая направленность</i>	<i>Степень поддержки, в %</i>								
	<i>1991–1993</i>	<i>1994–1996</i>	<i>1997–1999</i>	<i>2000–2002</i>	<i>2003–2005</i>	<i>2006–2008</i>	<i>2009–2011</i>	<i>2012–2014</i>	<i>2015–2016</i>
Левая (коммунистическая, социалистическая)	5,7	6,4	9,4	8,5	7,3	7,5	8,0	8,5	9,5
Проукраинская, националистическая ориентация	1,5	0,7	0,8	0,5	1,0	1,0	0,5	0,5	0,5
Пророссийская ориентация	60,5	47,5	43,0	61,5	62,0	70,5	71,5	73,5	78,0
Не определившиеся, либо затруднившиеся с ответом	32,3	45,4	46,8	29,5	29,7	21,0	20,0	17,5	12,0
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Приведенные в таблице № 2 показатели требуют специальной интерпретации.

Особенностью политической ориентации молодежи Крыма является то, что не всегда пророссийские политические партии получали поддержку большинства пророссийски настроенного электората. Так, на последних выборах в Верховный Совет Крыма (2012 год) партия «Русский блок», объединившая в том числе «Русскую общину Крыма» и «Конгресс русских общин Крыма», получила всего лишь 4,0 % голосов избирателей. В то же время правящая «Партия регионов» получила поддержку большинства электората, вероятно, потому, что на

государственном уровне пыталась провести отдельные реформы пророссийской направленности.

Наиболее высокая степень приверженцев среди молодежи Крыма была в свое время у блока «Россия» и пророссийского «Республиканского движения Крыма» (РДК). В 1993–1996 годах эти силы фактически монопольно владели властью в Крыму. Большинство их сторонников имелось в Верховном Совете Крыма (до 85%). Из числа московских специалистов было сформировано местное правительство. Однако организованные пророссийские силы, не получив необходимой поддержки (и по ряду других причин), власть в автономии потеряли. На выборах в 1998 году в Верховную Раду Крыма от них был избран всего лишь 1 депутат, в 2002 году – 3 депутата. Однако это не означало преуменьшение российской аксиологии в мировоззрении местного населения. Пророссийские настроения у крымской молодежи доминировали даже в отсутствие должной их организации.

Как известно, подавляющее большинство крымской молодежи не поддержало так называемую «оранжевую революцию» (2004 год) [5, с. 136]. В данной связи вектор ее мировоззренческой ориентации был направлен преимущественно в сторону тех идей и организаций, которые в наибольшей степени реально могли повлиять на реинтеграционные процессы с Россией. В частности, этим объясняется то, что значительное большинство молодых людей поддерживало «Партию регионов».

Относительно устойчивым среди крымской молодежи является количество сторонников левой политической направленности, число которых ежегодно не превышало 10 %.

Не менее устойчивым было отношение к украинским националистическим организациям и соответствующим идеям. В Крыму их социальная база практически отсутствует. Наибольшую поддержку украинским националистам в свое время оказывала лишь незначительная часть крымскотатарской молодежи.

Мировоззренческих различий среди молодежи украинской и русской национальности не установлено.

Начиная с 2014 года, а именно с вхождения Крыма в состав России, политические приоритеты молодежи однозначно ориентированы на партию «Единая Россия», которая является в Российской Федерации в настоящее время правящей.

Таким образом, социологический анализ развития общественно-политических приоритетов молодежи Крыма показывает:

- крымский регион всегда являлся политизированным, а большинство молодежи также проявляло интерес к политике. Об этом свидетельствуют данные об участии ее в выборах, референдумах, других политических мероприятиях, приведенные результаты социологических исследований;
- многолетний период исследований показал неприятие крымской молодежью основополагающих националистических принципов;

- на всем протяжении мониторинга молодежь Крыма проявляла пророссийскую ориентацию и в большинстве своем выступала за любые формы реинтеграции с Россией и другими странами СНГ;
- активная гражданская позиция крымской молодежи в условиях общественно-политического кризиса на Украине и последовавшего за ним государственного переворота 2013–2014 годов явилась не ситуативной, а отражала объективное состояние мировоззренческих принципов, которые формировались на протяжении десятилетий;
- подавляющее большинство крымской молодежи активно поддержало воссоединение Крыма с Россией, и эта поддержка, независимо от социальных, этнических и других различий молодых людей, является устойчивой.

Общим выводом социологического анализа динамики общественно-политических приоритетов молодежи является то, что эта часть населения Крыма социально активна, постоянно, заинтересованно и реально отражает происходящие общественно-политические процессы. В настоящее время отчетливо прослеживается ожидание новых, привлекательных инновационных идей и соответствующих инициатив власти, которые могли бы материализоваться энергией и энтузиазмом молодежи в новых исторических условиях воссоединения Крыма с Россией.

Список литературы

1. Москва в новейшей истории Крыма (1991–2014). – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. – С. 101–103.
2. Выборы в Верховную Раду Автономной Республики Крым 2010 год. Информационно-аналитическое издание. – Симферополь: Таврида, 2012. – 326 с.
3. Выборы депутатов Верховного Совета Крыма. Официальные сообщения ЦИК Крыма и Украины, опубликованные в газетах «Крымская правда» и «Урядовий кур'єр» за 1991, 1994, 1998 и 1999 годы // Документы, материалы, результаты. – Симферополь, 1995.
4. Хриенко Т. В. Референдумы в Крыму как отражение процессов государственно-политической идентификации местного самоуправления / Т. В. Хриенко (в соавт.). – Присоединение Крыма к России – взгляд «неполитиков». Сборник научных трудов к 108-летию РЭУ им. Г. В. Плеханова. – М., 2014. – С. 83–88.
5. Хриенко Т. В. Молодежь Крыма о политике и политиках. Опыт социологических исследований / Т. В. Хриенко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2013. – 206 с.

Khrienko T. V. The Dynamics of Social and Political Crimean Youth' Priorities // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political Science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 1. – P. 25–33

This article reflects the results of sociological researches, received during the process of 25-years monitoring of social and political values of Crimean youth. The interest of youth in politics was of the great concern. Also the dynamics of political identification of Crimean youth in contemporary conditions defined. The most common conclusions are the following: Crimean region has always been politicized and the maturity of youth has constantly been interested in politics. The participation in selections, referendums and other political performances as far as the results of our sociological researches can only prove this. The long-term period of researches has revealed the rejections of most nationalistic principles by Crimean youth. Throughout the process of monitoring the Crimean youth has been oriented towards Russia

and mostly spoke for any form of reintegration with Russia and other CIS countries. The active civil position of Crimean youth in conditions of social and political crisis in Ukraine and the 2013-2014 subsequent coup d'état which followed it. Thus position wasn't situational, but reflected the objective condition of world-view principles, which had been forming for decades. The vast majority of the Crimean youth has actively supported the reunion of the Crimea and Russia and this supporting is stable, in spite of the social, ethnic and other differences of young people. The common conclusion of the sociological dynamics analysis of the social and political youth priorities is that this part of the Crimea population is socially active, and constantly, from year to year reflects interestedly and objectively the ongoing social and political processes. There is currently a distinct waiting for new, attractive innovative ideas and the corresponding authorities initiatives that could be materialized by the energy and enthusiasm of the youth in new historical conditions of the reunion of the Crimea and Russia.

Keywords: The Crimean Youth, Referendum, Elections, Social And Political Priorities, Monitoring, Politics.

References

1. Moskva v noveyshey istorii Kryma (1991-2014). – Simferopol': IT «ARIAL», 2016. – S. 101–103.
2. Vybory v Verkhovnyuyu Radu Avtonomnoy Respubliki Krym 2010 god. Informatsionno-analiticheskoye izdaniye. – Simferopol': Tavrida, 2012. – 326 s.
3. Vybory Deputatov Verkhovnogo Soveta Kryma. Dokumenty, materialy, rezul'taty. Simferopol', 1995; Ofitsial'nyye soobshcheniya TSIK Kryma i Ukrainy, opublikovannyye v gazetakh «Krymskaya pravda» i «Uryadoviy kur'er» za 1991, 1994, 1998 i 1999 gody.
4. Khriyenko T.V. (V soavtorstve). Referendумы v Krymu kak otrazheniye protsessov gosudarstvenno-politicheskoy identifikatsii mestnogo samoupravleniya. – S. 83-88. / T.V. Khriyenko. – Sbornik nauchnykh trudov k 108-letiyu REU im. G.V. «Plekhanova k kryma Prisoyedineniye Rossii – vzglyad» nepolitikov ». – M., 2014. – 89 s.
5. Khriyenko T.V. Molodezh' Kryma o politike i politikakh. Opyt sotsiologicheskikh issledovaniy / T.V. Khriyenko. – Simferopol': IT «ARIAL», 2013. – 206 s.

УДК 930.1.

РАСПАД СОВЕТСКОГО СОЮЗА: ДЕКОММУНИЗАЦИЯ И ДЕЭТАТИЗАЦИЯ

Чемшит А. А.

В статье исследуются глубинные факторы распада Советского Союза. Автор признает точку зрения, согласно которой коммунизм в роли государственной идеологии СССР был обречен на исторически ограниченный отрезок времени. Вместе с тем деэтизация страны, крах государственности не были фатальной неизбежностью. Таким образом, центральной идеей статьи является разведение двух субстанций: идеологии как мировоззрения и государства как территориальной общности. Советский Союз явился своеобразной реинкарнацией Российской империи. Однако в основание советской империи изначально был заложен механизм саморазрушения. Речь идет о коммунистической партии в качестве организующей силы, путеводителя общества, эпохальной чести и совести, которая, в свою очередь, является материализацией марксизма-ленинизма. Коммунистическая партия, являясь живым воплощением коммунистической идеологии, фактически встала над советским государством и воспринималась приоритетной организацией. Коммунистическая идеология провозгласила наивысшие ценности и тем самым завоевала доверие советских людей. Но в реальности коммунизм выступает не более чем мобилизационный миф. Коммунизм (теория) слишком хорош, чтобы стать действительностью, коммунизм же в большевистском исполнении (практика) слишком ужасен, чтобы не вызвать мысль о том, что он не осуществим в принципе (утопия). Коммунистический проект востребовал от простого человека и общества в целом больше того, на что они способны по своей человеческой природе и социальной организации. Думается, это стало ясно для руководства страны еще в годы революции и «военного коммунизма», возможно несколько позже. Но публично отказаться от идеи коммунистического строительства уже было невозможно. Нельзя было объявить ошибкой октябрьскую революцию и отречься от героики гражданской войны. Народ не понял бы, во имя чего он понес такие жертвы и лишения. Двигаться можно было только вперед. Но, если цель утопична, а социальные ожидания «заикаливаются», у Сталина не было другой альтернативы, кроме как вести советский народ под ленинскими знаменами, но реально идти не коммунистическим, а социал-консервативным путем. Базовыми ценностями социал-консерватизма выступают: ВЕЛИЧИЕ ГОСУДАРСТВА И

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ. Свою миссию Сталин выполнил: под его руководством было построено великое государство и установлены, насколько позволяли ресурсы, нормы социальной справедливости. С окончанием сталинской эпохи следовало осознать, что желанного коммунизма (кроме как в формате пропаганды) никогда не было, нет и никогда не будет. Наследникам Сталина надлежало принять меры по демонтажу механизма саморазрушения. Другими словами, необходимо было провести декоммунизацию без деэтизации СССР. Для этого надо было плавно, последовательно, эволюционно реформировать идеологическую надстройку, вывести государство из-под партийного контроля, произвести корректировку мобилизационного мифа, официально провозгласить социал-консервативную идеологию доминантной мировоззренческой составляющей политической идеологии страны, что послужило бы профилактикой деэтизации. Однако политические наследники Сталина либо не осознали, либо недооценили угрозы дальнейшего альянса коммунистической партии и советского государства. Вместо постепенной декоммунизации «сверху», повышения статуса правительства и парламента была предложена ошибочная альтернатива – усиление роли компартии. Вместо перехода к 2–3 партийной системе власти продолжали цепляться за устаревший блок коммунистов и беспартийных. Вместо постепенного движения от тоталитаризма к авторитаризму была предпринята попытка форсированной «демократизации» политической системы. Коммунистическая идеология, чем дальше, тем больше, шла по пути девальвации и тем самым тянула за собой в пропасть государство. Коммунизм (в лице партии и идеологии) нельзя было спасти, можно было только смягчить его закат средствами пропаганды. Государство как территориальную общность советских людей сохранить было можно и нужно. В статье делается вывод, что декоммунизация и деэтизация СССР обязаны различным основаниям. Первое в конечном счете объективно обусловлено, второе – результат системных субъектных просчетов.

Ключевые слова: коммунистическая идеология, доктрина государственно-политического управления, социал-консерватизм, декоммунизация СССР, деэтизация СССР.

За 25 лет, минувших с того времени, когда с политической карты мира исчезла, подобно легендарной Атлантиде, супердержава под названием СССР, высказано немало мнений, предположений, аргументов о том, почему это случилось. Одни считают, что СССР пал жертвой мирового заговора, другие полагают, что он не выдержал конкуренции с Западом и прежде всего с США. Третьи настаивают на преимущественно внутренних причинах (неэффективность экономики, национальные противоречия, тоталитарность власти и т. д.). Видимо, в каждом непредвзятом толковании есть своя правда. Даже самое тщательное исследование не может претендовать на безоговорочную истину. Лишь всей совокупностью интерпретаций можно к ней приблизиться. В этой связи нам представляется, что во

всем имеющемуся массиве аналитики о распаде СССР есть одно упущение. Речь идет о совмещении двух граней вместо их разграничения. Поскольку политическая система Советского Союза была однопартийной, то и распад самой государственности рассматривается как процесс естественный и параллельный крушению феномена коммунистической партии. Однако крах партийной идеологии не влечет за собой напрямую демонтаж государства. Отсюда вытекает авторское понимание распада СССР в контексте взаимосвязи двух факторов: коммунистической идеологии и доктрины государственно-политического управления страной.

В этом смысле вся история СССР – это жизнь страны, преисполненной тревогой, угроз и опасений. Такова историческая судьба. Она была предопределена октябрьским переворотом и насаждением идеологии утопического характера. Коммунизм не мог прийти в Россию навеки, навсегда и т. д. вовсе не потому, что Россия не была готова к коммунистической революции в силу недостаточного развития (т. е. не по Марксу), а потому, что коммунизм, как показал исторический эксперимент, является нежизнеспособной теорией. И не в силу того, что коммунистическая идея плоха, напротив – она была слишком хороша, чтобы стать действительностью, и могла существовать лишь как идея. Коммунизм исходит из самых высших и одновременно неосуществимых принципов, нормативов, идей. Он предполагает дать всем людям исключительные блага – равенство, братство, достаток, справедливость и т. д. Но в тоже время он и требует от всех без исключения людей колоссальной самоотдачи и жертвенности (совсем не так, как продекларировано марксизмом: при социализме «от каждого по труду», а при коммунизме «от каждого по способностям») ради общего дела [4, с. 18, 20]. Каждый должен принести на алтарь коммунистического благоденствия готовность тяжело трудиться, упорно бороться, терпеливо ждать, страстно верить и, если потребуется, отдать жизнь во имя светлого будущего. Таким образом, коммунистическое счастье – это результат предельной мобилизации всех человеческих сил и средств, ресурсов и возможностей. Но человек – существо, сделанное не из железа и стали, он состоит из плоти и крови. Он, увы, далеко не совершенен. Ему, наряду с силой, присущи и слабости. Наряду с достоинствами в нем присутствуют и пороки, рука об руку идут трудолюбие и праздность. Одним словом, коммунистическая идея требует от человека больше того, на что он способен, она пытается сделать его лучше, чем он есть по своей природе. Трагизм положения заключается в том, что, однажды начавшись, коммунистический эксперимент уже не может остановиться, обратной дороги нет, коммунистическая революция – это билет в один конец. Кто не с нами – тот против нас. Или еще хуже: «Если враг не сдастся, его уничтожают». Практика внедрения коммунистических начал в российском обществе показала категорическое несоответствие идее марксизма. Идея – велика, практика – ужасна. Социальный эксперимент в России позитивен тем, что он эмпирически доказал несостоятельность коммунизма как нереалистичного политически и порочного нравственно.

Из сказанного следует, что коммунистическая идея себя дискредитировала достаточно быстро, еще при жизни Ленина. Но свернуть с намеченного пути уже

было нереально. Практически отступление от коммунизма – это годы НЭПа. Но публично отречься от него было невозможно. Как объяснить всей стране и большевистской партии после гражданской войны и колоссальных жертв, с ней связанных, что никакого коммунизма нет и никогда не будет? Думается, Сталин был одним из первых, кто, в отличие от Троцкого и правых, понимал это. По крайней мере, ему хватило реализма отказаться от идеи мировой революции и провозгласить курс на построение социализма в отдельно взятой стране [5, с. 355].

Нам представляется, что скепсис относительно мировой коммунистической революции у реалистически мыслящего крыла большевистской партии был вторым (после гражданской войны) пробным камнем на прочность Страны Советов. Коммунизма не будет, но это не значит, что должна перестать жить страна. Царя тоже нет, поэтому идеологически мы идем туда, куда всем объявили. Но в действительности Сталину пришлось идти по пути, навязанному обстоятельствами, а не двигаться по заранее намеченному ленинскому плану. Это говорит о том, что Сталин был больше этикетист, чем коммунист. Сталин не хуже Ф. Раскольникова, приславшего генсеку открытое письмо, понимал, что в СССР построен не тот социализм, о котором писали К. Маркс и Ф. Энгельс и который позиционируют все средства пропаганды. Но Сталин, в отличие от Раскольникова, свободного в своих суждениях и обиженного Советской властью, не мог, будучи государственным и главой правящей партии, публично признать неудачу коммунистического проекта. Сталин не только ее не признал, но во имя становления и укрепления СССР превратил коммунистическую идеологию в своеобразную религию, а Ленина – в сверхпочитаемую икону.

Нам представляется, что угрозы существования Советскому государству после гражданской войны были далеко не меньшими, чем на рубеже 80–90-х, однако СССР не только состоялся, но окреп, победил в Священной войне, превратился в супердержаву и по определению не мог разрушиться в течение нескольких лет, если бы не ряд политических ошибок стратегического характера.

Почему наша страна выдержала испытания 20–40-х годов? Этому способствовали разумная стратегия и тактика ее политического руководства. Не будь НЭПа, есть большие сомнения в том, что государство сохранилось бы в тех пределах, в каких и сохранилось. Не будь индустриализации в 30-е годы, СССР ожидал неминуемый блицкриг и прекращение суверенного существования. В отсутствие жесткого авторитарного правления, концентрации всех людских, материальных и силовых ресурсов, духовно-патриотического подъема народа, обеспечиваемых железной властной волей, победить могущественного врага было невозможно.

Уже после Великой Победы нам удалось избежать атомной бомбардировки со стороны США и сохранить государство в целостности и сохранности. Несмотря на все сложности, тягости, лишения, промахи, просчеты и репрессии, как обоснованные, так и сомнительные, сталинская власть не допустила ни одной стратегической ошибки, которая сумела бы спровоцировать процесс деэтизации СССР.

Сталин, вероятно, свою цель видел не в построении коммунизма, как об этом писали в газетах и говорили по радио с его же на то согласия. Сталин создал величайшую империю в мире под названием СССР и позволил всем считать, что реализует заветы Ильича.

В стране абсолютно господствовала марксистско-ленинская идеология, правила большевистская партия, в конце правления Сталина переименованная в КПСС. Но в действительности в стране уживались две идеологии. Одна официально провозглашенная, другая – реальная, наполненная вполне определенным содержанием. Можно и по-другому. Одна (коммунизм) как теоретическая догма, вторая (без названия) как доктрина государственно-политического управления. Первая – ради слова, вторая – ради дела. Первая – для многочисленной массы, вторая – для узкого круга посвященных (избранных). Первая есть теория и партия Ленина – Сталина, вторая – чисто сталинская идеология и политический курс, имя которой СОЦИАЛ-КОНСЕРВАТИЗМ. Социал-консервативная идея есть детище Сталина, им порожденное, вскормленное и благословленное. Эта идея в действительности пришла в политическую жизнь с того момента, как был провозглашен курс на построение социализма в отдельно взятой стране и произошел отказ от мировой революции. Социал-консерватизм включает в себя две простые, но мощные идеи: величие государства и социальную справедливость; Сталин строил не коммунизм (бесклассовое и самоуправляющееся общество), он строил и построил имперское социальное государство, строил жестоко, на костях, не считаясь с потерями. Но построил... Сталин максимально выжал из людских ресурсов, других возможностей и обстоятельств все, что было возможно, и все равно для коммунизма этого было недостаточно.

Социальная империя, созданная Сталиным, при разумной преемственности власти могла существовать века. Это вовсе не значит, что методы создания империи должны были взять на вооружение будущие правители. Средства всегда должны соответствовать задачам. А главную задачу Сталин как мог, так и выполнил. В определенной степени историческим аналогом Сталина был его предшественник Петр I. Он инициировал реформы, к которым Россия не была готова, но в перспективе эти реформы были необходимы. Петр опережал свое время и, двумя веками раньше Сталина, делал ту же работу – железной рукой выводил Россию с обочины на магистраль истории. Прежде всего, Петр был государственным сродни Сталину и действовал похожими методами. Он создал Российскую империю и пусть не сразу, но получил достойного продолжателя своего дела в лице Екатерины Великой, сохранившей и приумножившей петровские достижения.

К сожалению, Сталину не нашлось достойной замены и то, что создавалось на века, продержалось около 40 лет.

Очевидно, что со смертью Сталина закончилась целая эпоха и началась новая. Если Сталин, как государственный и классик марксизма-ленинизма, рассматривался в неразрывной связи и от коммунизма ему было отречься – все равно, что Папе Римскому от католичества, то его преемники уже имели возможность развести понятия «коммунистическая партия» и «социалистическое государство», «коммунистическая идеология» и «советская власть» и должны были во имя

сохранения страны и государства встать на путь постепенной, едва заметной декоммунизации, но никак не деэтизации. При этом в политическом курсе надо было отказаться от поддержки мирового коммунистического движения и искать точки соприкосновения с ведущими государствами мира; в экономической линии был допустим небольшой крен вправо с разрешением мелкого и среднего предпринимательства. В идеологии нужно было целенаправленно избавляться от утративших актуальность марксистских догм и постепенно конституировать социал-консерватизм как национальную идею и доминантную идеологию [6, с. 20, 21].

Наследники Сталина – Хрущев, Брежнев, Горбачев – не поднялись до уровня Екатерины Великой и не стали его достойными продолжателями в части государственного строительства. Никто из них не обладал стратегическим видением, да и по части тактики, за исключением Брежнева, они были не сильны. Более того, Н. С. Хрущев был первым из руководителей, приложивших руку к деэтизации СССР. Сам не желая того, он причинил стране, и коммунистической идее в том числе, непоправимый вред, обвинив Сталина в культе личности и необоснованных репрессиях. Он не принял в расчет, что в авторитарных и тоталитарных режимах идеология и власть в своей основе имеют непререкаемый авторитет. Ниспровержение авторитета имеет чудовищные последствия. Рушится вера, земля уходит из-под ног, люди переживают шок, испытывают чувство напрасно прожитой жизни. По некоторым данным, после «разоблачительной» речи на XX съезде КПСС количество коммунистов в мире сократилось вдвое, СССР испортил отношения с Китаем, Албанией. Партийная элита оказалась в растерянности, что было первым толчком к ее перерождению.

И куда ни шло, если бы Хрущев выступил новоявленным Лютером коммунистической Реформации и, заклеив Сталина, объявил бы о признании коммунизма вредной утопией. Но нельзя было без пагубных последствий сохранить верность коммунистическому учению и одновременно отречься от одного из его классиков. Это все равно, как если бы Папа Римский вдруг отрекся от одного из Евангелий, но оставался верным оставшимся книгам Библии и при этом не вызвал бы энтропийных чувств у верующих.

Постсталинское руководство и не помышляло о декоммунизации, которая назрела и которую надо было начинать аккуратно, деликатно, едва заметно, а не так неуклюже, как поступил Хрущев. Наше мнение заключается в том, что десталинизация, начатая Хрущевым, одновременно положила начало и декоммунизации, и деэтизации СССР.

Н. С. Хрущев сделал еще одну оплошность, углубившую совершенную им ранее ошибку. В 1961 году он определил конкретный срок построения коммунизма – через 20 лет. Более крупную стратегическую ошибку трудно себе представить.

Определение конкретных сроков построения коммунизма означало десакрализацию идеала. Реализация величайшего в сознании людей социостремления автоматически ставилась в один ряд пусть с крупными, но все же вполне осязаемыми проектами – Днепрогэсом, Уралмашем, БАМом, покорением

Космоса. Достижение цели вело к утрате ореола святости. Представить себе коммунизм в виде обыденности – означало утратить весь иррациональный, чувственно-эмоциональный ресурс, на котором в продолжение 2-х поколений советских людей жаждалась вера в светлое будущее.

Образно говоря, чуть ли не на второй день после принятия XXII съездом КПСС новой Программы у интеллектуальной части партии встал вопрос: «А что будет, если строительство коммунизма в обозначенные сроки не завершится, и данное лидером партии обещание не будет выполнено?» Вопрос относился к разряду риторических. Равнозначным представляется постановка вопроса: «Что произошло бы в христианском мире, если бы Папа Римский обозначил точную дату второго пришествия Иисуса Христа?» Банально, но факт, что обнародованная стратегическая информация либо способствует крупному успеху, либо ведет к полному краху.

Политически ущербным представляется также хрущевский призыв «догнать и перегнать Америку». Этот лозунг, на первый взгляд, имеет чисто экономический характер и не содержит «криминала». Но это только на первый взгляд. Если вникнуть в этот призывный лозунг поглубже, то окажется, что в нем больше идеологии, чем экономики. Что означает догнать и перегнать? Это означает, что в вопросе мирового переустройства мы – не первые, а догоняющие, что советский проект отнюдь не доминирующий, значит – менее привлекательный для мира в сравнении с западным. Именно утрата привлекательности советского проекта привела к постановке вопроса: «Зачем нужен СССР, если он не доказал миру превосходство своего проекта по его переустройству?»

Стратегические просчеты Хрущева положили начало демонтажу государства, поскольку КПСС фактически исполняла государственные функции и дискредитация партии означала дискредитацию государства. Вместо декоммунизации, т. е. постепенной эволюции коммунистической идеологии в социал-консерватизм и соответственно трансформации тоталитарного режима в авторитарный, а значит – перетекания власти от партии к государству, и Хрущев, а позже Брежнев продолжали цепляться за идеологию, исчерпавшую свой ресурс. Если Хрущев причинил обществу и государству прямой вред бездарными действиями, ответственность Брежнева заключена в недеянии и потере исторического времени, отведенного ему на модернизацию политической системы. Брежневское правление характеризуется стратегическим непониманием надвигающегося кризиса, грядущей декоммунизации «снизу». Брежнев не только не стал «Сталиным сегодня», но, более того, обратился «назад к Ленину» с вопросами, на которые у последнего не было ответов. В анналах ленинизма руководство страны нашло малоубедительную ссылку на «развитый социализм» и с ее помощью попыталось смягчить провальный программный тезис о наступлении коммунизма. В тактическом плане Брежнев, как руководитель, был на уровне и с помощью краткосрочных проектов во внутренней и внешней политике поддерживал государство в достаточно стабильном состоянии на протяжении 10–12 лет, но в последние годы (6–8 лет) страна жила при немощном лидере и понесла немалые потери экономического, социального, духовного порядка, вплотную подойдя к системному кризису.

К середине 80-х годов ситуация еще более усложнилась. Приход к власти М. С. Горбачева, казалось, давал Советскому Союзу шанс на модернизацию и оздоровление всех сфер жизни общества. Тем не менее, случилось прямо противоположное. Вторая по могуществу в мире держава на седьмом году правления Горбачева прекратила существование. Минуло уже четверть века с той поры, но миллионы людей не покидает мысль о том, являлся ли неизбежным крах Советской империи? Распад СССР – объективная закономерность или результат субъективного фактора?

Более или менее устоявшееся мнение на этот счет звучит примерно так: СССР был империей, а империи всегда распадаются. В политическом отношении это был насильственный режим, удерживавший в границах империи множество народов вопреки их воле и посредством чуждой им идеологии. Экономика страны держалась благодаря административно-командной системе, была неэффективной и находилась в состоянии стагнации. Власть в лице партийной и хозяйственной номенклатуры жила в оторванном от народа мире и слабо ориентировалась в том, как протекает жизнь вне ее круга. Если суммировать все факторы и параметры, то напрашивается вывод о том, что советская система, основанная на коммунистических постулатах, исчерпала все резервы своего существования и почилла в бозе, как прекращают жизнь пожилые люди – от старости и дряхлости.

Но государственный механизм, в отличие от человеческого, не умирает без субъективного вмешательства. В отношении СССР, на наш взгляд, наблюдаются признаки злой политической воли, преступной бездеятельности тех структур, на которые была возложена ответственность за безопасность государства в сочетании с индифферентностью и массовой апатией. В итоге Советский Союз рухнул, что можно квалифицировать и как «политическое убийство», и как «политический суицид», и как «политическую эвтаназию».

Политическое убийство государства совершили три известных персонажа в Беловежской Пуще. Этого не случилось бы, если бы госаппарат, прежде всего, силовые структуры остались верны долгу и присяге и не впали, подобно Горбачеву, в состояние политического паралича и беспомощности.

И, наконец, печально, но факт, что в этой драме нашлось место и населению страны, с чьего молчаливого согласия рушились основы государства.

Нам вовсе не кажется, что развал советского государства был неизбежным. Из признания обреченности коммунистической идеи и, следовательно, коммунистической партии вовсе не следует крах страны и государства. Партия должна была уйти, государство должно было остаться. Еще при Сталине предпринимались некоторые действия по усилению роли Совмина в жизни государства и по ограничению всевластия ЦК ВКП(б) [1; 2, с. 223]. Сам Сталин с 1941 года позиционировал себя прежде всего как премьер, а во вторую очередь – как генсек. По определению Сталин не мог радикально реформировать им же созданную систему, хотя начало ее модернизации положил именно он.

Наследникам Сталина надлежало постепенно, эволюционно снять с экономической повестки дня идею коммунизма, сохранив вполне востребованную идею социализма с упором на социальную справедливость, и плавно сменить

тоталитарный режим на авторитарный. Для этого нужно было переместить основные государственные функции от ЦК КПСС к Совету Министров. На определенном этапе надо было отказаться от однопартийной системы и перейти к системе доминирования или полупартийной системе при ведущей роли образованной на базе КПСС социал-консервативной партии. О существовании такой возможности говорит появление время от времени вблизи политического олимпа государственных деятелей, для которых идея великого государства была выше мечты о коммунистическом будущем. Имеются в виду такие персонажи, как Л. П. Берия, Г. К. Жуков, А. Н. Шелепин, Ю. В. Андропов. Нам не кажется невероятным предположение о том, что эти крупные фигуры (все из силовиков) ради спасения государства могли бы пойти на идеологическую реформу. В случае прихода к власти любого из них (у Андропова не хватило на это времени) мог произойти сдвиг от тоталитаризма в сторону авторитаризма, что гарантировало бы недопущение распада государства от антикоммунистического цунами, т. к. исчезли бы сами системообразующие факторы.

Однако описываемому сценарию не суждено было сбыться. Необратимость декоммунизации распространилась на все государство. В результате произошла деэтизация.

Из вышесказанного мы приходим к следующим выводам. Распад централизованного государства с сильной авторитарной традицией в основе своей имеет расцементирование монолита, на котором зиждется власть, с последующим разрушением всей государственной конструкции. Для Советского Союза цементирующей, скрепляющей силой всех элементов государства являлась коммунистическая партия, опиравшаяся на идеологию марксизма-ленинизма. До тех пор, пока марксизм-ленинизм по степени влияния на советский народ не уступал значению религии, авторитет КПСС оставался безграничным и непоколебимым. По мере естественной секуляризации марксизма-ленинизма снижался и авторитет партии. В тот момент, когда разочарование в ней достигло критической отметки, декоммунизация была поставлена на одну ступень с деэтизацией.

Декоммунизация СССР была неизбежной, в то время как деэтизация была совсем не обязательной. Под декоммунизацией страны подразумевается следующее. Как такового коммунизма в нашей стране, кроме как в виде теории и идеологии, не было и – в практическом смысле – быть не могло. Не могло в той же степени, в какой не встречается в чистом виде анархия. Анархизм есть, а анархии – нет, так как анархизм – это учение о возможности анархии (безгосударственного состояния общества), которого в природе не бывает, если не считать некоторых краткосрочных эпизодов из истории махновщины и т. п. явлений. Точно также и коммунизм как идеология был, но реального коммунизма, соответствующего его описанию, никогда не было и, судя по всему, не предвидится в будущем. Коммунизмом называли то, что коммунизмом на самом деле не являлось. И дело даже не в том, что власть пользовалась другими терминами для поддержания живучести коммунистической идеи: «социализм», позже «развитой социализм», подчеркивая отсутствие полного коммунизма. На практике же не было и неполного.

Вероятно, это стало очевидным для «посвященных» уже тогда, когда в Европе вместо обещанной мировой революции прочно утвердились фашистские и нацистские режимы. Но произнести вслух, мол, большевики ошиблись, Ленин неправильно понял Маркса, а гражданская война в России – так себе, сопутствующее явление, и пролитая кровь – простое историческое недоразумение, естественно, было невозможно. Двигаться можно было только вперед. А двигаться вперед означало двигаться к декоммунизации через принудительную коммунизацию. Точнее, движение предполагало создавать общество, внедряя в него то новое, что могло прижиться, и все старое, которое на поверку не слишком входило в конфликт с новым. В результате была создана Великая Империя, в содержательную часть которой было включено то, от чего отказывались в период революции и гражданской войны, начиная от восстановления воинских званий, погон, наград, символов и заканчивая реабилитацией великодержавных чувств. Но содержание государства было оформлено в соответствии с господствующей идеологией, поднятой до высот государственной религии. Если идеологию рассматривать в двух ипостасях: 1) как мировоззрение, пронизанное определенным интересом и 2) как концепцию государственно-политического управления [3, с. 187–189], то несложно обнаружить дуализм идеологии в СССР, начиная от Сталина и вплоть до Горбачева. В первом своем значении идеология была коммунистической, а во втором – социал-консервативной. До поры до времени этот симбиоз был оправданным и двойственный характер идеологии был не слишком заметен. Но после смерти Сталина началась новая эпоха, требовавшая преодоления дуализма, плавной декоммунизации и постепенной легитимации социал-консерватизма.

Однако историческая важность этой задачи либо игнорировалась, либо недооценивалась, либо откладывалась на потом. Возможно, что она до конца не была осознана. Если бы власти своевременно провели необходимые реформы, тогда бы СССР получил следующие преимущества: крепкую государственную основу, власть без вынужденного лицемерия, улучшение международной обстановки, дополнительные возможности для экономической модернизации и роста благосостояния, совпадение доминантной (но не единственной) идеологии с национальной идеей (величие государства и социальная справедливость). Таким образом, можно было избежать трагедии распада великой страны.

Если выводы, к которым мы пришли, верны, то это дает нам возможность извлечь следующие уроки.

Распад государства есть величайшая трагедия для нашего народа во всех отношениях и смыслах. Она включает в себя экономическую стагнацию, финансовый коллапс, социальное обнищание, криминогенную обстановку, национальное унижение, историческую амнезию, бесправие соотечественников в зарубежье, торжество политических конкурентов и противников. Развал Советского Союза никому не даровал благополучия и процветания. Даже те, кто, казалось бы, достиг желаемой цели и был удостоен принятия в ЕС (страны Балтии), в действительности больше потеряли, чем приобрели. Другие республики подверглись испытаниям гражданской войны и последующим потерям части

территорий (Украина, Грузия, Молдавия). Третьи мучительно ищут свое место под солнцем, но пока что без видимых успехов. Постсоветское пространство наполняется все большими противоречиями вплоть до вхождения в различные внешние блоки и пребывания в состоянии холодной войны между собой.

Россия особенно нуждается в науке на будущее. Национальный позор, пережитый в 90-е годы, не должен быть предан забвению. Великая страна, победитель фашизма, находилась на грани полной утраты государственного суверенитета и развала вновь образованного государства. Россию нельзя покорить, победить, завоевать. От внешнего врага у России имеется надежный иммунитет. Но, как показал опыт XX века, Россию можно отнести к государствам, склонным к политическому суициду и политической эвтаназии. В роли политических самоубийц у нас выступают либерально настроенные политики и интеллигенты. Из этого следует, что власть в России никогда не должна переставать быть властью. Верховная власть должна быть сильной, авторитарной и одновременно легитимной. Для этого власть в государстве должна опираться на мощную национальную идею, одновременно являющуюся доминантной идеологией.

Российская власть, чтобы соответствовать своему предназначению, не должна терять народную поддержку и не должна впадать в иллюзию, что русский народ безмерно патриотичен. Нельзя забывать, что в 1991 г. никто не вышел на улицы в знак протеста против ликвидации СССР. Нельзя перманентно дурачить народ и паразитировать на его патриотических чувствах. Власть и народ нельзя будет разделить лишь тогда, когда народные патриотические чувства перестанут быть отравленными циничной социальной несправедливостью. Действенная и честная социал-консервативная модель управления Россией – абсолютная гарантия нерушимости государства и надежный иммунитет против цветных революций.

Список литературы

1. Жуков Ю. Н. Иной Сталин / Ю. Н. Жуков. – М.: Издательский центр «Аква-Терм», 2010. – 512 с.
2. Жуков Ю. Н. Настольная книга сталиниста / Ю. Н. Жуков. – М.: Издательский центр «Эксмо», 2010. – 320 с.
3. Идеология: поиски и находки / науч. ред. И. И. Кальной. – М.: Междун. изд. центр «Этносоциум», 2015. – 420 с.
4. Маркс К. Критика готской программы / К. Маркс, Ф. Энгельс: собр. соч. в 50-т. – Изд. 2-ое. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 3. – С. 9–32.
5. Сталин И. В. Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б) / И. В. Сталин: собр. соч. в 13-и т. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 12. – С. 235–373.
6. Чемшит А. А. Зачем и какая идеология нужна современной России / А. А. Чемшит // Известия Иркутского гос. ун-та, 2016. – Т. 17. – С. 16–21.

Chemshit A. A. The Decay of the Soviet Union: Decommunization and Deetatization // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political Science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 1. – P. 34–45.

The article examines the causes of the collapse of the Soviet Union. The author acknowledges point of view, according to which communism as the state ideology of the Soviet Union was doomed to a historically limited period of time. However, deetatization of the country, state collapse was not fatal

inevitability. Thus, the Central idea of the article is the breeding of two substances: the ideology of ideology and the state as a territorial community. The Soviet Union was a kind of reincarnation of the Russian Empire. However, in the Foundation of the Soviet Empire was originally founded, the mechanism of self-destruction. We are talking about the Communist party as an organizing force, the guide of society, a landmark of honor and conscience, which, in turn, is the materialization of Marxism-Leninism. The Communist party as the living embodiment of Communist ideology, in fact, stood over the Soviet government and was seen as a priority by the organization. The Communist ideology proclaimed the Supreme value and thereby has won the confidence of the Soviet people. But in reality, communism is not more than a mobilization myth. Communism (the theory) is too good to become reality, communism in the Bolshevik execution (practice) too dreadful, not to cause the idea that it is not feasible in the trailer (utopia). The Communist project claimed from the common man and society as a whole more than they are able according to his human nature and social organization. I think it became clear to the leadership of the country in the years of the revolution and «war communism», perhaps a little later. But to publicly abandon the idea of building communism was impossible. It was impossible to declare the error of the October revolution, it was impossible to renounce the heroism of the civil war. People would not understand, for what he had suffered such casualties and deprivation. You can move it forward. But, if the goal is utopian, and social expectations are overwhelming, Stalin had no other alternative but to conduct the Soviet people under Lenin's banner, but really not go Communist, and the social-conservative way. The basic values of social conservatism are: the GREATNESS OF THE STATE AND SOCIAL JUSTICE. Its mission Stalin carried out: under his leadership was built the great state and installed as resources permit, the norms of social justice. With the end of the Stalinist era must realize that desirable communism (except in the form of propaganda) has never been, and never will be. The heir of Stalin was supposed to take steps to dismantle the mechanism of self-destruction. In other words, it was necessary to conduct decommunization without deetatization of the USSR. For this it was necessary to gradually and consistently, the evolutionary reformat the ideological superstructure, to bring the state under party control, to adjust the mobilization of myth, to officially declare the social-conservative ideology of the dominant ideological component of the political ideology of the Soviet Union that would prevent deetatization of the USSR. However, the political heirs of Stalin either failed to realize or underestimated the threat of further Alliance of the Communist party and the Soviet state. Instead of a gradual decommunization «top», raising the status of the government and Parliament were offered incorrect alternative – the strengthening of the role of the Communist party. Instead of going to the 2-3 party system continued to cling to outdated bloc of Communists and non-party. Instead of a gradual movement from totalitarianism to authoritarianism was attempted forced «democratization» of the political system. Communist ideology, more and more followed the path of devaluation, and thus dragged into the abyss by the state. Communism (party and ideology) could not be saved, it was only possible to mitigate its decline by means of propaganda. The state as a territorial community of the Soviet people to keep was possible and necessary. The article concludes that decommunization and deetatization of the USSR are obliged to various reasons. First, in the end, is objectively justified, the second is mainly the result of the subjective mistakes.

Key words: the communist ideology, the doctrine of state-political governance, social-conservatism, decommunization of USSR, deetatization of USSR.

References

1. Zhukov U. N. Inoy Stalin / U. N. Zhukov. – M.: Izdatel'skiy tsentr «Akva-Term», 2010. – 512 s.
2. Zhukov U. N. Nastol'naya kniga stalinista / U. N. Zhukov. – M.: Izdatel'skiy tsentr «Eksmo», 2010. – 320 s.
3. Ideologiya: poiski i nakhodki / nauch. red. I. I. Kal'noy. – M.: Mezhdun. izd. tsentr «Etnosotsium», 2015. – 420 s.
4. Marks K. Kritika gotskoy programmy / K. Marks, F. Engel's: sobr.soch. v 50-t. – Izd. 2-oye. – M.: Gospolitizdat, 1961. – T. 3. – S. 9–32.
5. Stalin I. V. Politicheskiy otchet Tsentral'nogo komiteta XVI syezdu VKP (b) / I.V. Stalin: sobr. soch. v 13-i t. – M.: Gospolitizdat, 1955. – T. 12. – S. 235–373.

6. Chemshit A. A. Zchem i kakaya ideologiya nuzhna sovremennoy Rossii / A. A. Chemshit // Izvestiya Irkutskogo gos. un-t, 2016. – T. 17. – S. 16–21.

УДК 327.3+329.055.5

ТРОЦКИЗМ И УКРАИНСКИЙ ВОПРОС

Шепелев М. А.

В статье рассматриваются особенности интерпретации украинского вопроса в доктрине троцкизма и ее влияние на идейные воззрения и деятельность современных неотроцкистов на Украине. Важность обращения к теме троцкизма, его природе, идейным истокам, историческому развитию и влиянию на современный мировой политический процесс объясняется тем, что как в 20-е гг. XX в., так и сейчас активность троцкистов и их последователей разворачивается на фоне мощного внешнего давления на Россию. Выдвигая лозунг независимой Украины, Троцкий отделял и противопоставлял его лозунгу Украины демократической, полагая, что он исторически запоздал и пригоден разве лишь для утешения буржуазных интеллигентов. В статье показана преемственность между призывами Троцкого к «независимости советской Украины» с ее вхождением затем в состав «Советских Соединенных Штатов Европы» и лозунгами «евромайдана», а также используемыми его лидерами политическими технологиями. Современными неотроцкистскими организациями на Украине являются маргинальные организации «Борьба» и «Левая оппозиция», однако скрытый троцкизм присутствует в действиях основных политических сил, пришедших к власти в стране после «евромайдана».
Ключевые слова: троцкизм, неотроцкизм, Украина, украинский вопрос, «борьбисты», «евромайдан».

Казалось бы, после разгрома в 20-е гг. XX в. оппозиции в СССР троцкизм всегда производил впечатление маловлиятельного течения сектантского типа в марксизме, доведенного до крайней степени догматизма и идейной нетерпимости. Но это не мешало использовать его идейный арсенал и практический опыт в дальнейших попытках дестабилизации и ослабления России, уничтожения ее суверенитета.

Целью данной статьи является рассмотрение украинского вопроса в доктрине троцкизма и ее влияния на идейные воззрения и деятельность современных неотроцкистов на Украине.

Новизна данной статьи заключается в авторском обосновании использования схожих технологий на Украине организаторами так называемой «оранжевой революции» и «евромайдана». Боясь или стесняясь произносить слово «троцкизм»,

многие люди не хотят видеть, что нынешние «демократы» и адепты «европейской цивилизации» – это, в сущности, новые троцкисты. Особенно явно это наблюдается в сегодняшней Украине. Вообще в идейном «наследии» Л. Д. Троцкого Украине отводилась значительная роль, хотя об этом не так известно, как о ряде других аспектов его доктрины.

Прежде всего следует напомнить, что идейной основой троцкизма является теория «перманентной» революции, которую Троцкий позаимствовал в канун событий 1905–1907 годов у немецких социал-демократов Р. Люксембург и А. Л. Парвуса (И. Л. Гельфанда). Именно Люксембург и Парвус создали теорию «перманентной революции» на основе «теории ультраимпериализма» Каутского и Гильфердинга. Не случайно в 1937 г. И. В. Сталин отмечал: «Политические теории Люксембург – это основа идеологии троцкизма» [1, с.11]. Каутский полагал, что капитализм, который тяготеет к границам и стремится их ликвидировать, способен в скором будущем достичь полного объединения мирового рынка с созданием единого мирового финансового треста. Такая, говоря современным языком, «финансовая глобализация» вытеснит соперничество и борьбу, связанную с функционированием национального капитала, взломает политические и экономические границы государства и станет регулировать всю мировую экономику и политику. Троцкий в полной мере следовал в русле этого видения будущей системы глобализма, соединяя ее с высокомерным элитаризмом.

Несмотря на склонность к заигрыванию с массами, троцкизм является элитарной доктриной, предполагающей, что править обществом якобы во имя народа должна троцкистская элита «избранных», а народные массы – это «муравьи революции», как писал сам Троцкий. Он же высокомерно называл трудящихся «расхлябанной сырой массой» и «мужицким сырьем». В 1937–1938 гг. откровенно призывал «брать уроки» у иезуитов, которых он превозносил за агрессивность и «воинствующую организованность». С этим связана ориентация троцкизма после отстранения его лидеров от власти и полной потери общественной поддержки на двурушническую вредительскую и шпионско-террористическую деятельность. Не случайно тогда же И. В. Сталин отмечал, что «из политического течения в рабочем классе, каким он был 7–8 лет тому назад, троцкизм превратился в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданию разведывательных органов иностранных государств» [1, с.156].

Троцкизм во всех его разновидностях традиционно отличает демонстративное пренебрежение к национальным особенностям, представляемое в виде «нормы революционного поведения». В своей «Программе мира», выдвинутой в мае 1917 г., Троцкий демонстрирует восхищение «могущественными централизаторскими стремлениями империализма». Не рискуя полностью отвергнуть право на национальное самоопределение, он оговаривает, что оно «не может претендовать на абсолютное значение: наоборот, оно ограничено для нас встречаемыми и глубоко-прогрессивными тенденциями исторического развития», так как «пролетариат не может позволить «национальному принципу» стать поперек дороги неотразимому и глубоко-прогрессивному стремлению современного хозяйства планомерно организоваться на всем нашем континенте и, далее, на всем земном шаре».

В подкрепление этого тезиса далее он прямо заявляет, что «централизирующая тенденция современного хозяйства является основной, и за ней должна быть обеспечена полная возможность выполнения ее поистине освободительной исторической миссии: постройки объединенного мирового хозяйства, независимого от национальных рамок и государственно-таможенных застав». И уж подлинным панегириком современной европейской интеграции звучат следующие слова Троцкого: «Только под кровлей демократически-объединенной Европы, освобожденной от государственно-таможенных перегородок, возможно национально-культурное существование и развитие, освобожденное от национально-экономических антагонизмов, на основе действительного самоопределения» [2]. В настоящее время обнаруживается, что «государственное объединение» Европы оборачивается не самоопределением наций, как полагал Троцкий, а их растворением в общеевропейском мультикультурном пространстве, разрушением государств-наций извне и изнутри, самоотрицанием традиционных норм и ценностей европейской демократии.

Последователи Троцкого в дальнейшем демонстрировали последовательную приверженность национальному нигилизму. «По национальности мы – марксисты», – заявлял, например, о себе и своих единомышленниках Х. Посадас. Троцкисты в принципе исключают возможность решить основные экономические, социальные и политические проблемы в строго «национальных» рамках. Любая имеющая жизненное значение борьба, как они считают, разворачивается в наше время лишь в глобальном масштабе. В троцкистском представлении переустройство общества возможно лишь в качестве какого-то глобального процесса, который начнется лишь после победы социалистических революций во всем мире или в большинстве развитых капиталистических стран. Или, как оказалось в дальнейшем, не обязательно социалистических – можно и «цветных», но непременно как части глобального проекта.

Начиная с самых первых своих статей, Троцкий постоянно демонстрировал враждебное отношение ко всему русскому, высказывался против русского патриотизма («патриотических вакханалий») и «идеи панславянского братства». Русская культура для него – второстепенна, она только является жалким подражанием мировым стандартам. Троцкий писал о том, что и история у русских нищая, и сам народ духовно нищий, не было у него ни протестантской Реформации, как в Англии, ни Великой буржуазной революции, как во Франции. Преклоняясь перед Западом, он целиком и полностью связывал все прогрессивное развитие России с западными влияниями, видя в них не только основание, но и ускоритель государственной организации в России. С этим связано и то, что троцкизм отрицал историческое значение и революционные возможности русского народа, рассматривая Россию лишь в качестве «запала» и плацдарма для мировой революции.

Вместе с тем еще в годы Гражданской войны Троцкий обращал внимание на национальные особенности украинского народа. С одной стороны, он обнаружил в украинцах пробудившийся «вольный дух запорожского казачества и гайдамаков», который давал украинцам нечеловеческую силу в течение сотен лет воевать против

своих угнетателей (поляков, русских, татар и турок) и одерживать над ними блестящие победы. С другой стороны, по его мнению, «безграничная доверчивость и уступчивость, а также отсутствие сознания необходимости постоянной крепкой спайки всех членов государства не только во время войны каждый раз губили все завоевания украинцев».

Один из ближайших сподвижников Троцкого Х. Г. Раковский, занимавший в 1919–1923 гг. должность председателя Совнаркома УССР, пытался максимально противопоставить Украину России. В январе 1922 г. им было принято решение, что «торговые договора, подписанные РСФСР, не распространяются на Украину». Раковский пытался даже добиться жесткого разграничения сфер влияния славянских республик. Украине он планировал предоставить обширную зону геополитического воздействия, включающую Польшу, Чехословакию, Болгарию, Турцию, Австрию. Также он считал необходимым в одностороннем порядке укреплять связи Украины со странами Антанты, тем самым предвосхищая нынешних украинских евроинтеграторов. Реагируя на эти устремления, французское правительство в апреле – мае 1922 г. выработало план широкомасштабной помощи УССР. Париж планировал создать специальные центры, призванные снабжать украинских крестьян тракторами и сельскохозяйственной техникой. Кроме того, был создан план реконструкции украинской промышленности.

Уже после изгнания из СССР Троцкий утверждал, что тенденции бюрократического централизма, взявшие верх в эпоху «термидорианской реакции», привели к прямому удушению сколько-нибудь самостоятельного национального развития народов СССР. Усмотрев «разгром национальных упований» на Украине и **заявив** о том, что «части украинского народа стали для Кремля разменной монетой в международных расчетах», Троцкий в 1939 г. вновь обратился к «украинскому вопросу», говоря о его огромной важности для Европы в целом.

«Распятая между четырьмя государствами, – писал он в статье “Об украинском вопросе”, – Украина заняла ныне в судьбах Европы то положение, которое занимала в прошлом Польша, с той разницей, что мировые отношения сейчас неизмеримо более напряжены и темпы развития ускорены. Украинскому вопросу суждено в ближайший период играть огромную роль в жизни Европы» [3].

Признавая, что программа построения независимой советской Украины находится в непримиримом противоречии, прежде всего с интересами Польши, Румынии и Венгрии, он связывал ее осуществление с «пролетарской революцией», а это предусматривало, по его логике, «освобождение так называемой Советской Украины из-под сталинского сапога». Отказываясь соглашаться с тем, что это будет означать ослабление СССР перед угрозой войны и тем самым сыграет на руку Гитлеру, Троцкий пытался доказать, что каким-то образом «независимая Советская Украина, наоборот, стала бы уже в силу собственных интересов, могущественным юго-западным оплотом СССР». Больше того, якобы «отделение Украины означало бы не ослабление связей с трудящимися массами Великороссии, а лишь ослабление тоталитарного режима, который душит Великороссию, как и все другие народы Союза».

Отмечая, что «сталинская бюрократия возводит, правда, памятники Шевченко», Троцкий видит в этом стремление «покрепче придавить этим памятником украинский народ и заставить его на языке Кобзаря слагать славу кремлевской клике насильников». Именно поэтому он требовал направить украинское революционное движение против «бонапартистской бюрократии» в СССР.

30 июля 1939 г. Троцкий опубликовал в своем «Бюллетене оппозиции» статью «Независимость Украины и сектантская путаница», в которой он выступил с осуждением тех троцкистов, которые не согласны с лозунгом «независимости советской Украины». К «украинскому вопросу» он подходил со своей излюбленной позиции, заключающейся в том, что изолированная пролетарская революция в отсталой стране не в силах разрешить национальный вопрос, который по самой сути своей имеет международный характер.

Отказываясь дать ответ на поставленный самим собой вопрос о том, хотят ли украинские народные массы отделиться от СССР, Троцкий утверждал, что «самое возникновение тоталитарного режима и его все более свирепое напряжение, особенно на Украине, доказывают, что действительная воля украинских масс непримиримо враждебна советской бюрократии». По его словам, «термидорианская реакция и увенчавшая ее бонапартистская бюрократия отбросили трудящиеся массы и в национальной области далеко назад. Украинский народ в массе своей недоволен своей национальной судьбой и хочет радикально изменить ее» [4].

Выдвигая лозунг независимой Украины, Троцкий заявлял, что он направлен непосредственно против «московской бюрократии» и дает возможность «пролетарскому авангарду» сгруппировать вокруг себя крестьянские массы, а также возможность руководящей роли в национальном украинском движении в Польше, Румынии и Венгрии. Якобы оба эти процесса будут толкать революционное движение вперед и повышать в нем удельный вес «пролетарского авангарда».

Отмечая, что национальные тенденции на Украине бурно прорвались в 1917–1919 гг., он видел выражением этих тенденций на левом фланге партию «борьбистов». Важным симптомом успешной ленинской политики на Украине, по его словам, явилось слияние украинской большевистской партии с организацией «борьбистов». Однако в течение следующего десятилетия произошел фактический разрыв с «борьбистами», вожди которых подверглись преследованиям. В дальнейшем же, как утверждает Троцкий, к концу 30-х гг. «пролетарский авангард выпустил украинское национальное движение из своих рук», и оно «далеко ушло по пути сепаратизма». Поэтому он доказывал, что отделение Украины, хотя и представляет собой «минус по сравнению с добровольной и равноправной социалистической федерацией», но будет «несомненным плюсом по сравнению с бюрократическим удушением украинского народа». Здесь он даже апеллирует к Ленину, считавшему, что отношения между норвежскими и шведскими рабочими стали лучше и теснее после разрыва принудительной унии между Швецией и Норвегией. Также Троцкий пытается использовать как довод в пользу независимости Украины то, что «рабочие и крестьяне в западной Украине (Польша) не хотят присоединяться к нынешнему Советскому Союзу».

Отвергая тот аргумент, что при капитализме национальное самоопределение – утопия, а при социализме – реакция, Троцкий утверждал, что он «игнорирует эпоху социальной революции и ее задачи». Считая верным, что при господстве империализма настоящая независимость малых и средних наций невозможна, и что «при развернутом социализме, т. е. при прогрессивном отмирании государства, вопрос о национальных границах утратит значение», Троцкий обнаруживает между этими двумя моментами некую «переходную эпоху», во время которой будто бы оказывается актуальным «лозунг независимой советской Украины». Реализация этого лозунга, по Троцкому, будто бы ведет к расслоению мелкой буржуазии, облегчая тем самым ее низам союз с пролетариатом. Только таким путем он считает возможным «подготавливать пролетарскую революцию», не желая замечать, что она уже осуществлена в СССР и даже призывая российских рабочих «поддержать лозунг независимости Советской Украины в совместной борьбе против самодержавной бюрократии и империализма».

Выдвигая лозунг независимой Украины, Троцкий отделял и противопоставлял его лозунгу Украины демократической, полагая, что он исторически запоздал и пригоден разве лишь для утешения буржуазных интеллигентов. По его словам, «нет ни малейших оснований надеяться на то, что сравнительно бедная и отсталая Украина сможет создать и удержать режим демократии. Масс он не объединит. А без масс нельзя освободить и объединить Украину».

Разумеется, Троцкий не преминул заявить, что «независимая рабоче-крестьянская Украина могла бы затем вступить в Советскую Федерацию», что предполагало, в свою очередь, революционное возрождение самого СССР. Но тут же оговаривается, что действительное освобождение украинского народа немислимо без революции или ряда революций на Западе, которые должны привести, в конце концов, к созданию Советских Соединенных Штатов Европы. Он утверждал, что независимая Украина несомненно вошла бы в эту федерацию как равноправный член, но тем самым противопоставил европейский выбор Украины выбору в пользу СССР, даже несмотря на оговорку о неизбежности «теснейшего союза Советских Соединенных Штатов Европы и возрожденного СССР». Чем-то до боли знакомым из нынешней украинской действительности навеивают эти слова.

Русофобия Троцкого способствовала распространению его идей среди т. н. «украинства». В 1920–30-х гг. в Галичине существовала группа социалистов, которая стояла на принципах троцкизма, и небольшая фракция среди украинских коммунистов в Канаде, которая издавала в 1933–1938 гг. газету «Рабочие вести» и перевела несколько произведений Троцкого на украинский язык.

На рубеже 80–90-х гг. XX в. известный британский троцкист Тони Клифф стал высказываться за то, что во время Второй мировой войны коммунисты не должны были воевать с украинскими националистами, сотрудничавшими с Гитлером. По его мнению, в организациях ОУН и УПА действовало мощное (т. н. «левое») крыло, сотрудничавшее с нацистами всего лишь против «сталинистского» режима. Согласно новой политической линии Клиффа, коммунистам было необходимо поддержать часть требований украинских националистов, включая требование

украинской независимости от того, что неотроцкисты стали называть «сталинистской оккупацией».

Израильская неотроцкистская группа во главе с адвокатом из Хайфы Йосси Шварцем пошла еще дальше Клиффа. Решив, что уже в период между 1936–1939 гг. СССР стал империалистическим государством и начал притеснять украинцев и мусульманские народы СССР, группа Шварца пришла к выводу, что уже в 30-е гг. нужно было расформировать Союз, предоставив полную независимость Украине, Казахстану и остальным союзным республикам, которые, по словам «шварцистов», находились под «гнетом» «сталинистской» России.

Не удивительно, что интернет-издание «Украинская правда» размещает в 2011 г. на своем сайте статьи, в которых доказывается, что «Лев Троцкий хорошо знал и по-своему любил Украину, желая сделать ее образцовой витриной мирового коммунизма». Подчеркивая, что «украиножером» Троцкий никогда не был, и даже вспоминая о том, что он в молодости писал стихи на украинском языке, его ставят ныне в один ряд с такими «борцами за свободу Украины», как Николай Скрипник, Василий Эллан-Блакитный, Владимир Винниченко, Юрий Коцюбинский, Виталий Примаков, Николай Хвылевой [5].

В современной Украине оплотом неотроцкизма стала Киево-Могилянская академия, центр молодежного либерально-националистического фундаментализма. Так, некто Петр Охотин, тогда председатель первичной профсоюзной организации студентов Национального университета «Киево-Могилянская академия», стал одним из учредителей организационного комитета для проведения в 2008 г. Украинского социального форума. Среди его тем значились: гендерное равенство и феминистическое движение; антифашизм (фашистами объявлены все, кому нравятся традиционные ценности; при этом одобряется деятельность ОУН, сотрудничавшей с немецкими фашистами во время Великой Отечественной войны); проблемы украинских гастарбайтеров и иммигрантов в Украине; проблемы государственной наркополитики. Оргкомитет Украинского социального форума заявил, что он «открыт для присоединения и для взаимодействия со всеми прогрессивными социальными движениями и персоналиями, открыт для всех экологических, правозащитных, рабочих, студенческих, профсоюзных, феминистических, ЛГБТ инициатив и движений».

В работе по организации УСФ активное участие принимала созданная в 2007 г. в Украине Организация марксистов. Ее основу составили несколько политических групп, в частности молодежное объединение «Че Гевара», группы вокруг редакций сайтов contr.info и communist.ru и журнала «Против течения» (в свое время покинувшие «Рабочее сопротивление» – украинскую секцию Комитета за рабочий интернационал, Ленинский коммунистический союз молодежи Украины и Всеукраинский союз рабочих). Лидеры ОМ были одними из ведущих активистов общественной инициативы «Спасем старый Киев». Организация также отметилась проведением Фестиваля антифашистского кино, который проходил одновременно в нескольких городах Украины, и сыграла важную роль в подготовке к подготовительной ассамблее Европейского социального форума (ЕПА) в 2008 г. При этом в 2007 и 2009 гг. организация призывала агитировать против всех партий

и кандидатов на внеочередных парламентских выборах и выборах президента соответственно. К началу 2011 г. Организация марксистов фактически прекратила свое существование. Часть ее активистов приняла участие в создании объединения «Борьба», другая – «Левая оппозиция».

Организация «Борьба» возникла весной 2011 г. на основе объединения части Организации марксистов, Молодежи против капитализма, других организаций и отдельных активистов. «Борьбисты», считающие, что в Украине некому, кроме них, поднять знамя революционного марксизма, рассматривают себя составной частью международной борьбы пролетариата против господства глобального капитализма. При этом одним из пунктов программы «Борьбы» прямо называется «содействие распространению революции на другие страны, поддержка революционных движений по всему миру» [6].

В своем отношении к СССР и советскому опыту строительства социализма «борьбисты» исходят из представления о том, что в течение всего социалистического периода в СССР продолжали бороться две тенденции – социалистическая и капиталистическая. Первая заключалась в стремлении к обобществлению производства и потребления, включении все более широких масс трудящихся в управление обществом, снятии общественного разделения труда, вторая – в развитии товарно-денежных отношений, отрыве партийного и государственного руководства от масс, бюрократизации управления. Важным условием победы некоммунистических тенденций в странах социализма XX века они считают то, что революция на долгое время осталась в рамках одной, а затем нескольких слабо- или среднеразвитых стран. Отсталость стала причиной того, что коммунистам стран антикапиталистического лагеря пришлось решать социалистическими методами несоциалистические задачи, а давление империализма деформировало и сами методы. Это привело к тому, что не только у «вождей», а у «масс» стало формироваться не коммунистическое, а мелкобуржуазное и буржуазное сознание. В результате под руководством правящих коммунистических партий произошла реставрация капитализма в СССР и других соцстранах.

Как отмечается в программе организации «Борьба», созданные в 90-е гг. официальные левые партии переживают сегодня глубочайший кризис. Будучи левыми лишь формально, они никогда не выдвигали на первый план социалистическую альтернативу, а в последние годы перестали бороться даже за частичные улучшения в рамках капитализма, став младшими партнерами в правительствах партий крупного капитала. Больше того, «своей беспринципностью, оппортунизмом, политической проституцией, КПУ, СПУ и ПСПУ дискредитировали левую идею в глазах украинского рабочего класса и городской бедноты». Разумеется, с этим трудно не согласиться, но предлагаемая «борьбистами» альтернатива куда более сомнительна.

Так, троцкистский псевдоинтернационализм «борьбистов» приводит их к отрицанию значимости цивилизационной идентичности и девальвации проблемы выбора между европейской и евразийской интеграцией. Для них «единство с Россией» или «европейский выбор» – это «лишь выбор того, в союзе с

капиталистами каких стран украинская олигархия будет грабить трудящихся». Также они требуют открытия границ и легализации пребывания на территории Украины всех людей, независимо от их происхождения и гражданства, если они занимаются производительным трудом, ликвидации лагерей принудительного содержания мигрантов, принятия действенных мер по интеграции мигрантов в украинское общество.

Активисты «Борьбы» пикетировали посольство Великобритании в Украине в поддержку автора проекта WikiLeaks Джулиана Ассанжа, солидаризировались с протестами «болотной оппозиции» в России, поддержали требования бастующих казахстанских нефтяников и выступили с осуждением позиции КПУ в отношении событий в Жанаозене за то, что она встала «на сторону неолиберального диктатора Назарбаева в его борьбе против рабочего движения собственной страны». При этом «борьбисты» категорически отвергли взгляд на события в Жанаозене как на защитную реакцию государственного организма в ответ на «попытки США дестабилизировать политико-экономическую ситуацию» в Казахстане.

С самого начала «борьбисты» тесно сотрудничали с леворадикальной российской оппозицией, главным образом с «Левым фронтом» С. Удальцова. В сентябре 2012 г. «Борьба» совместно с «Левым фронтом» запустила проект по противодействию политическим репрессиям по обе стороны российско-украинской границы. Было открыто заявлено о создании «заграничного бюро Левого фронта в Украине», призванного координировать информационную и организационную работу этой политической организации в случае репрессий против нее в России и ареста ее лидеров и активистов в Москве. Фактически была создана инфраструктура для осуществления подпольной политической работы, направленной на свержение существующей в России государственной власти. По собственному признанию, «Левый фронт» обратился к практике создания зарубежных центров, которой до сих пор пользовались в России только чеченские сепаратисты. В этом лидеры «Левого фронта» опирались на поддержку украинских «борьбистов», с которыми они, по их собственной информации, обменялись базами данных по общественному движению в регионах, по СМИ, координатами активистов, а также паролями от ключевых ресурсов в интернете.

Созданная в ноябре 2011 г. организация «Левая оппозиция» рассматривает себя как «новую, радикально антикапиталистическую, интернационалистическую, демократическую, феминистическую и экологистскую политическую инициативу». Совпадение в наименовании организации «Левая оппозиция» с известной группой большевиков, которые боролись против сталинизма в ВКП(б), сами основатели признают не случайным. Следом за Троцким они считают СССР неудачным примером строительства социализма и поддерживают связи с IV интернационалом.

«Левая оппозиция» стремится к «обновлению украинского левого движения» и одновременно к возвращению к его «историческим корням, скомпрометированным сталинизмом и советской эпохой». Не ностальгируя по СССР и критически оценивая созданное в нем общество, она при этом признает опыт революции 1917 г. и революционных процессов, происходивших в Советской Украине и других советских республиках в 20-х гг. Позиционируя себя в качестве

антиимпериалистической силы, при этом утверждает: «Для нас неважно, какой именно империализм – американский, российский или любой другой – навязывает свое господство». При этом она отвергает идею построения «сильной и конкурентоспособной» Украины, ссылаясь на то, что усиление государства происходит за счет увеличения эксплуатации трудящихся. Вместо этого «Левая оппозиция» декларирует свое «стремление к преодолению глобального разделения на богатый центр и эксплуатируемую периферию, что может быть осуществлено только совместными усилиями трудящихся всех стран». Провозглашая приверженность интернационализму, она особо оговаривает, что «интернационализм для нас не ограничивается узким кругом «братских народов», и означает стремление к сохранению и развитию многообразия человеческой культуры всех групп» [7].

Следует отметить, что в постсоветский период в силу практического отсутствия адекватной информации о персоне Троцкого и его воззрениях предпринимались попытки подспудной исторической реабилитации этого кровавого монстра. На этом фоне городской совет Бобринца – городка, недалеко от которого в селе Яновка-Береславка родился «демон революции» – принял в 2009 г. решение установить в городском парке памятник в его честь. Правда, это решение вызвало шквал протестов по всей стране и так и не было выполнено.

К сожалению, неотроцкизм в современной Украине не ограничивается желающими поспекулировать на украинских корнях Троцкого и малочисленными организациями, открыто заявляющими о своем идейном родстве с «демоном революции». Так же как и в России, ползучий неотроцкизм стал мощным фактором внутривластной борьбы, в которой он используется силами, маскирующимися под лозунгами отстаивания украинских интересов, но по своей сути глубоко антинациональными и космополитическими. Именно эти силы, опираясь на поддержку американских неоконсерваторов – наследников Троцкого, организовали в 2004 году т. н. «оранжевую революцию». Придя к власти, они встали на путь разжигания в стране межцивилизационного конфликта и искусственной смены цивилизационного кода, переписывания истории и реабилитации украинских пособников нацистов, провоцирования конфронтации в отношениях с Россией и формирования антироссийских альянсов (например, т. н. «Содружество демократического выбора»).

С постановкой на повестку дня вопроса о заключении соглашения об ассоциации Украины с Европейским союзом эти скрытые, но многочисленные украинские неотроцкисты взяли на вооружение лозунг «европейской интеграции», стремясь при помощи ЕС и США вновь захватить власть, пусть даже ценой окончательного развала остатков украинской промышленности и сельского хозяйства, полной сдачи национального суверенитета, открытия западных и южных границ для массового притока иностранных мигрантов и одновременно превращения восточной границы страны в современный «железный занавес» в новой «холодной войне» против России.

Как и их далекие предшественники в начале XX в., они предлагают нынешнему украинскому обществу абстрактные, безжизненные схемы, подменяя реальные

действия в защиту государственного суверенитета, национальной экономики и интересов граждан страны громкими радикальными фразами, демонстрируя непоследовательность, переходы из крайности в крайность.

Их роднит с Троцким авантюристическое стремление «подхлестнуть» политический процесс – например, перескочить через незавершенные (и даже не начатые) стадии реформ и разом оказаться «в Европе», отрицание общедемократических движений, настроений большинства населения и ставка на «уличные» политтехнологии. Как в историческом троцкизме, так и в воззрениях сегодняшних носителей его мутировавших бацилл «революция» предстает как волевой акт, не связанный с объективными условиями. Отсюда ставка на волюнтаризм, политический произвол, «промывание мозгов» и навязывание незначительным меньшинством своей воли большинству общества.

Открытые украинские неотроцкисты из «Левой оппозиции», «Прямого действия» и других подобных организаций активно поддержали в 2013 г. «евромайдан». Однако скрытый троцкизм просматривался и в действиях основных политических сил «евромайдана». Авантюризм, ультрареволюционная фразеология, ставка на поддержку извне наглядно подтверждают политическое родство вождей современного «евромайдана» с «демоном революции» начала XX в.

Не чем иным, как типичным троцкизмом, является позиция Порошенко, Яценюка, Климкина и других представителей официального Киева в отношении урегулирования вооруженного противостояния с провозглашенными Донецкой и Луганской народными республиками. Вынужденный в условиях военных поражений и международного давления пойти на переговоры и заключить соглашение о прекращении огня, Киев сам не соблюдает это соглашение. Больше того, он признает свое нежелание его выполнять, заявляя об ожидании некоего «настоящего Минского соглашения». Это связано с тем, что армия Порошенко воевать не может, но он не может распустить армию, поэтому ему необходимо состояние «ни мира, ни войны». По сути это означает продолжение состояния войны, хоть каких-то вооруженных столкновений, оправдывающих нахождение войск на фронте. Порошенко считает, что перемирие необходимо использовать для повышения боеготовности вооруженных сил и других силовых подразделений и оснащения их современными образцами вооружения. Но такое состояние «ни мира, ни войны» при отсутствии сколь бы то ни было видимых военных успехов грозит быстро перейти в состояние войны всех против всех.

В свое время Троцкий игнорировал значение крестьянства в осуществлении социалистической революции в России, пытался «перепрыгнуть» через крестьянское движение и интересы многомиллионного крестьянского населения, составлявшего 85 % населения империи. Нынешние «евроинтеграторы» также готовы пожертвовать украинским селом вместе с украинской промышленностью для реализации очередного мифа. И также как Троцкий не верил в возможность успеха социалистического строительства без помощи Запада, так и они готовы полагаться в осуществлении модернизации украинской экономики на «всемогущество» евробюрократии и Международного валютного фонда.

Троцкий, приложивший в свое время все силы для слома и уничтожения семейных ценностей и самого института семьи, наверняка порадовался бы за нынешних радетелей «европейского выбора» Украины, реализация которого с неизбежностью поставит вопрос о внедрении в стране таких «европейских стандартов», как однополые браки и понятия «родитель № 1 и № 2». Самые первые, пробные законодательные и политические шаги в этом направлении уже делаются.

Сюда следует добавить склонность к «ультрареволюционной» фразе, непрекращающуюся борьбу за лидерство, непрерывные атаки на власть, навязывание обществу бесконечных дискуссий. И все это далеко не полный перечень черт, общих между троцкизмом начала XX в. и его современной украинской реинкарнацией в лице вчерашних «оранжистов» и сегодняшних «евроинтеграторов».

Особое беспокойство вызывает то, что, следуя «заветам» Троцкого, его нынешние украинские последователи делают ставку на заигрывание с молодежью, вновь и вновь пытаясь, как говорил И. В. Сталин, «демагогически пощекотать молодежь», призывая ее брать свое «с боем». Искусственное провоцирование конфликта поколений создает в украинском обществе новые разделительные линии, подогревая напряженность и снижая его жизнестойкость.

Список литературы

1. Сталин, И. В. О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистов и иных двурушников [Текст] / И. В. Сталин // Сталин И. В. Сочинения. – Т. 14. – М.: Писатель, 1997. – С. 151–173.
2. Троцкий, Л. Д. Программа мира [Электронный ресурс] / Л. Д. Троцкий. – URL: <http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotl245.htm>.
3. Троцкий, Л. Об украинском вопросе [Электронный ресурс] / Л. Троцкий // Бюллетень оппозиции. – Май – июль 1939. – № 77–78. – URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotm465.htm>.
4. Троцкий, Л. Независимость Украины и сектантская путаница [Электронный ресурс] / Л. Троцкий // Бюллетень оппозиции. – Август – октябрь. – 1939. – № 79–80. – URL: <http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotm477.htm>.
5. Українська незалежність і товариш Троцький [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.istpravda.com.ua/digest/2011/05/13/38447/>.
6. Програма об'єднання «Боротьба» [Электронный ресурс]. – URL: <http://borotba.org/programma-obdnannya-borotba.html>.
7. Маніфест «Лівої опозиції» [Электронный ресурс]. – URL: http://gaslo.info/?page_id=2.

Shepelev M. A. Trotskyism and Ukrainian Question // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political Science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 1. – P. 46–58.

The article discusses the features of the interpretation of the Ukrainian question in the doctrine of Trotskyism and its influence on ideological beliefs and activities of modern neo-Trotskyists in the Ukraine. The article notes that Trotskyism is an elitist doctrine, suggesting that to rule a society must Trotskyists «elite», supposedly in the name of the people, and the masses is «ants of the revolution». Trotskyism, in all its varieties have been characterized by a conspicuous disregard for national characteristics, which represented as «the norms of revolutionary conduct». Trotsky and his followers have demonstrated a consistent commitment to the national nihilism. Trotsky consistently demonstrated hostility

to everything Russian, spoke out against Russian patriotism («Patriotic bacchanalia») and «the idea of pan-Slavic brotherhood». However, in the years of the civil war, Trotsky drew attention to the national peculiarities of the Ukrainian people. Before and in the first months of World war II, he advocated the building of an independent Soviet Ukraine by the «proletarian revolution» against the «Bonapartist bureaucracy» in the Soviet Union, objectively in the interests of Nazi Germany.

The article showed continuity between Trotsky's appeals to the «Soviet Ukraine's independence», with its entry into the «Soviet United States of Europe», and the slogans of «euromaidan» and political technologies which used leaders. Russophobia of Trotsky contributed to the spread of his ideas among the Ukrainian nationalists. Trotsky proclaimed the slogan of Ukrainian independent, and said that its aimed directly against the «Moscow bureaucracy» and gives the opportunity for the «proletarian vanguard» to unite the peasant masses around itself. In modern Ukraine, Trotsky put on a par with the «fighters for freedom of Ukraine» and his supporters remember that Trotsky wrote poetry in the Ukrainian language in his youth. Modern neo-Trotskyists organizations in Ukraine are marginal organizations «Struggle» and «Left opposition», but hidden Trotskyism was present in the actions of the main political forces of «euromaidan». Now creeping neo-Trotskyism became a powerful factor in the political struggle in which it is used by forces, masquerading under the slogan of defending Ukrainian interests, but it is in fact deeply anti-national and cosmopolitan forces.

Keywords: Trotskyism, neo-Trotskyism, Ukraine, Ukrainian question, «borbisty», «euromaidan».

References

1. Stalin, I. V. O nedostatkakh partiynoy raboty i merakh po likvidatsii trotskistov i inykh dvurushnikov [Tekst] / I. V. Stalin // Stalin I. V. Sochineniya. – T. 14. - M.: Izd-vo «Pisatel», 1997. – S. 151–173.
2. Trotskiy, L. D. Programma mira [Elektronnyy resurs] / L. D. Trotskiy. – Rezhim dostupa: <http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotl245.htm>
3. Trotskiy, L. Ob ukrainskom voprose [Elektronnyy resurs] / L. // Trotskiy Byulleten' oppozitsii. – May-iyul' 1939 g. – №77–78. – Rezhim dostupa: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotm465.htm>
4. Trotskiy, L. Nezavisimost' Ukrainy i sektantskaya putanitsa [Elektronnyy resurs] / L. // Trotskiy Byulleten' oppozitsii. – Avgust-oktyabr'. – 1939. – №79–80. – Rezhim dostupa: <http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotm477.htm>
5. Ukrain's'ka nezalezhnist' i tovarish Trots'kiy [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.istpravda.com.ua/digest/2011/05/13/38447/>
6. Programa Ob'ednannya «Borot'ba» [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://borotba.org/programa-obdnannya-borotba.html>
7. Manifest «Livoi oppozitsii» [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://gaslo.info/?page_id=2

УДК 327.39

ПРЕДПОСЫЛКИ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА

Пашковский П. И.

На основе анализа исторического опыта рассмотрены предпосылки российского парламентаризма в контексте их влияния на внешнюю политику государства в период X–XIX вв. Приведены мнения исследователей. Показаны примеры и механизмы участия в государственной внешнеполитической жизни первых органов народного представительства и сословно-представительных институтов: вече, Боярской думы, Земского собора, Сената, Уложенной комиссии, Государственного совета. Действовавшие в X–XIV вв. веча – народные собрания, в которых принимали участие все свободные жители мужского пола, главы семей и владельцы дворов – оказывали значительное воздействие на внешнюю политику русских княжеств. Боярские думы являлись постоянными сословно-представительными органами аристократии при великом князе (позже – царе), имевшие и внешнеполитические полномочия. Появившиеся в середине XVI в. Земские соборы – высшие государственные сословно-представительные учреждения – не имели законодательно закрепленных функций и собирались по инициативе царя для рассмотрения общегосударственных дел. Они решали и вопросы объявления войны, заключения мира, отношений с другими государствами. В начале XVIII в. был образован Сенат – законосовещательный орган и судебно-апелляционная инстанция – ответственный перед монархом, члены которого им же и назначались. Этот институт не имел постоянных прав, а лишь временный круг поручений. При этом министры, курирующие войско, флот и иностранные дела, осуществляли свои полномочия независимо от Сената, обращаясь в него с указами от имени «царского величества». Собиравшиеся для кодификации законов в XVIII в. Уложенные комиссии придавали российскому абсолютизму видимость сословно-представительной монархии. Однако основные направления внешней политики государства в этот период продолжали находиться в ведомстве монарха. В начале XIX в. учреждается Государственный совет – высший законосовещательный орган, к полномочиям которого относилось и рассмотрение внешнеполитических вопросов. Но ключевая роль в формировании внешнеполитического курса империи в XIX – начале XX вв. по-прежнему принадлежала царю и его ближайшему окружению. Обосновано, что на протяжении рассматриваемого периода общей тенденцией функционирования

Российского государства являлось то, что вопросы обороны и иностранных дел замыкались не на формальном главе исполнительной власти, а преимущественно на верховном руководителе. Именно в его окружении, куда входили наиболее влиятельные деятели своего времени, и с учетом их подчас определяющего воздействия, принимались конкретные внешнеполитические решения.

Ключевые слова: предпосылки парламентаризма, Россия, внешняя политика, государство, международные отношения.

Умение делать выводы из опыта прошлого, находя им практическое применение, является одним из ключевых залогов успешного функционирования внешнеполитического механизма любой страны. В этом отношении **актуальность** изучения специфики воздействия ранних форм отечественного парламентаризма на внешнюю политику нашего государства проявляется в возможности определить внутренние факторы принятия внешнеполитических решений, выяснив роль конкретных социальных групп и отдельных личностей в контексте исторической эволюции многогранного и противоречивого внешнеполитического процесса [16; 17].

Исследование различных аспектов функционирования российского парламентаризма располагает обширной отечественной и зарубежной историографией. Зачастую выделяется четыре этапа его становления в России: исторические истоки и предпосылки парламентаризма (X–XIX вв.); первый парламентский опыт (1905–1917 гг.); советская представительная и законодательная система власти (1917–1991 гг., иногда хронология данного этапа продлевается до 1993 г. – принятия Конституции РФ); формирование и развитие современной парламентской системы (1991/1993 г. – настоящее время) [4, с. 51–71; 6, с. 58–106]. При этом вопросы его значения во внешнеполитическом механизме государства, особенно на начальных этапах, находили преимущественно ситуативное освещение. Подобное было связано как с исторической отдаленностью рассматриваемых событий, так и в целом с особенностями анализа механизма формирования внешней политики, сравниваемого исследователями с «черным ящиком», на входе в который все и вся, а на выходе – собственно внешнеполитические действия» [22, с. 102–103]. Прояснение обозначенных сюжетов определяет **научную новизну** данной статьи, **целью** которой является обзорное рассмотрение влияния предпосылок отечественного парламентаризма на внешнюю политику государства в период X–XIX вв.

Традиционно первой формой проявления народовластия на Руси X–XII вв. считается вече – своего рода народное собрание, в котором якобы участвовали все свободные жители. Их волеизъявление имело большое значение при формировании политики великого князя и его вассалов, стоящих во главе отдельных княжеств [9, т. 1, с. 118]. Первое упоминание о вече встречается в Белгородских летописях, датируясь 997 г. [4, с. 53]. Дискуссионными остаются вопросы относительно социального состава и роли данных органов. Исследователи видят в вече и институт прямой демократии, и, одновременно, источник легитимности княжеской власти.

Существует также мнение, что, несмотря на необходимость считаться с позицией веча, полномочия князя мало чем отличались от западноевропейских королей. Одни ученые считают вече народным собранием, другие – олигархическим. Неоспоримым представляется лишь существование данного института и того факта, что он являлся ограничителем единоличной власти князя [14, с. 87].

Вечу принято приписывать обладание правом законодательной инициативой и полномочиями в решении вопросов внешней политики [6, с. 59–60], в частности правами заключать мирные договоры. Решения здесь принимались по принципу большинства голосов присутствующих [4, с. 53]. Поэтому можно согласиться с утверждением В. Никонова о том, что «в лице веча мы имеем дело с институтом представительства. Даже само происхождение этого понятия от слова “вещать” не отличает его от латинского “parlamentum”» [14, с. 87].

Вершиной вечевого строя на Руси считаются Новгородская и Псковская республики. Высшим представительным органом здесь было собрание полноправных жителей мужского пола, а принцип волеизъявления стал основным в системе правления [25]. По происхождению вече в Пскове и Новгороде являлось городским собранием, похожим на существовавшие в других русских городах X–XII вв. Оно созывалось не периодически, а в случае необходимости. Чаще всего во время войн, восстаний и призыва князей [6, с. 60–61].

На новгородском вече решались важнейшие вопросы политической жизни республики [19, с. 46–47]. Вече ведало и сферой внешней политики, принимая решения о сборе войска, постройке крепостей, объявляя войну и заключая мир, составляя и заключая торговые договора с иноземными государствами [21, с. 77].

Что касается Псковской республики, то здесь вече являлось верховным органом, решающим важнейшие дела государства, в том числе внешнеполитические: приглашало князей, объявляло войну, утверждало мирные договора, принимало и отправляло послов [20]. На вече могли приходиться все свободные взрослые мужчины, главы семей и владельцы дворов в Пскове, однако господствовали здесь, как и в новгородском случае, бояре [6, с. 64].

К концу XIV в., в связи с установлением монгольского владычества и укреплением власти насаждаемых «сверху» князей, веча на Руси фактически исчезают [25]. Последние вечевые республики были ликвидированы сразу после присоединения к освобождавшемуся от монгольского ига Московскому государству: в 1478 г. – в Великом Новгороде и в 1510 г. – в Пскове. Но остатки вечевого строя выжили в западнорусских землях, входивших в Великое княжество Литовское, где трансформировались в институт сейма [14, с. 103]. На остальной же территории на смену вече приходят Боярские думы и Земские соборы. Статус Боярской думы – постоянного сословно-представительного органа аристократии при великом князе (с 1547 г. – при царе) – был оговорен в Судебниках 1497 и 1550 гг., а окончательно – в Соборном уложении 1649 г. [4, с. 53]. В XV в. понятие «боярин» превратилось в титул и думный чин, которыми великий князь наделял немногих избранных советников. С этого времени Боярская дума приобрела постоянный состав. «Верховная власть ограничена была, согласно традиции (обычаю), – отмечал С. Шмидт, – в выборе постоянных высших советников и в

какой-то мере разделялась (даже в годы безудержного самовластия Ивана Грозного) между монархом и наследственной аристократией, сословно-представительным органом которой была Боярская дума» [26, с. 94]. При этом право назначать «думных людей» принадлежало исключительно государю, а законы издавались от его имени. Но осуществляла себя верховная власть именно через Боярскую думу и подчиненные ей центральные правительственные учреждения. Со временем рядом с боярами появились низшие думные чины – окольничие. Однако претендовать на боярство могли выходцы из княжеских фамилий, нетитулованная знать обычно начинала службу в чине окольничих [14, с. 97].

В XVI в. Боярская дума обладала управленческими функциями через систему временных боярских комиссий. Секретные дела решались Ближней думой, состоящей, как правило, из четырех бояр [9, т. 1, с. 469]. Боярская дума в этот период располагала многочисленными полномочиями, в числе которых были и вопросы внешней политики, «приговоры» относительно войны и мира [6, с. 65–66]. Исторические источники показывают, что с участием думы проходило обсуждение наиболее важных внешнеполитических вопросов. Для переговоров с прибывшими в страну дипломатами обязательно приглашались члены думы, от имени бояр и царя отправлялись грамоты польским панам. В частности, имеются свидетельства того, что Иван III (1462–1505) как-то отказался беседовать с послами один на один без бояр. Среди документов встречаются боярские приговоры об отправлении посольств к иноземным государям. Дума участвовала в обсуждении вопросов войны и мира с Польшей. Представляется, что прежде чем принять решение в сфере внешней политики, государь передавал рассмотрение этих дел боярам и «думным людям». Боярская дума составляла и отправляла дипломатические грамоты различным государствам, заслушивала посольские отписки, участвовала в слушании посольских дел. В этом, по мнению Т. Перевезенцевой, можно усмотреть «ростки участия представительного собрания во внешнеполитической жизни государства» [18, с. 66].

В Смутное время (1598–1613 гг.) Боярская дума играла ключевую роль во всех событиях государственного значения, обеспечивая необходимую видимость легитимности власти. Известен случай, когда, заняв московский трон, Лжедмитрий I (1605–1606), пытаясь выполнить свои обещания польскому королю, приказал готовить войска для похода против шведов. Боярская дума, не желая допустить нарушения «вечного мира» со Швецией, решительно воспротивилась попыткам резко изменить внешнеполитическую ориентацию. Самозванец должен был подчиниться ее воле, поскольку в это время Боярская дума прочно удерживала в своих руках бразды правления государством [23, с. 366–386].

С ростом абсолютистских тенденций во второй половине XVII в. значение Боярской думы слабеет. В начале правления Петра I (1682–1725) число заседаний думы резко сокращается, постепенно уменьшается ее количественный состав. Последнее упоминание о заседаниях Боярской думы датируется 1700 г. [4, с. 54].

Появление Земских соборов – высших сословно-представительных учреждений – относится к середине XVI в. [6, с. 67] и связано с завершением складывания Русского централизованного государства, ростом политического

значения дворянства и отчасти верхов посада. В состав Земских соборов входили Боярские думы, члены Освященного собора (высшее духовенство во главе с митрополитом, с 1589 г. – патриархом), представители сословных групп класса феодалов и торгово-промышленных верхов посадского населения. Земские соборы собирались по инициативе царя для решения общегосударственных («земских») проблем [4, с. 54], среди которых были и внешнеполитические. Так, в годы правления Михаила Федоровича (1613–1645) на Земских соборах решались вопросы об отправке войск против И. Заруцкого, вольных казаков, поляков и шведов, об условиях заключения мирных договоров с соседними державами [9, т. 1, с. 468].

Полномочия, прерогативы Земских соборов и правила представительства на них никогда не были законодательно закреплены. Как уже отмечалось, они созывались царем (исключая период Смуты, когда это делал патриарх или Боярская дума) в определенном им составе и для рассмотрения предложенных им вопросов. По мнению исследователей, соборы являлись органами как сословного, так и провинциального представительства. Роль Земского собора в российской политике была колоссальной. С учетом его мнения решались вопросы войны и мира, а также избрания царя [14, с. 108–109].

Во второй половине XVII в. значение Земских соборов начинает падать. В правление Алексея Михайловича (1645–1676) происходит постепенный переход от сословно-представительной монархии к абсолютной [6, с. 68]. Последний (в прежних условиях) Земский собор был созван в 1683–1684 гг. по поводу заключения «вечного мира» с Польшей. Однако поскольку русско-польские переговоры не увенчались успехом, собор был распущен, так и не приступив к работе [4, с. 54]. Исторически последний Земский собор состоялся в период гражданской войны летом 1922 г. во Владивостоке, но, в силу понятных причин, практического значения он уже не имел [14, с. 109].

Результатами преобразований Петра I стали роспуск Боярской думы и создание Боярской комиссии, бывшей не более чем личной канцелярией царя. Затем в 1711 г. был образован Сенат, ставший законосовещательным органом и судебно-апелляционной инстанцией [7, с. 675]. Если членов думы назначали по «породе», то сенаторами становились по воле царя и служебным заслугам, т. е. сенатор – это должность, которую можно было потерять, что многократно увеличивало их зависимость от монарха [6, с. 68].

Сенату не были определены постоянные права, а лишь временный круг поручений. Исследователь М. Владимирский-Буданов справедливо подчеркивал, что «ни в одном роде дел Сенат не мог проявить самостоятельности: существенной задачей его была администрация, но верховные господа – министры (управляющий войском, флотом и иностранными делами) – распоряжались сами, обращаясь в Сенат с “указами” именем царского величества... Во всяком случае Сенату принадлежала тогда вся исполнительная власть» [3, с. 255].

Вначале в Сенат входило 9 сенаторов и обер-секретарь. С 1722 г. этот институт приобрел права надзора за коллегиями и принятия законов в отсутствие царя, став высшим органом законодательства и управления. При этом он получил отдельный от коллегий состав, но «силовики» – президенты Военной, Адмиралтейской,

Иностранных дел и Берг-коллегий – остались его членами, поэтому Сенат мог надзирать лишь за остальными и осуществлять функции финансового контроля. Но, как ни велика была компетенция Сената, он был органом, который исполнял волю и предназначения монарха. С учреждением Сената не была заполнена пустота, образовавшаяся около русского государя с исчезновением Боярской думы и т. н. Ближней думы, с которой царь советовался в особо важных случаях. Со временем, после создания министерств в 1802 г., Сенат превратился в орган суда и надзора [7, с. 675].

В XVIII в. для кодификации законов, вступивших в силу после Соборного уложения 1649 г., созывались временные коллегиальные органы – Уложенные комиссии [8, с. 430]. По инициативе Екатерины II (1762–1796) в 1767 г. была образована Комиссия по составлению нового уложения (Уложенная комиссия), которую ряд исследователей рассматривают в качестве прообраза российского парламента [6, с. 69]. В Уложенной комиссии работали 572 депутата, представляющие дворян, горожан, казачество, государственных крестьян. Также в ее состав входило по одному депутату от Сената, Синода, от каждой коллегии. Крепостные и посессионные крестьяне в работе данного органа участия не принимали. Подготовительная работа была сосредоточена в частных комиссиях. Противоречия в деятельности комиссии и постановка острых вопросов вызвали недовольство императрицы. В январе 1769 г. общее собрание было распущено, но члены комиссии работали вплоть до 1773 г. [4, с. 56].

Хотя комиссия и прекратила свою деятельность под предлогом войны с Турцией – поскольку многие депутаты стояли на службе в армии, – истинную причину этого некоторые исследователи, в частности Дж. Хоскинг, усматривают в разочаровании Екатерины II отсутствием понимания членами комиссии нужд общества, и их неготовностью наложить на себя какие-то ограничения ради общего блага [24, с. 114]. Работа комиссии подтверждала мысль Р. Пайпса о том, что в этот период «ни одна из социальных групп в России не была заинтересована в либерализации: она означала бы утрату привилегий для элиты и разбила бы надежды крестьянской массы на всероссийский “черный предел”» [15, с. 327].

К концу XVIII в. в России сложилась система, при которой корпоративные институты и гражданские права местной аристократии выглядели слабее, чем в большинстве европейских государств. Царь, имея широкие полномочия, мог править в провинциях только при посредничестве класса помещиков, которых Павел I (1796–1801) справедливо называл государственными сборщиками налогов и рекрутскими агентствами в деревне. Аристократические группировки при дворе боролись за власть и зависящие от нее материальные блага, создавая фракции и контролируя ключевые посты на государственной службе. Монарх, позволявший себе пренебрегать интересами и настроениями аристократии, мог, по мнению исследователей, поплатиться за это жизнью [11, с. 395]. Справедливость данного утверждения подтвердил итог царствования Павла I.

Годы правления Александра I (1801–1825) некоторые ученые характеризуют как период правительственного конституционализма. Подобное заключение имеет основания. В частности, по поручению императора М. Сперанским и его

соратниками был разработан проект, учитывающий концепцию деятельности наиболее развитых парламентов Европы. В этом проекте впервые появились названия «Государственная Дума» и «Государственный Совет» [6, с. 71]. Однако на практике царь ограничился созданием высшего законосовещательного органа – Государственного совета, учрежденного 1 января 1810 г., в число полномочий которого входило и рассмотрение вопросов внешней политики в чрезвычайных обстоятельствах. В 1810–1906 гг. Государственный совет состоял из лиц, назначаемых и увольняемых императором. Членом совета могло стать любое лицо без ограничения в возрасте, образовании, чине и сословии, но в реальности абсолютное большинство мест в нем занимали дворяне. По должности в его состав входили министры. Председатель и вице-председатель Госсовета ежегодно назначался императором. В 1812–1865 гг. председатель Государственного совета одновременно возглавлял Комитет министров. Первоначально насчитывалось 35 членов Госсовета, однако в начале XX в. их число достигло 90 [5, с. 278].

Что касается процедуры принятия решений Государственным советом, то исследователи акцентируют, что в период правления Александра I законопроекты вносились в него министрами по предварительному согласию императора. «По всем вопросам, – продолжает В. Никонов, – Совет выносил свое заключение как мнение большинства, к которому прикладывалось и мнение меньшинства. За любым законопроектом стояла большая аппаратная – юридическая и аналитическая – работа. Обычно, но не всегда, глава государства, за которым оставалось последнее слово, соглашался с большинством» [14, с. 121].

Время правления Александра II (1855–1881) знаменуется «эпохой Великих реформ», среди которых особое значение в аспекте исследования предпосылок парламентских институтов имеют крестьянская (отмена крепостного права в 1861 г.) и земская (введение в 1864 г. нового института местного самоуправления – земств) реформы. Первая обусловила существенное расширение электорального корпуса, вторая – необходимость проведения выборов в земские учреждения [13, с. 32]. В 1870 г. формируются городские сословные представительные учреждения – органы городского самоуправления, которые, как и земства, обладали законосовещательным правом. Таким образом, как полагают исследователи, в этих выборных учреждениях стали зарождаться ростки парламентаризма [1]. Стоит также упомянуть, что в этот период появляются проекты реформирования Государственного совета, принадлежащие государственным деятелям П. Валуеву, М. Лорис-Меликову, и – в первый год правления Александра III – проект Н. Игнатьева о создании сословно-представительного органа наподобие Земского собора. Однако они остаются нереализованными [2; 10; 12].

Обзорный анализ российского опыта участия ранних форм парламентаризма во внешнеполитической жизни государства позволяет сделать следующие выводы.

Действовавшие в X–XIV вв. на Руси веча, будучи народными собраниями, в которых принимали участие все свободные жители мужского пола, главы семей и владельцы дворов, оказывали значительное воздействие на внешнюю политику русских княжеств. Веча собирались в случае необходимости, как правило, с целью решения особо важных государственных вопросов. Во внешнеполитической сфере к

такovým относились: приглашение князей, объявление войны, заключение мира, постройка крепостей, принятие и отправление послов и т. д. Принимая решения по принципу большинства голосов, судя по всему, основное влияние в подобных собраниях имели бояре. Указанные обстоятельства свидетельствуют в пользу утверждения о том, что данный институт выступал своеобразным ограничителем единоличной княжеской власти.

К концу XIV в. под влиянием процессов, связанных с установлением на Руси монгольского владычества и укреплением насаждаемой «сверху» власти, на смену вече приходят Боярские думы и Земские соборы.

Боярские думы являлись постоянными сословно-представительными органами аристократии при великом князе (позже – царе), в состав которых входило около 30–40 человек, не только бояр, но и окольных, думных дворян и дьяков. Состав думы, в сущности, ограничивающей верховную власть, назначался исключительно государем, осуществлявшим руководство через данный сословно-представительный институт и подчиненные ему центральные правительственные учреждения. Управленческие функции дума реализовывала посредством системы временных боярских комиссий. Для решения секретных дел созывалась Ближняя дума, состоящая из четырех бояр. Среди многочисленных полномочий Боярской думы значились и внешнеполитические: участие вместе с государем в обсуждении наиболее важных вопросов внешней политики; объявление войны и заключение мира; составление и отправление дипломатических грамот; заслушивание посольских дел; решения относительно отправления посольств в другие страны. Известны случаи, когда в XVI в. от имени бояр и царя составлялись внешнеполитические документы. В период Смутного времени Боярская дума играла ключевую роль во всех вопросах государственного значения, в том числе внешнеполитических.

Появившиеся в середине XVI в. Земские соборы – высшие государственные сословно-представительные учреждения – включали в свой состав Боярские думы, членов Освященного собора, представителей сословных групп класса феодалов и торгово-промышленных верхов посадского населения. Не имея законодательно закрепленных полномочий и собираясь по инициативе царя для рассмотрения общегосударственных дел, Земские соборы решали и вопросы объявления войны, заключения мира, отношений с другими государствами. Но в условиях перехода от сословно-представительной монархии к абсолютной во второй половине XVII в. значение данных институтов начинает уменьшаться.

В результате петровских реформ, знаменовавших рост абсолютистских тенденций, в начале XVIII в. был образован Сенат – законосовещательный орган и судебно-апелляционная инстанция – ответственный перед монархом, члены которого им же и назначались. Этот институт не имел постоянных прав, а лишь временный круг поручений. При этом министры, курирующие войско, флот и иностранные дела, осуществляли свои полномочия независимо от Сената, обращаясь в него с указами от имени «царского величества». В дальнейшем Сенат приобрел права надзора за коллегиями и принятия законов в отсутствие монарха. Однако, как бы ни были велики компетенции данного органа, он всегда исполнял

волю царя, так и не заняв место, ставшее вакантным после исчезновения Боярской думы.

Собиравшиеся для кодификации законов в XVIII в. Уложенные комиссии придавали российскому абсолютизму видимость сословно-представительной монархии. Наиболее значимая и масштабная Уложенная комиссия, действовавшая в 1767–1769 гг. по инициативе Екатерины II с целью составления нового свода законов, состояла из 572 депутатов, представляющих дворян, горожан, казачество, государственных крестьян, Сенат, Синод и каждую коллегию. Будучи вскоре распущенной, комиссия не оправдала надежд императрицы, в ведомстве которой в этот период находились и основные направления внешней политики государства.

В начале XIX в. Александром I учреждается Государственный совет – высший законосовещательный орган, к полномочиям которого относилось и рассмотрение внешнеполитических вопросов. С 1810 по 1906 годы в состав этого института входили лица, назначаемые и увольняемые императором, по согласию которого министрами в него вносились законопроекты. Решения, принимаемые большинством голосов, преимущественно (но не всегда) поддерживались монархом, за которым оставалось последнее слово. Крестьянская (1861 г.) и земская (1864 г.) реформы в годы правления Александра II обусловили существенное увеличение электоральной базы и необходимость проведения выборов в земские учреждения. Формирующиеся органы городского самоуправления в 1870 г., как и земства, наделяются законосовещательным правом. Появляющиеся проекты реформирования Государственного совета, принадлежащие известным государственным деятелям, остаются нереализованными. Ключевая роль в формировании внешнеполитического курса империи по-прежнему принадлежала монарху и его ближайшему окружению.

Примечательно, что на протяжении всего рассматриваемого периода общей тенденцией функционирования Российского государства являлось то, что вопросы внешней политики замыкались преимущественно на верховном руководителе, а не на формальном главе исполнительной власти. Именно монарх и его ближайшее окружение принимали окончательные внешнеполитические решения.

Список литературы

1. Баранова Е. А. Земская реформа и становление парламентаризма в России / Е. А. Баранова // 150-летие принятия земской и судебной реформ Александра II: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Уфа: УЮИ МВД России, 2014. – С. 144–148.
2. Валуев П. А. Записка / П. А. Валуев // Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии: Сб. документов / Авторы-сост.: А. В. Гоголевский, Б. Н. Ковалев. – М.: Юридическая литература, 2000. – С. 420–423.
3. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 640 с.
4. Гайсин У. Б. Основные этапы становления и развития парламентаризма в России / У. Б. Гайсин, М. А. Филимонов, Т. С. Конюков // Парламентаризм в России: история и современность: Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием: Сб. ст. – Уфа: УГАТУ, 2015. – С. 51–81.
5. Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.): Словарь-справочник. – Кн. 1 (А–Г). – М.: Наука, 1996. – 336 с.

6. Еременко В. И. Российский парламентаризм: политологические, правовые и социально-культурные аспекты / В. И. Еременко. – СПб.: Издательство политехнического университета, 2013. – 166 с.
 7. Исторический энциклопедический словарь. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 928 с.
 8. История Отечества: Энциклопедический словарь / Сост.: Б. Ю. Иванов, В. М. Карев, Е. И. Куксина и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – 656 с.
 9. История России: В 2 т. – Т. 1: С древнейших времен до конца XVIII века / А. Н. Сахаров, Л. Е. Морозова, М. А. Рахматуллин и др. / Под ред. А. Н. Сахарова. – М.: АСТ, 2009. – 943 с.; Т. 2: С начала XIX века до начала XXI века / А. Н. Сахаров, Л. Е. Морозова, М. А. Рахматуллин и др. / Под ред. А. Н. Сахарова. – М.: АСТ, 2009. – 862 с.
 10. Кретов Б. И. Парламентаризм в России: история и современность: Учеб. пособие / Б. И. Кретов. – М.: МИИТ, 2001. – 96 с.
 11. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / Д. Ливен; Пер. с англ. – М.: Европа, 2007. – 688 с.
 12. Лорис-Меликов М. Т. Всеподданнейший доклад 28 января 1881 г. / М. Т. Лорис-Меликов // Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии: Сб. документов / Авторы-сост.: А. В. Гоголевский, Б. Н. Ковалев. – М.: Юридическая литература, 2000. – С. 466–467.
 13. Любимов А. П. Парламентское право России: Учебное пособие / А. П. Любимов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Маркетинг, 2002. – 368 с.
 14. Никонов В. А. Российская матрица / В. А. Никонов. – М.: ООО «Русское слово – учебник», 2014. – 992 с.
 15. Пайпс Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс; Пер. с англ. – М.: Захаров, 2004. – 496 с.
 16. Пашковский П. И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991–2011 гг.) / П. И. Пашковский. – Киев: Интерсервис, 2012. – 189 с.
 17. Пашковский П. И. К вопросу о факторах принятия внешнеполитических решений / П. И. Пашковский // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. Материалы XI Международной научно-практической конференции (29 сентября 2015 г.). – СПб.: Стратегия будущего, 2015. – № 11-3. – С. 88–90.
 18. Перевезенцева Т. В. Участие Государственной Думы в осуществлении внешней политики страны / Т. В. Перевезенцева // Российский парламентаризм: история и современность: Материалы заседания «круглого стола» (Астрахань, 8 июня 2007 г.) / Отв. ред. Е. Е. Рябцева. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007. – С. 65–69.
 19. Политическая история России: Учебное пособие / Отв. ред. проф. В. В. Журавлев. – М.: Юристъ, 1998. – 696 с.
 20. Псковский край в истории России. – Псков: ПОИПКРО, 1994. – 400 с.
 21. Пушкарев С. Г. Обзор русской истории / С. Г. Пушкарев. – Ставрополь: Кавказский край, 1993. – 416 с.
 22. Салмин А. М. Изнанка внешней политики / А. М. Салмин // Российская политика на рубеже веков (избранные статьи). К десятилетию фонда «Российский общественно-политический центр» / Глав. ред., председ. Совета А. М. Салмин. – М.: Летний сад, 2001. – С. 102–210.
 23. Скрынников Р. Борис Годунов / Р. Скрынников. – М.: АСТ, 2003. – 416 с.
 24. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Дж. Хоскинг; Пер. с англ. – Смоленск: Русич, 2001. – 512 с.
 25. Чурбанов В. Народное представительство в России: тысяча лет и 72 дня. К 100-летию Первой Государственной думы / В. Чурбанов // Российская Федерация сегодня. – 2005. – № 22. – С. 47–53.
 26. Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI столетия. Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного / С. О. Шмидт. – М.: Наука, 1984. – 277 с.
- Pashkovsky P. I. Prerequisites of the Russian Parliamentarism and Foreign Policy of the State // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political Science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 1. – P. 59–70.**

Based on the analysis of the historical experience, prerequisites of the Russian parliamentarism in the context of their impact on the foreign policy of the state during the X-XIX centuries have been considered. Approaches of researchers have been offered. Examples of mechanisms of participation of the first organs of popular representation and estate-representative institutions (veche, Boyar Duma, Zemsky Sobor,

Senate, Legislative Commission, and Council of State) in the state's foreign policy life have been shown. Veches, that operated in the X – XIV centuries, were the People's Assembly, that were attended by all the free people of the male, head of the family and the owners of households, and which had a significant impact on the foreign policy of the Russian principalities. Boyar Duma were constant class-representative bodies of the aristocracy under the Grand Prince (later – the king), and had foreign policy powers. Zemsky Sobors, which emerged in the middle of the XVI century – the highest state of caste-representative institutions – didn't have the features that have been fixed by law, and were going by the king's initiative to consider of state's affairs. This institution solved and issues declaration of war, conclusion of peace, relations with other states. At the beginning of the XVIII century, the Senate was formed – the legislative, deliberative body and judicial-appellate instance – responsible to the monarch, whose members were appointed by him. This institution didn't have the permanent rights but only temporary terms of reference. The ministers, who supervised the army, fleet and foreign affairs, to exercise their powers independently of the Senate, and appealed into him with the decrees on behalf of «His Majesty». Legislative Commissions, which assembled for the codification of the laws in the XVIII century, gave to the Russian absolutism the appearance of estate-representative monarchy. However, the main directions of foreign policy of the state in this period continued to be in the office of the monarch. It is proved that during the period under review, the general trend of the functioning of the Russian state was the fact that the issues of defense and foreign affairs became isolated not on the formal head of the executive power, but, mainly, to the supreme leader. Exactly in his entourage, which included the most influential figures of his time, given their often determines the impact, specific foreign policy decisions were made.

Keywords: prerequisites of parliamentarism, Russia, foreign policy, state, international relations.

References

1. Baranova Y. A. Zemskaya reforma i stanovleniye parlamentarizma v Rossii / Y. A. Baranova // 150-letniye prinyatiye zemskoy i sudebnoy reform Aleksandra II: Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Ufa: UYUI MVD Rossii, 2014. – S. 144–148.
2. Valuyev P. A. Zapiska / P. A. Valuyev // Konstitutsionalizm: istoricheskiy put' Rossii k liberal'noy demokratii: Sb. dokumentov / sost-Avtory.: A. V. Gogolevskiy, B. N. Kovalov. – M.: Yuridicheskaya literatura, 2000. – S. 420–423.
3. Vladimirskiy-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava / M. F. Vladimirskiy-Budanov. – Rostov-na-Donu: Feniks, 1995. – 640 s.
4. Gaysin U. B. Osnovnyye etapy stanovleniya i razvitiya parlamentarizma v Rossii / U. B. Gaysin, M. A. Filimonov, T. S. Konyukov // Parlamentarizm v Rossii: istoriya i sovremennost': Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiyem: Sb. st. – Ufa: UGATU, 2015. – S. 51–81.
5. Gosudarstvennost' Rossii (konets XV v – fevral 1917 g.): Slovar-spravochnik. – Kn. 1 (A – G). – M.: Nauka, 1996. – 336 s.
6. Yeromenko V. I. Rossiyskiy parlamentarizm: politologicheskiye, pravovyye i sotsial'no-kul'turnyye aspekty / V. I. Yeromenko. – SPb.: Izdatel'stvo politekhnicheskogo universiteta, 2013. – 166 s.
7. Istoricheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. – M.: OLMA Media Grupp, 2010. – 928 s.
8. Istoriya Otechestva: Entsiklopedicheskiy slovar' / Sost.: B. YU. Ivanov, V. M. Karev, Ye. I. Kuksina i dr. – M.: Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya, 1999. – 656 s.
9. Istoriya Rossii: V 2 t. – T. 1: S drevneyshikh vremen do kontsa XVIII veka / A. N. Sakharov, L. Ye. Morozova, M. A. Rakhmatullin i dr. / Pod red. A. N. Sakharova. – M.: AST: Yermak: Astrel', 2003. – 943 s.; T. 2: S nachala XIX veka do nachala XXI veka / A. N. Sakharov, L. Ye. Morozova, M. A. Rakhmatullin i dr. / Pod red. A. N. Sakharova. – M.: AST: Yermak: Astrel', 2003. – 862 s.
10. Kretoy B. I. Parlamentarizm v Rossii: istoriya i sovremennost': Uchebnoye posobiye / B. I. Kretoy. – M.: MIIT, 2001. – 96 s.
11. Liven D. Rossiyskaya imperiya i yeye vragi s XVI veka do nashikh dney / D. Liven; Per. s angl. – M.: Yevropa, 2007. – 688 s.
12. Loris-Melikov M. T. Vsepoddanneyshiy 28 yanvarya doklad 1881 g. / M. T. Loris-Melikov // Konstitutsionalizm: istoricheskiy put' Rossii k liberal'noy demokratii: Sb. dokumentov / sost-Avtory.: A. V. Gogolevskiy, B. N. Kovalov. – M.: Yuridicheskaya literatura, 2000. – S. 466–467.

13. Lyubimov A. P. *Parlamentskoye pravo Rossii: Uchebnoye posobiye* / A. P. Lyubimov. – 3-ye izd., Pererab. i dop. – M.: Marketing, 2002. – 368 s.
14. Nikonov V. A. *Rossiyskaya matritsa* / V. A. Nikonov. – M.: OOO «Russkoye slovo – uchebnik», 2014. – 992 s.
15. Payps R. *Rossiya pri starom rezhime* / R. Payps; Per. s angl. – M.: Zakharov, 2004. – 496 s.
16. Pashkovskiy P. I. *Integratsionnaya politika Rossii na postsovetском prostranstve (1991 – 2011 gg)* / P. I. Pashkovskiy. – Kiyev: Interservis, 2012. – 189 s.
17. Pashkovskiy P. I. *K voprosu o faktorakh prinyatiya vneshnepoliticheskikh resheniy* / P. I. Pashkovskiy // *Fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya v sovremennom mire. Materialy XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (29 sentyabrya 2015 g.)*. – SPb.: Strategiya budushchego, 2015. – № 11-3. – S. 88–90.
18. Perevezentseva T. V. *Uchastiye Gosudarstvennoy Dumy v osushchestvlenii vneshney politiki strany* / T. V. Perevezentseva // *Rossiyskiy parlamentarizm: istoriya i sovremennost': Materialy zasedaniya «kruglogo stola» (Astrakhan', 8 iyunya 2007 g.)* / *Otv. red. Ye. Ye. Ryabtseva*. – Astrakhan': ID «Astrakhanskiy universitet», 2007. – S. 65–69.
19. *Politicheskaya istoriya Rossii: Uchebnoye posobiye* / *Otv. red. prof. V.V. Zhuravlov*. – M.: Yurist, 1998. – 696 s.
20. *Pskovskiy kray v istorii Rossii*. – Pskov: POIPKRO, 1994. – 400 s.
21. Pushkarov S. G. *Obzor russkoy istorii* / S. G. Pushkarev. – Stavropol': Kavkazskiy kray, 1993. – 416 s.
22. Salmin A. M. *Iznanka vneshney politiki* / A. M. Salmin // *Rossiyskaya politiya na rubezhe vekov (izbrannyye stat'i). K desyatiletuyu fonda «Rossiyskiy obshchestvenno-politicheskiy tsentr»* / *Glav.red., Predsed. Soveta A. M. Salmin*. – M.: Letniy sad, 2001. – S. 102–210.
23. Skrynnikov R. *Boris Godunov* / R. Skrynnikov. – M.: AST, 2003. – 416 s.
24. *Khosking Dzh. Rossiya: narod i imperiya (1552–1917)* / Dzh. Khosking; Per. s angl. – Smolensk: Rusich, 2001. – 512 s.
25. Churbanov V. *Narodnoye predstavitel'stvo v Rossii: tysyacha let i 72 dnya. K 100-letiyu Pervoy Gosudarstvennoy dumy* / V. Churbanov // *Rossiyskaya Federatsiya segodnya*. – 2005. – № 22. – S.47–53.
26. Shmidt S. O. *Rossiyskoye gosudarstvo v seredine XVI stoletiya. Tsarskiy arkhiv i litsevyye letopisi vremeni Ivana Groznogo* / S. O. Shmidt. – M.: Nauka, 1984. – 277 s.

УДК 378:32 (477.75)

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ КАК ПОТРЕБНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО КРЫМА

Кузьмин П. В.

Рассматривается социальная потребность повышения роли политического образования молодежи в Крыму как следствие протекающих в совокупности процессов и явлений в современных реалиях. К указанной совокупности, с точки зрения автора, относятся: интеграция Крыма в социально-экономическое, политическое и духовно-идеологическое пространство России, требующая от вступающих во взрослую жизнь граждан гармоничного сочетания гражданской культуры и профессионализма; становление гражданского общества в Крыму, предъявляющее ко всем его субъектам осознанного конструктивного участия в общественно-политической жизни социума; развитие межнациональных и межконфессиональных отношений, основанное на принципах социального мира, гуманизма и толерантности, обогащения прогрессивных традиций, проживающих в Крыму народов; разнообразные проявления информационной войны, ведущейся против России и Крыма как ее неотъемлемой части. Показано, что роль политических знаний в формировании гражданской ответственности, политической культуры юношей и девушек определяется функциями, которые знания могут выполнять. К этим функциям, по мнению автора, относятся: образовательная, аксиологическая, мотивационная, регулятивно-организующая, прогнозирующая функции. Основываясь на материалах анкетного опроса, анализе работы студентов на семинарских занятиях, констатируется, что поступившим в университет юношам и девушкам явно не хватает политологических знаний. У многих из них примитивные представления о политической сфере общества, крайне слабые знания политической истории России. Студенты, в особенности младших курсов, не осознают роль политологических знаний в своем гражданском и профессиональном становлении, выполнении профессиональных обязанностей по окончании вуза. Автор полагает, что потребность развития политического образования молодежи требует, прежде всего, осознания этой потребности политиками, государственной бюрократией, руководителями вузов и осуществления комплекса мер, направленных на формирование у молодежи гражданской и политической культуры.

Ключевые слова: политическое образование, гражданская культура, политическая культура, гражданское общество.

Актуальность заявленной проблемы обусловлена, прежде всего, ролью, которую может и призвана сыграть молодежь в преобразовании российского общества. Молодежь является одним из важных социальных ресурсов, от мобилизации которого зависит осуществление стратегических проектов развития страны и ее регионов, качество новых политических, экономических, культурных элит, руководителей и работников, непосредственно занятых в различных сферах деятельности. Сегодня численность молодежи России составляет свыше 32 миллионов человек или 22 % общей численности населения. В Республике Крым эта социальная группа насчитывает 560 тысяч юношей и девушек, или четверть от численности населения Крыма.

В последние десятилетия политическому образованию молодежи уделялось крайне мало внимания. Процесс социализации, в том числе и в политическом контексте, протекал достаточно стихийно.

Как известно, в 2015 году закончился срок реализации Федеральной целевой программы «Молодежь России» на 2011–2015 гг. В ней отмечено наличие серьезных проблем социализации современной российской молодежи, требующих незамедлительного решения. Среди них – пассивность и инфантилизм молодого поколения, нежелание и неумение принимать активное участие в судьбе своей страны, низкий уровень вовлеченности молодежи в социальную практику. Доля молодых людей, активно участвующих в жизни общества, составляет менее 7 % от общей численности молодежи. Уровень участия в политической жизни невысок: вовсе не интересуются политикой 45 % юношей и девушек. По данным этого исследования, активная жизненная позиция молодежи проявляется, главным образом, в отношении личного успеха, благосостояния, карьеры, личных прав и интересов. Признание значимости инициативы и активности не распространяется на желание служить обществу, своей стране, на социально ответственную позицию. При этом 70 % студентов видят смысл жизни в том, чтобы получить от нее как можно больше удовольствий, 64 % разделяют мнение о том, что «жизнь – это праздник, нужно взять от нее все, что можно» [5, с. 52–57]. Проводимые социологические опросы студенческой молодежи в вузах Крыма показывают несущественное отличие ценностных ориентаций крымских юношей и девушек от приведенных выше характеристик [10].

Целью статьи является обоснование необходимости повышения роли политического образования молодежи в условиях современного Крыма.

Новизна статьи заключается в авторском формулировании факторов, обуславливающих социальную роль политического образования молодежи в современных условиях.

Роль политического образования как инструмента формирования личности специалиста обосновывается в работах многих как российских (Э. Баталов, О. Гаман-Голутвина, Л. Гозман, Т. Гузенкова, С. Иванова, А. И. Ильин, В. Коваленко, Т. Нигматуллина, Е. Шестопал, А. Соловьев, Л. Тимофеева, А. Щербинин, Н. Щербинина и др.), так и зарубежных ученых – Г. Алмонд, С. Верба, Л. Штраус, М. Оукшот, Дж. Патрик, Дж. Уайльке и др.

Ученые затрагивают различные аспекты рассматриваемой проблемы. Так, Т. Гузенкова, исследуя социокультурное поле постсоветской России, трудности формирования политической культуры, гражданственности молодежи связывает с процессом глобальной культурной вестернизации и доминированием англо-американской цивилизации, универсализации западных ценностей и культурных образцов. В постсоветских обществах возобладали представления о том, что абсолютной ценностью является одна индивидуальная человеческая жизнь, ее потребности, желания и наслаждения. Погоня за престижными формами потребления становится содержанием и в немалой степени смыслом жизни. Формируется потребительский патриотизм по отношению к своей родине [4, с. 20–27]. А. Соловьев, изучая политическую культуру российского общества, приходит к выводу, что основным слоям населения свойственны недопонимание роли представительных органов власти, тяготение к исполнительским функциям с ограниченной индивидуальной ответственностью, незаинтересованность в контроле за властями, склонность к несанкционированным формам политического протеста, предрасположенность к силовым методам разрешения конфликтных ситуаций, невысокая заинтересованность граждан в использовании консенсусных технологий властвования [8, с. 382]. А. Щербинин справедливо подчеркивает, что проблема гражданского, демократического воспитания и образования до сих пор не поставлена в первый ряд важнейших государственных задач, а является уделом энтузиастов – отдельных ученых и педагогов, некоторых общественных и коммерческих организаций, научных коллективов [11, с. 150]. А. Щербинин также отмечает, что в западной политической науке указанная тема считается настолько актуальной, что ее специальным развитием занимается 21-й исследовательский комитет Международной ассоциации политических наук (IPSA). Изучение проблем политического образования университетами и научными институтами, отдельными учеными, федеральными и региональными государственными органами (такими, например, как Федеральный центр по политическому образованию в ФРГ), фондами при партиях и конфессиях, ассоциациями педагогов и ученых позволили развиваться специальной отрасли политической науки – политической дидактике, глубже понять роль политического образования в строительстве и стабилизации политических систем [11, с. 9].

Отметим, что под политическим образованием мы понимаем систему воздействия на индивида или социальную группу с целью получения ими научного политического знания, объективной и целостной картины о политической сфере общества, формирования первичных навыков политического поведения, готовности к действию в соответствии с основными социально-политическими ценностями общества. Необходимо подчеркнуть, что целью политического образования не является превращение каждого человека в политика. Владение совокупностью политических знаний и первичных умений необходимо для подготовки юношей и девушек к выполнению гражданских функций в общественной жизни, к умению самостоятельно ориентироваться в мире политики в качестве активных субъектов политического процесса. Полагаем, есть основание рассматривать политическое

образование как эффективное средство политической социализации, формирования гражданственности, патриотизма, политической культуры юношей и девушек.

Роль политических знаний в механизме формирования указанных выше социальных ценностей определяется, прежде всего, выполняемыми ими (знаниями) функциями. Назовем некоторые из них: образовательная функция – формирование определенных взглядов и убеждений, мировоззренческих ориентаций; ориентационная – усвоенные политические знания помогают ориентироваться в современной сложной, противоречивой политической и социокультурной среде; оценочная или аксиологическая – оценка протекающих в обществе социальных, политических и культурных процессов, а также действий индивидов, социальных групп, политических институтов; мотивационная – задают людям ту или иную направленность мыслей, чувств, помогают сконцентрировать их интеллект, волю для достижения определенных целей; регулятивно-организующая и консолидирующая, т.е. знания выступают как элемент самосознания, самовыражения и самоутверждения, способствуют включению человека в общественно-политическую и социокультурную деятельность; прогнозирующая функция – политические знания помогают прогнозировать развитие общественно-политических процессов, создавать позитивный образ общественного устройства, которое отвечало бы интересам и потребностям многих людей.

Безусловно, функции политических знаний в структуре политического образования личности реализуются не автоматически. Эти функции являются потенциально реализуемыми. Для того, чтобы политические знания выполняли свое предназначение, они должны быть, во-первых, научными, основываться на современных достижениях науки; во-вторых, глубокими, т.е. достаточными для осмысления той или иной проблемы; в-третьих, важно, чтобы приобретенные знания являлись знаниями-убеждениями, были переплетены с другими компонентами духовно психологического мира человека, например волей, чувством долга, ответственностью, гражданским мужеством и т. п.

Необходимость повышения роли политического образования в социальном становлении молодежи Крыма связана с рядом объективных факторов.

Во-первых, интеграция Крыма в социально-экономическое, политическое и духовно-идеологическое пространство России. Интеграция осуществляется на основе Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» и других программ, принятых Государственной Думой и Правительством России. Этот процесс охватывает решение масштабных задач, направленных на гармонизацию конституционного законодательства, формирование и организацию в соответствии с ним деятельности региональной и местной власти, перенастройку всей управленческой системы, осуществление преобразований в промышленности, сельском хозяйстве, дорожном строительстве, туристическом комплексе, образовании, здравоохранении, обеспечение безопасности крымского региона.

Крымское общество претерпевает существенные изменения во всех сферах социального бытия, что не может не отразиться на массовом политическом сознании. Возникают трудности формирования нового менталитета как следствия

адаптации людей к изменяющейся социально-политической, идеологической и духовной реальности. В этих условиях важно своевременно и доступно объяснять протекающие процессы, формировать консенсус по поводу смысложизненных ценностей, то есть не допускать кризиса понимания происходящего. В социально-политическом дискурсе следует также учитывать тот факт, что каждый этнос имеет свой политико-культурный генотип, передающийся из поколения в поколение и обуславливающий взаимодействие индивида с обществом и государством, специфические признаки политического сознания и поведения. Если это игнорировать в деятельности политико-властных структур, образовательных учреждений, то сложно говорить о положительном восприятии и осознанной поддержке молодежью проводимых преобразований в Крыму.

Практика преобразований показывает, что существует острая потребность формирования личности, сочетающей в себе гражданственность и профессионализм. Гражданственность – это готовность и способность человека, гражданина к активному участию в делах общества и государства на основе глубокого осознания своих прав и обязанностей. Понимание гражданственности как совокупности высокоразвитых социально-политических и моральных качеств предусматривает: гражданскую компетентность, гражданскую культуру, зрелость политического и правового сознания; чувство патриотизма, причастности к исторической судьбе своей Родины и ее народа; осознание себя полноправным гражданином своей страны.

Одновременно анкетный опрос студентов первого курса в нашем университете приводит к глубокому убеждению – поступившим в вуз юношам и девушкам явно не хватает политологических знаний, что не позволяет полноценно воспринимать университетские курсы по социально-гуманитарным дисциплинам. У многих слишком узкий круг чтения, примитивные представления о политической сфере общества, крайне слабые знания политической истории России. Многие не знают даже того, что составляет школьную образовательную программу, например права, свободы и обязанности человека и гражданина; сущность государства, устройства государственной власти; суть демократии и демократического правления, избирательных систем; содержание патриотизма и т. д. Юноши и девушки, в особенности младших курсов, не осознают роль политических знаний в своем гражданском и профессиональном становлении, выполнении профессиональных обязанностей по окончании вуза. К сожалению, нередко и окончивший вуз молодой человек, в силу ряда причин, не отличается политической грамотностью. Таким образом, личности выпускника, специалиста часто свойственно рассогласование нравственно-политического развития и профессионализма.

Во-вторых, проблема совершенствования политического образования актуальна и в плане становления гражданского общества как в России в целом, так и в Крыму как субъекте Российской Федерации. Как известно, главный субъект гражданского общества – индивид, гражданин, наделенный всеми социально-политическими полномочиями независимо от его социального положения. Неготовность широких слоев населения к активной политической жизни объясняется, наряду с другими причинами, недостатками и трудностями политической социализации населения, в

том числе и молодежи, в последние 25–30 лет. Появление такого человека, можно сказать, целая духовная революция в жизни общества. Для того чтобы превратить подданных государства в граждан, осознающих свой общественный долг, необходимо не просто наделить их гражданскими правами, но и сформировать в общественном сознании качественно иную систему приоритетов и ценностей. Без соблюдения гражданских законов всеми гражданами, чего у нас нет и в помине, нам можно лишь мечтать о подлинном гражданском обществе, тем более о культуре гражданского общества. Известный философ, специалист по вопросам культуры и эстетики Н. И. Киященко, рассуждая о качествах гражданина, справедливо пишет: «...индивиды гражданского общества равнодушны ко всем проявлениям государственной, общественно-политической и культурной жизни стран, они воспроизводятся как творцы новой культуры, а не только как простые потребители созданных предшествующими поколениями культурных ценностей» [6, с. 65]. То есть гражданское общество нуждается не только в материально обеспеченных людях, но, прежде всего, в людях просвещенных и образованных, способных к самостоятельному мышлению, в том числе к демократическому, политическому дискурсу, конструктивному участию в общественно-политической жизни. Подготовка таких граждан должна стать приоритетной задачей школ, вузов, других государственных и общественных институтов, объединений Крыма.

В-третьих, возрастание роли политического образования связано также со спецификой Крыма как полиэтничного и поликонфессионального субъекта Российской Федерации. С формальной точки зрения в настоящее время в Крыму существует три многочисленные этнические группы – русские, украинцы и крымские татары. В бытовой культуре, менталитете, мировоззренческих ориентациях, языке, духовной культуре, конфессиональной принадлежности русские и украинцы в Крыму представляют собой единое целое. Общность русских и украинцев в политических ориентациях проявляется еще более наглядно. Крымские татары по численности составляют 12,14 % жителей Крыма. Доминирующей в среде интеллигенции крымских татар является идея уникальности своего народа. В плане политических установок относительно вхождения Крыма в Россию до недавнего времени была характерна выжидательная позиция крымских татар. Однако, как отмечают исследователи, к началу 2015 года в их среде все более преобладающими стали если не российские, то уж точно не антироссийские настроения. По опросам и иным данным, среди крымских татар около половины позитивно оценивают исторический факт воссоединения Крыма с Россией [9, С. 5–10].

Приведем некоторые цифры, характеризующие религиозную ситуацию в Крыму. На начало 2014 года, т. е. до перехода Крыма в состав России, на полуострове действовало 1409 религиозных организаций и 774 религиозные группы. Среди всех религиозных организаций две трети представляют православие (более 500 действующих организаций) и ислам (более 400 организаций). Более 20 % от общего количества – протестантские. Кроме того, в Крыму существуют украинская, немецкая, караимские и иудейские общины. Есть на полуострове и представители свидетелей Иеговы, мормонов и Общества сознания Кришны [9, с.

70–75]. Сферу религиозных и межнациональных отношений можно охарактеризовать как в целом стабильную и прогнозируемую. Одновременно не следует идеализировать существующую ситуацию в этой сфере. Властные элиты Крыма должны ориентировать СМИ на поддержание безопасного информационного пространства, способствующего впредь позитивной межэтнической коммуникации и формированию толерантных установок по отношению ко всем этносам Крыма, недопущению радикализма и экстремистских проявлений.

В-четвертых, значение политического образования возрастает в связи с усилением информационной войны, которую ведут против нас политические и идеологические оппоненты. Информационное воздействие становится все более сложным, тонким, дифференцированным. Есть основание говорить о том, что в последние 20–25 лет никогда не было столь насыщенного потока лжи, дезинформации в адрес России и Крыма как ее составной части. И не потому, что в российской общественной системе делается что-то плохо (Недостатков существует немало. О них говорят руководители страны и крымского региона. Недостатки испытывают на себе граждане в процессе повседневной жизнедеятельности.). Но здесь важно подчеркнуть иную причину информационной агрессивности оппонентов. В первую очередь, это обусловлено тем, что, по сравнению с 1990-ми годами, Россия стала заметно крепче, сильнее в экономическом, политическом, военно-техническом отношении, превратилась в крупнейшую и влиятельную державу мира. Россия сегодня, как когда-то Советский Союз, стоит на пути тех, кто стремится сохранить глобальное превосходство и диктовать свою волю, навязывать свои ценности народам других стран.

Объектом информационно-идеологического воздействия является как взрослое население, так и молодежь. Идет борьба за умы, сердца и души людей, юношей и девушек, за идентичность, за то, что находится в головах граждан и определяет их поступки и поведение. Идет борьба за навязывание своей модели видения социального и политического мира, за расстановку акцентов в политической картине мира. Не прекращаются попытки сформировать в Крыму антироссийские настроения путем фальсификации сведений об исторических фактах и искажения трактовки современных событий, поставить под сомнение результаты референдума о присоединении Крыма к Российской Федерации. В процессе избирательной кампании 2016 года по выборам в Государственную Думу России граждане Крыма призываются к неучастию в выборах. Часто предпринимаются попытки принести конфликты, политические интриги на полуостров, вовлечь молодежь в экстремистские, преступно-криминальные группировки, завербовать в международные террористические организации. Информационные воздействия направляются на подрыв государства изнутри, дискредитацию системы ценностей и общественных отношений, разрушение позитивного имиджа страны, Крыма как части России, патриотично действующих государственных деятелей, политиков. Главные удары сетевыми структурами наносятся по когнитивной (в широком смысле слова) сфере, то есть по сознанию и подсознанию индивидов и групп с целью упростить, примитивизировать сознание, максимально стереть историческую память, национально-исторические ценности.

В этих условиях гражданам необходимы соответствующие знания, умения распознавать подлинную суть информационно-подрывной деятельности, осознанно противостоять ей. Различные социальные группы, и в особенности молодежь, должны быть не только объектом информационного воздействия, а и готовыми противостоять лжи, различного рода провокациям, т. е. являться грамотным и активным субъектом общественно-политической жизни. Никакая пропаганда не даст плодов, если ее зерна не лягут в благодатную почву.

Также важно подчеркнуть, что гражданское, политическое взросление не происходит автоматически. Надежда на то, что оно возможно без целенаправленного влияния на этот процесс вузов и других образовательных учреждений – утопична, неосуществима.

Тенденция возрастания значения политического образования студенческой молодежи находится сегодня, на наш взгляд, в противоречии с практикой образовательного процесса в вузах Крыма. Прежде всего, имеется в виду превращение преподавания политологии по сути в факультативный формат, в дисциплину по выбору вуза. Возникает вопрос, кто выбирает? Даже в структурных подразделениях Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского часть руководителей этих подразделений считает, что политические знания будущим специалистам не нужны. Логика рассуждений примерно выражается так – зачем эти знания инженеру, строителю, архитектору, менеджеру сельского хозяйства, тем более врачу? Подобное отношение к политологии, социологии, культурологии наблюдается и в других вузах Крыма, в том числе и севастопольских.

Такая позиция ведет к дальнейшему выхолащиванию гуманитарной составляющей в профессиональной подготовке специалистов, к обеднению предпосылок становления их гражданственности, к нарушению соотношения собственно профессионализма и социально-гуманитарного развития личности. Складывается впечатление, что обществу, в т. ч. крымскому, не нужны люди думающие, критически мыслящие, обладающие аналитическими способностями и широким кругозором. Последствия таких преобразований в сфере образования крымское общество почувствует через 8–10 лет, когда систему государственного управления и местного самоуправления начнут пополнять политически полуграмотные, недоучившиеся люди с дипломами о высшем образовании. В ближайшей перспективе это может стать одной из угроз общественной и политической стабильности и безопасности нашего региона (молодежь содержит не только созидательный потенциал, а и конфликтный, протестный).

Можно прогнозировать и другие негативные последствия исключения политологии из учебного процесса: торможение темпа политологических исследований, развития политической науки в Крыму; замедление процесса обновления кадровой структуры, включая обустройство выпускников-политологов; снижение возможности преподавания политологии в высшей школе. Русский философ и богослов С. Н. Булгаков еще 100 лет назад в статье «Под знаменем университета» говорил: «Ремесленный специалист не должен убивать в себе мыслителя, тоскующего о цельном знании», что в противном случае университет

превращается в политехникум, в административно-бытовой термин, обозначающий место соединения разных специальностей [1, с. 273].

Что можно и нужно предпринять? Представляется, что, прежде всего, политикам, государственной бюрократии, руководителям вузов необходимо осознать специфичность Крыма, существование здесь объективной потребности в повышении роли политического образования молодежи, актуальность усиления гуманитарной составляющей в личности выпускника вуза, значение в ней политических, социологических, культурологических знаний. Обществу не нужны бездушные специалисты. Достойное место в решении этой общественной задачи должна занять политология. В этой связи уместно вспомнить становление политической науки и влияние ее на подготовку кадров в первом российском университете – Московском университете. Уже с момента его создания в 1755 году М. В. Ломоносовым и И. И. Шуваловым в числе первых кафедр была и кафедра политики. Первый систематический курс политики стал читаться в университете с 1764 года. Позже Указом Александра I от 5-го ноября 1804 года в Московском Императорском университете было создано отделение (факультет) нравственных и политических наук. Такое сочетание морали и политики, как пишет известный российский ученый В. И. Коваленко, соответствовало духовному строю российской интеллигенции, всегда отстаивавшей чувства высочайшей гражданственности и ответственности перед страной и народом. И хотя впоследствии имели место многочисленные структурные перестройки, и в николаевское время факультет был закрыт, такие настроения в Московском университете не прерывались, равно как не было прервано и развитие здесь политической мысли, и преподавание политической теории, хотя и в ее превращенных формах [7, с. 651]. Добрые традиции следует помнить и следовать им в жизни. Повторюсь, сегодня в молодом российском Крыму и политикам, и государственной бюрократии, и ученым, и руководителям вузов необходимо осознать потребность повышения роли политического образования молодежи. Перефразируя мысль Президента Российской ассоциации политических наук О. В. Гаман-Голутвиной, скажу, что даже игнорирование властью, чиновниками знания указанной потребности не отменяет его роль и значение, а игнорирование знания вряд ли может способствовать эффективности управления [2, с. 18].

Реализация этой потребности требует корректировки учебных планов, внесения в них политологии в качестве обязательной учебной дисциплины для всех профессиональных направлений. Без освоения хотя бы основных политологических понятий (в объеме 34 аудиторных часов) трудно рассчитывать на формирование в России гражданской культуры и ответственности людей. В содержание учебной дисциплины «Политология», наряду с традиционными темами, целесообразно, на наш взгляд, включить темы: «Политическое сознание и политическая культура современного российского общества», «Региональные этнополитические процессы», «Избирательный процесс в современной России», «Политическое участие и политическая социализация» и другие актуальные проблемы политики. Актуальной задачей является обеспечение современного теоретического, содержательного и методического уровня преподавания политологии.

Преподаватель, читая дисциплину, должен убедить студентов прежде всего содержанием материала, что политология нужна и важна в их гражданском и профессиональном становлении и развитии. В этом выражается одна из составляющих профессионального мастерства преподавателя. В связи с этим приведем мнение одного из слушателей лекций М. Вебера в 1918 году, подчеркивающего блестящие лекции немецкого ученого: «...Это никоим образом не мастерская риторика человека, который вызывает эту притягательную силу, и не примитивный эмпиризм, на котором строится и держится логика изложения, а, прежде всего, это способность пробуждать чувства, дремлющие в душах других людей» [11, с. 260].

Несомненно, требует совершенствования концепция преподавания в школе предмета «Обществознание». Выше отмечалось, что у многих выпускников средних школ отсутствуют даже элементарные политологические знания, что не только обедняет их мировоззрение, а и осложняет работу преподавателей в вузе, так как приходится компенсировать отсутствие этих знаний и сокращать учебное время, отведенное на вузовский курс политологии. Развитию политической грамотности учащихся школ могут способствовать дискуссионные клубы, школьные, районные и республиканские олимпиады по политологической проблематике.

В настоящее время в России организуется деятельность общества «Знание», в рамках которого планируется создать 11 институтов. Одной из актуальных задач Крымской региональной организации этого общества может стать распространение научных знаний о политике среди населения, в том числе молодежи.

Таким образом, политическое образование должно рассматриваться в качестве одного из неотъемлемых звеньев политической социализации молодежи. Оно призвано обеспечить у юношей и девушек формирование целостного мировоззрения, адекватного современному уровню знаний научной картины мира, формирование гражданской и политической зрелости, соответствующей потребностям и задачам развития Крыма.

Политическое образование и вырастающая из него политическая культура является одной из предпосылок блокирования деструктивных, разрушительных тенденций, действий и поддержания созидательных, что особенно значимо для сохранения социального мира, толерантных отношений между различными этносами и конфессиями Крыма.

Реализация на практике социальной потребности в развитии политического образования в Крыму требует осознания этой потребности политической, интеллектуальной и управленческой элитой нашего региона, принятия конкретных мер властными и образовательными учреждениями. Важно, чтобы политические институты и институты гражданского общества, в том числе семья, действовали в единой системе социально-политических ценностей. Обращение субъектов социализации к прямо противоположным смыслообразующим идеям и ценностям приводит к «разорванности» этого процесса и создает существенные трудности и противоречия на пути гражданского, политического взросления юношей и девушек.

Список литературы

1. Булгаков С. Н. Под знаменем университета // Булгаков С. Н. Избранные статьи. Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1993. – С. 273.
2. Гаман-Голутвина О. В. Политическая наука перед вызовами современной политики. К 60-летию САПН / О. В. Гаман-Голутвина // Полис. – 2016. – № 1. – С. 8–28.
3. Гросфельд Е. В., Киселева Н. В., Филатов А. С., Харабуга В. В. Республика Крым. Анализ межэтнических отношений и религиозной ситуации / Е. В. Гросфельд, Н. В. Киселева, А. С. Филатов, В. В. Харабуга // Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крымском федеральном округе. Экспертный доклад 2015 года / Ред. Тишков В. А., Степанов В. В. – Москва – Симферополь: ООО «Антиква», 2015. – С. 11–75.
4. Гузенкова Т. С. Патриотизм, глобализация и национальное государство: взаимодействия и противоречия / Т. С. Гузенкова // Патриотизм как идеология возрождения России: сб. ст. и докл. – М.: РИСИ, 2014. – С. 15 – 28.
5. Зарубина Н. Н. Молодежь в условиях аномии: кто примет ответственность за будущее России / Н. Н. Зарубина // Общественные науки и современность. – 2016. – № 2. – С. 52 – 62.
6. Киященко И. Н. Культура гражданского общества / И. Н. Киященко // Вопросы философии. – 2010. – № 10. – С. 62–66.
7. Коваленко В. И. Политология: к осмыслению национальных интересов России. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2016. – 704 с.
8. Соловьев А. И. Политология: Лексикон / Под ред. А. И. Соловьева. – М.: РОССПЭН, 2007. – 800 с.
9. Филатов А. С. Факторы и тенденции развития этноконфессиональных отношений в Крыму / А. С. Филатов // Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крымском федеральном округе. Экспертный доклад 2015 года / Ред. Тишков В. А., Степанов В. В. – Москва – Симферополь: ООО «Антиква», 2015. – С. 5–10.
10. Хриенко Т. В. Молодежь Крыма о политике и политиках (опыт социологических исследований): монография / Т. В. Хриенко. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2013. – 206 с.
11. Щербинин А. И. Политическое образование. Учебное пособие / А. И. Щербинин. – М.: Весь Мир, 2005. – 288 с.

Kuzmin P.V. The Development of Political Education of the Youth as a Necessity of Social Practices of Modern Crimea // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political Science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 1. – P. 71–82.

In this context, the social need on role enhancement of the political education among youth in the Crimea in the wake of the processes and phenomena is considered. From the perspective of the author, the main ones include: Crimean integration into the socio-economic, political, spiritual and ideological entity of Russia, which requires a harmonious combination of civic culture and professionalism from citizens entering the adult life; development of Crimean civil society, suggesting deliberate meaningful participation in the socio-political life of the entire socium to all its subjects; development of interethnic and interfaith relations based on the principles of the social peace, humanism and tolerance, enrichment of progressive traditions of the Crimean-based; various manifestations of the information war waged against Russia and the Crimea as its integral part. It is shown that in the formation of civic and political culture of young people the role of political knowledge is determined by the features that the knowledge can fulfill. Speaking from the perspective of the author, among these features are: educative, axiological, motivational, regulatory and organizing, prognostic. Based on questionnaire survey's data and the analysis of the students' work during the discussion sessions, it is stated that young men and ladies who entered the University, obviously come short of political knowledge. Many of them have primitive representation about the political sphere of society as well as poor knowledge of Russian political history. Students of freshman classes in particular, are not aware of the role of the political knowledge in their civil and professional development and performance of professional duties after graduation. The author believes that the need to develop the political education among young people requires, first of all, the recognition of

those needs by politicians, government bureaucrats, universities' leadership and the implementation of measures aimed at establishing of civil and political culture among young men and women.

Key words: political education, civic culture, political culture, civil society.

References

1. Bulgakov S. N. Pod znamenem universiteta // Bulgakov S. N. Izbrannyye stat'i. Soch. v 2 t. T. 2. M., 1993. – S. 273.
2. Gaman-Golutvina O. V. Politicheskaya nauka pered vyzovami sovremennoy politiki. K 60-letiyu SAPN / O. V. Gaman-Golutvina // Polis. – 2016. – № 1. – S. 8–28.
3. Grosfel'd Y. V., Kiseleva N. V., Filatov A. S., Kharabuga V. V. Respublika Krym. Analiz mezhetnicheskikh otnosheniy i religioznoy situatsii / Y. V. Grosfel'd, N. V. Kiseleva, A. S. Filatov, V. V. Kharabuga // Mezhetnicheskiye otnosheniya i religioznaya situatsiya v Krymskom federal'nom okruge. 2015 Ekspertnyy doklad goda / Red. Tishkov V. A., Stepanov V. V. – Moskva - Simferopol': OOO «Antikva», 2015. – S. 11–75.
4. Guzenkova T. S. Patriotizm, globalizatsiya i natsional'naya gosudarstvo: vzaimodeystviya i protivorechiya / T. S. Guzenkova // Patriotizm kak ideologiya vrozozhdeniya Rossii: sb. st. i dokl. – M.: RISI, 2014. – S.15 – 28.
5. Zarubina N. N. Molodezh' v usloviyakh anomii: kto primet otvetstvennost' za budushcheye Rossii / N. N. Zarubina // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. – 2016. – №2. – S.52 – 62.
6. Kiyashchenko I. N. Kul'tura grazhdanskogo obshchestva / I. N. Kiyashchenko // Voprosy filosofii. – 2010. – № 10. – S. 62–66.
7. Kovalenko V. I. Politologiya: k osmysleniyu natsional'nykh interesov Rossii. – M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 2016. – 704 s.
8. Solov'yev A. I. Politologiya: Leksikon / Pod red. A. I. Solov'yeva. – M.: ROSSPEN, 2007. – 800 s.
9. Filatov A. S. Faktory i tendentsii razvitiya etnokonfessional'nykh otnosheniy v Krymu / Filatov // Mezhetnicheskiye otnosheniya i religioznaya situatsiya v Krymskom federal'nom okruge. 2015 Ekspertnyy doklad goda / Red. Tishkov V. A., Stepanov V. V. – Moskva - Simferopol': OOO «Antikva», 2015. – S. 5–10.
10. Khriyenko T. V. Molodezh' Kryma o politike i politikakh (opyt sotsiologicheskikh issledovaniy): monografiya / T. V. Khriyenko. – Simferopol': IT «Arial», 2013. – 206 s.
11. Shcherbinin A. I. Politicheskoye obrazovaniye. Uchebnoye posobiye / A. I. Shcherbinin. – M.: Ves' Mir, 2005. – 288 s.

УДК 32 (161.2) – 029:2

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЕ В ПРОЦЕССЕ ОБОСОБЛЕНИЯ УКРАИНСКОГО ЭТНОСА: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Ляпушкин Е. А.

Акторы международных отношений осуществляют свои интересы с помощью самого широкого спектра политических технологий, которые формируются вместе с возникновением общества. С целью ясного и глубокого понимания их значения в достижении политического, экономического и культурного господства того или иного актора следует обратиться к истории вопроса. В данной статье рассматривается роль политических технологий в религиозной сфере при формировании предпосылок обособления украинского этноса от общей, древнерусской народности (или этнической общности восточных славян) в исторической ретроспективе. Обозначена роль религии в средневековой политике и ментальности. В частности, проанализированы три политических технологии, которые использовались заинтересованными субъектами в рамках религиозной сферы для реализации своей воли. Она выражалась в перераспределении властных отношений в восточноевропейском регионе в пользу доминирующих политических институтов с помощью вышеуказанных технологий. Данная проблематика несомненно актуальна в свете последних событий на Украине (государственный переворот 2014 г. и его последствия для страны и международных отношений), которые непосредственно связаны с борьбой за региональное господство. Ретроспективный анализ призван помочь адекватной оценке этих и многих других событий украинской истории. Выдвинуто предположение о том, что именно внешние факторы, связанные с целенаправленными изменениями в духовной сфере, определили исходные пункты в отделении украинского этноса от древнерусского.

Ключевые слова: политическая технология, религия, украинский этнос, Великое княжество Литовское, римская курия, Польша.

Цель данной статьи – показать, какую роль сыграли политические технологии в обособлении украинской этнической общности от восточнославянской, которая впервые дала о себе знать с притязанием на определенную самобытность во время национально-освободительной войны против Речи Посполитой (1648–1657 гг.). То есть когда украинский этнос впервые попытался серьезно нарушить монополию на

власть доминирующих над ним институтов – иностранного государства и церкви. Тем самым он заявил о своих интересах и стал субъектом политики. Цель исследования определяет соответствующие задачи: 1) определить этапы в предпосылках обособления украинского этноса от древнерусской народности и соотнести их (этапы) с практикой использования политических технологий, 2) выделить субъекты, которые применяли политические технологии, стратегические и тактические цели которых исходили из стремления реализации своих политических интересов.

Новизна работы заключается в обнаружении причин обособления украинского этноса от древнерусской народности, которые стали следствием политической борьбы за перераспределение властных отношений в целях регионального господства со стороны ряда заинтересованных субъектов.

По утверждению политолога М. Ю. Зеленкова, «политические технологии представляют собой совокупность последовательно применяемых процедур, приемов и способов деятельности на политический процесс, направленных на наиболее оптимальную и эффективную реализацию целей и задач конкретного субъекта политики в определенное время и в определенном месте. Структуру политических технологий образуют три основных элемента – технологическое знание, сочетающее научно-прикладное знание политических проблем с их оценкой; приемы и методики воздействия; техническое и ресурсное обеспечение» [7, с. 283].

Исследователь А. И. Соловьев дополняет, что «политические технологии как совокупность приемов и процедур целенаправленной деятельности не только упорядочивают средства достижения цели, но и закрепляют очередность действий, выработку соответствующих алгоритмов поведения субъекта. Именно алгоритмы вычленяют и закрепляют наиболее оптимальные и эффективные способы решения той или иной задачи, а также дают возможность передавать и тиражировать обретенный опыт» [14, с. 285–286].

Выбор нами именно такой сферы не случаен. Дело в том, что религия в Средние века играла очень важную роль в жизни общества и государства. Человек того времени отождествлял себя со своей церковью и с беспрекословной верой в ее нерушимые догматы, и поэтому конфессия была цементирующим фактором этноса, играла определяющую роль в его самосознании. Соответственно тот, кто хотел осуществлять политические интересы, должен был уметь использовать религию для их достижения.

Касательно изучения украинского этноса, стоит сразу определить, что термины «украинцы» и «Украина» в контексте XIII–XVII в. являются условными: тогдашнее население нынешней Украины, Беларуси и России осознавали себя вместе, как «русины». Этот этноним держался до первой половины XVIII в. на Левобережной Украине, а на Правобережье и Западной Украине – до второй половины XIX – начала XX вв.

Топоним «Украина» (без какой-либо этнической окраски) появляется в конце XVII в. для обозначения окраинных территорий Брацлавского и Киевского воеводств Речи Посполитой. Непосредственно территории современной Украины

(кроме Буковины, Закарпатья и причерноморского побережья) и Беларуси назывались в источниках того периода «Русью» [2, с. 16]. Поэтому более корректным термином для обозначения нынешних территорий Украины в рассматриваемый период является «Юго-Западная Русь» [11, с. 14].

В 1240 г. столица Киевской Руси – город Киев пал под ударами монголо-татарского нашествия, а само государство (к тому времени раздробленное на удельные княжества) в ходе завоевания становится вассальной частью Монгольской империи. Некогда единое и сильное государство восточных славян прекращает свое существование. В последующий период их исторический путь условно можно поделить на западный (украинский и белорусский) и восточный (русский). Именно первый находится в тематическом поле нашего исследования.

В начале XIII в. возникают первые объединения литовских племен, которые начинают беспокоить своими набегами западнорусские земли, в частности Галицко-Волынское княжество, которое после падения Киева стало претендовать на роль объединителя Руси. Однако с Запада и литовцам, и русинам угрожала колонизация со стороны немецких крестоносцев в лице Тевтонского и Ливонского орденов под эгидой папского престола [4, с. 134]. В условиях такого натиска в 30-е годы XIII в. происходит консолидация литовских князей в виде образования Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ), которое начинает наращивать мощь за счет восточной экспансии на деморализованную монголо-татарами Русь.

Однако угроза со стороны Ордена объединяла Литву с Галицко-Волынским княжеством. Чтобы не допустить подобного союза, Орден прилагает усилия к разъединению сил в регионе и одновременно воюет с ними. Это вынудило язычника Миндовга принять католицизм и корону от покровителя крестоносцев папы римского (в 1260 г. отказывается) с целью защитить западные рубежи для дальнейшей экспансии на Русь. А в 1254 году галицкий князь Даниил Романович коронуется папой, однако отказывается от религиозной унии с Римом, мотивируя этот тем, что папская курия не спешила ему помочь в борьбе с монголо-татарами, как обещала. Первая попытка «унии церквей» провалилась [12, с. 8–10].

Впервые призыв к унии (союзу христиан) прозвучал на IV Латеранском соборе (1215). На деле, такой «союз» означал ассимиляцию православия на основе католицизма. Так, в 1232 году курия впервые называет русских «врагами католической веры» и «неверными». А в 1257 году папа Александр IV издал специальную грамоту, согласно которой всем рыцарям-крестоносцам, воевавшим «против руссов», отпускались все грехи [15, с. 230].

Следовательно, за немецкими крестоносцами стояла мощная сила – Римская курия, влиятельнейший актор в Европе. Ее цель заключалась в распространении католицизма – как мирными способами, так и военными [6, с. 56] – в целях максимальной концентрации властных полномочий в Европе через свои институты (церковь). И уния как раз выступала способом тиражировать удачный опыт для достижения поставленной цели. Дальнейшие этапы данной технологии касательно украинского этноса выразятся в виде таких вех, как создание Галицкого архиепископства (1349), Брестская уния (1596). Исходя из масштабной цели христианизации всей Европы, то есть достижения полной власти над ней, папство

ставило локальные, тактические задачи. Как раз одна из них и относилась к населению Руси, и осуществлялась через сочетание «мягкой силы» (уния для православных и крещение для язычников) и «жесткой» (Орден). Таким образом, мы видим первую политическую технологию, субъектом которой выступила римская курия. Однако, как видим, первая попытка была неудачной и, соответственно, не оказала какого-то влияния на обособление украинского этноса. Но следующие усилия окажутся более удачными.

Второй политической технологией можно назвать перенос центра древнерусской православной церкви, когда митрополит Максим переезжает из Киева во Владимир-на-Клязьме в 1300 году [2, с. 16]. Этот шаг имел большие последствия, которые привели к окончательному падению Киева как политического центра Руси и образованию новой, галицкой митрополии в Галицко-Волынском королевстве в 1303 году (однако через сорок лет была отменена указом константинопольского патриарха). Одновременно появляется представление о существовании «Малой Руси», тождественной Галицко-Волынскому государству. Этот топоним был введен константинопольским патриархом для разграничения двух митрополий Руси [10, с. 80]. Своим отъездом из Киева Максим фактически положил начало деструктивным процессам в отношении единства Православной церкви, которые через полтора столетия увенчались окончательным формированием двух параллельных митрополий на территории бывшей Киевской Руси [11, с. 24–27].

Такое решение было обусловлено лояльностью митрополита и православной церкви к золотоордынским правителям, и, похоже, переезд был совершен с их позволения. И не удивительно, ведь церковь имела право неприкосновенности и освобождения от всех налогов на территории Золотой Орды [2, с. 16]. Сразу после прибытия во Владимир митрополит совершает поездку к хану. А в 1325 г. митрополит переезжает окончательно в Москву по приглашению тамошнего князя Ивана Калиты, который активно присоединял удельные русские княжества к Московскому. Наличие центра русской православной церкви непосредственно в Москве придавало городу статус политического центра Руси, претендующего на объединение бывшей Киевской Руси вокруг себя. Таким образом, субъектом данной политической технологии выступила Москва под покровительством Золотой Орды. Она удачно смогла использовать религиозный фактор для реализации своих политических интересов, а именно: достижения полной лояльности со стороны Орды и легитимизации права на собирание всех русских земель, в том числе входящих в состав ВКЛ [10, с. 79–81].

Литва также претендовала на наследие всей Киевской Руси. Возник серьезный конфликт вокруг перераспределения власти над бывшим древнерусским государством между Москвой и Вильнюсом (столица ВКЛ). Важно отметить, что к середине XIII в. большую часть территории Литвы (9/10) составляли русские земли, а сама литовская элита быстро попадала под культурное влияние своих подданных в силу того, что православная культура, в отличие от языческой, литовской, имела свои институты и письменную традицию. Неудивительно, что в канцелярии правителей ВКЛ доминировал русинский язык, а не литовский [12, с. 13]. Поэтому

центральной власти не оставалось ничего иного, как считаться с местным обществом, в частности признать за ним определенную автономию. Общество же проявляло заинтересованность в сотрудничестве с великокняжеской властью в целях общей борьбы против монголо-татар. Таким образом, Литва признавала и даже отчасти перенимала политическую культуру Руси на свои государственные механизмы [9, с. 77].

Соответственно, Литва не имела больших ресурсов для унификации государства. Поэтому Литва проводила соответствующую политику в рамках имеющегося у нее ресурса для удержания власти над обширными землями Юго-Западной Руси. Это выражалось в виде применения политических технологий сразу трех видов – прямого назначения (смена князей в русских владениях на литовских наместников), династических браков (нередко насильственных) [12, с. 11] и собственно религиозного.

Так, литовский князь Гедимин, который первым стал именоваться «королем литвинов и русинов» (1325–1341), стремился полностью разорвать церковно-иерархическую связь между подвластными ему русскими землями, которые он присоединил к Литве, и остальной частью Руси путем попытки рукоположить митрополита Галицкого и Литовского с центром в Новогрудке и таким образом ограничить претензии Московского княжества на русские княжества, подчеркнуть статус Литвы как объединителя Руси. Так, мы видим, что вокруг конфликта осуществления политической воли разыгрывалась религиозная карта – субъект стремится закрепить власть над русскими землями с помощью наличия у себя религиозного (православного) центра.

Официально получить благословение можно было только от Константинопольского патриарха. Однако митрополиты игнорировали это правило. Одновременно киевский митрополит, находясь в Москве, пресекал попытки создания литовской митрополии. В результате каждый митрополит проводил собственную политику. А в 1458 г. без санкции константинопольского патриарха (из-за его сближения с папской курией) в Москве местный собор рукоположил митрополита Иону, тем самым заложив основы для создания в будущем собственной патриархии. Это привело к тому, что Киевская митрополия была разделена на две части (соответственно с центрами в Москве и Новогрудке), причем глава каждой из них носил титул митрополита Киевского и Всея Руси [2, с. 21–22]. Устремления литовских князей, наконец, возымели успех.

Этот православный раскол стал третьей политической технологией, субъектами которой выступила Литва и отчасти Москва, ведь ее действия по избранию своего митрополита без санкции Вселенской Патриархии оказались на руку литовским властям, которые аналогичным способом выбрали своего. Данная технология вкупе с предыдущей (перенос митрополии в Москву) заложила основы для обособления украинского этноса в ВКЛ в силу наличия собственного, православного центра в рамках общего, литовского пространства. То есть технологии по достижению политического господства косвенно (но не прямо) влияли на складывание предпосылок в выделении украинской народности.

Кроме папской курии, Литвы и Москвы был и четвертый субъект политических технологий, который оказал, пожалуй, наиболее сильное воздействие на формирование украинского этноса, – Польское королевство. В 1349 г. польский король Казимир покоряет Галицко-Волинское государство, которое в 1352 г. делит с литовскими князьями на две части – Галиция закрепляется за Польшей, а Волинь – за Литвой. Для насильственного обращения местного населения в католичество создается Галицкое архиепископство [8, с. 46]. Поляки, в отличие от литовцев, имели в распоряжении больше ресурсов и, соответственно, предпочли в качестве достижения полной власти над регионом «жесткую силу» [13, с. 35]. Изначально польское правительство под влиянием Римской курии стремилось заменить православные епархии католическими, затем были предприняты попытки реализовать унию церквей (в конце XIV в.), но после ряда неудач польские власти надолго отказываются от идеи унии [3, с. 285–296].

Для Польского королевства это была выгодная политическая технология, с одной стороны, она гарантировала монорелигиозный характер государства, что облегчало осуществление воли польской элиты. И с другой стороны, она раскалывала Русь по религиозному признаку, что, естественно, ослабляло ее, а значит, гарантировало дальнейшее продвижение поляков на Русь.

В 1385 году Литва, ослабленная постоянной борьбой с Тевтонский орденом и страхом перед подъемом Москвы, заключает с Польшей Кревскую унию, которая должна была соединить два государства с помощью династического брака князя Ягайло и польской королевы Ядвиги, с одной стороны, и переходом в католицизм всей литовской элиты – с другой. Постоянные споры вокруг территориального устройства так и оставили единое государство на бумаге [4, с. 134–138]. Зато благодаря переходу политической элиты ВКЛ в католицизм православные подданные потеряли свое цивилизационное преимущество. Литовские князья активно начинают создавать в государстве сеть католических институтов, но вместе с тем, как упоминалось выше, стремятся создать собственную, православную митрополию. Поэтому насильственного насаждения католицизма, как в Галиции, не было. Однако политическая культура Руси стала испытывать влияние сословно-представительной монархии, которую стала перенимать Литва с Польши. Особенно в этом была заинтересована польская элита [12, с. 13].

И только в 1569 году окончательно ослабленное ВКЛ заключает с Польшей Люблинскую унию, согласно которой оно входит в состав Короны на правах федерации, однако все украинские земли (Волинь, Брацлавщина и Киевщина) инкорпорируются в состав Польши. Новое государство стало называться Речь Посполитая. Для инкорпорированной территории украинских земель Польша использовала технологии сразу трех видов – полонизации элиты, прямого назначения сверху своих наместников и третий вид – насильственное насаждение своей религии по галицийскому сценарию [3, с. 15]. Таким образом, в отличие от литовских князей, польские короли проводили открытую колонизаторскую политику по отношению к новоприобретенным украинским землям [13, с. 24].

В конце концов, Польша снова склоняется с подачи Рима к идее унии. К тому времени прошлые усилия папства успели закрепить определенный алгоритм.

Данная уния предполагала присоединение той части канонической территории Православной церкви, которая находилась на украинских и белорусских землях, к Католической церкви. Уния состоялась в 1596 г. в г. Бресте. Казалось, вековые устремления римских понтификов к «союзу» церквей Руси и Рима увенчались успехом. Однако параллельно в этом же городе состоялся православный собор, который проклял унию и всех, кто согласился с ней. Вместо создания одной церкви появилась еще одна – греко-католическая (или униатская). Широкие круги православного населения воспротивились унии [5, с. 6–8, 18–19].

Данная политическая технология была вехой в развитии уже упомянутой первой технологии римской курии по расширению своего влияния, начатой еще в середине XIII века в Галицко-Волынском княжестве. Но для Польши данная политическая технология являлась тактической целью, решая единую стратегическую задачу – колонизацию украинских земель как выражение политических интересов польских монархов в достижении регионального господства в Восточной Европе. Единая церковь теснее бы связала украинские земли с Речью Посполитой и сняла бы пасторские претензии московского царя на них. В свое время к этому же стремились литовские князья, но не путем религиозной унии, а созданием своей православной митрополии. Украинский этнос, исходя из целей колонизаторской политики Короны, оказался под угрозой ассимиляции со стороны польского. Именно внешняя угроза окончательно сложила предпосылки для обособления украинского этноса. В середине XVII в. политический процесс в регионе сильно поменялся в силу того, что украинской этнос впервые заявил о своем праве на политические интересы через войну с польскими колонизаторами. Таким образом, у рассматриваемой политической технологии было сразу два субъекта, которые одинаково были заинтересованы в ее результатах, – Польша и римская курия.

Итак, работа пролила свет на предпосылки обособления украинского этноса. Мы показали, что в рассматриваемый период (1240–1648 гг.) главным фактором обособления стали три политические технологии. Первая проводилась со стороны римской курии, которая ставила своей целью получения полной власти в Европе через религиозные институты путем распространения католицизма. Из нее выходила тактическая задача – борьба с восточными славянами, которая решалась через посредников – таковыми были немецкие крестоносцы, а затем Польское королевство. Вторая была применена Московским княжеством в качестве переноса православной митрополии из Киева в Москву, с целью закрепления монополии на право присоединения всех бывших земель Киевской Руси, в том числе и тех, которые попали под власть других государств. Великое княжество Литовское использовало третью политическую технологию. Она свелась к созданию собственной митрополии в Новогрудке с той же целью, которую преследовало Московское княжество, – перераспределение власти над русскими землями в свою пользу. Из-за напряженного политического процесса в регионе и технологий, которые применялись в целях закрепления определенных действий для оптимального достижения цели, стала выделяться украинская народность на землях ВКЛ, а окончательно сложилась в Речи Посполитой. Ей сопутствовали, с одной

стороны, религиозный фактор, с другой – сохранение, а затем преобразование политической культуры Руси под влиянием сословно-представительской монархии Польши.

Таким образом, римская курия, Польское королевство, Великое княжество Литовское и Московское княжество использовали религиозный фактор в своих политических технологиях как методику воздействия на «серое» пространство (бывшие земли Киевской Руси, которые находились между Москвой, Литвой и Польшей, а затем и на те, которые вошли в их состав), за которое они боролись с одной и той же целью – установить свою власть над ним в рамках имевшихся у них возможностей (ресурсов) и знаний.

В конце концов, такая политическая борьба за региональное господство привела к формированию предпосылок к обособлению украинского этноса от общности восточных славян, так как он периодически подвергался колебаниям религиозного маятника. И если в составе Литвы это было мягкое влияние в виде «собственной», православной митрополии, то в Польше такой порядок сменился насильственным насаждением католицизма с подачи римской курии, который увенчался национально-освободительной войной украинского народа против польского гнета, в ходе которой он впервые заявил о себе как об отдельном этносе «русины», и создавший собственное государство – Гетманщину. Дальнейший переход Гетманщины в состав Русского царства выявил различия в политических культурах украинского и русского этносов.

Список литературы

1. Балушок В. Українська шляхта між польським та українським етносами / В. Балушок // Народна творчість та етнографія. – К., 2007. – № 6. – С. 11–20.
2. Бережная Л. А. Западные окраины Российской империи / Л. А. Бережная, О. В. Будницкий, М. Д. Долбилев. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 608 с.
3. Грушевський М. С. Історія України-Руси: в 11 т. Т. V. / М. С. Грушевський. – К.: Наукова думка, 1994. – 704 с.
4. Дейвіс Н. Боже ігрище: історія Польщі / Н. Дейвіс. – К.: Основи, 2008. – 1080 с.
5. Дмитриев М. В. Религиозные войны в Речи Посполитой? К вопросу о последствиях брестской унии 1596 г. / М. В. Дмитриев // Петербургские, славянские и балканские исследования. – 2008. – № 1 (3). – С. 6–8, 18–19.
6. Довнар-Запольский М. В. История Белоруссии / М. В. Довнар-Запольский. – 2-е изд. – Минск: Беларусь, 2005. – 680 с.
7. Зеленков М. Ю. Политология (базовый курс) / М. Ю. Зеленков. – М.: Юридический институт МИИТа, 2009. – 302 с.
8. Михайловський В. М. Правління Коріатовичів на Поділлі (1340-ві – 1394 рр.): Соціальна структура князівського оточення / В. М. Михайловський // Український історичний журнал. – К., 2009. – № 5. – С. 34–47.
9. Полехов С. Власть в Полоцке в XIV – первой половине XV в. Из истории взаимоотношений центра и региона в Великом княжестве Литовском / С. Полехов // Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського. – К.: Інститут історії України НАНУ, 2015. – Т. III. – С. 44–79.
10. Речкалов А. П. Русь: путь к Украине. Украинские земли в составе Польши и Литвы / А. П. Речкалов. – К.: Книга, 2014. – Кн. 1. – 568 с.
11. Русина О. В. Україна під татарами і Литвою / О. В. Русина. – К.: Альтернативи, 1998. – 320 с.
12. Русина О. В. Україна: литовська доба 1320–1569 / О. В. Русина, І. Сварник, Л. Войтович. – К.: Балтія-Друк, 2008. – 176 с.

13. Смолій В. А. Українська національна революція XVII ст. (1648–1676 pp.) / В. А. Смолій, В. С. Степанков. – К.: Альтернативи, 1999. – 352 с.
14. Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов / А. И. Соловьев. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 559 с.
15. Филонов В. И. Попытки католической церкви преодолеть раскол с православием в период с XII по XIV вв. / В. И. Филонов // Среднерусский вестник общественных наук. – М., 2015. – № 2 (38). – С. 230–236.

Lapushkin E.A. Political Technologies in the Religious Sphere in the Process of Detachment of Ukrainian Ethnos: Historical Retrospective // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political Science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 1. – P. 83–92.

The participants of international relations fulfill their interests with help of a fairly large spectrum of political technologies, which are formed as the society itself arises. In order to clearly understand their role in one or another participants' political, economic and cultural dominance it is necessary to take a look at the history of the issue. The present article is dedicated to the retrospective analysis of political technologies and their role in the formation of presuppositions for the detachment of Ukrainian ethnos from a common Ancient Slavic one in the religious sphere. The problem of role of religion in mediaeval politics and mentality are stated. In particular, three political technologies used by the interested subjects to implement their will, are analyzed. It's expressed in the redistribution of power relations in the Eastern European region in favor of the dominant subjects using the above technologies. The topicality of the present work is beyond doubt in the light of the eater political events in Ukraine (the coup of 2014 and its consequences), which are directly connected with the struggle for regional dominance. Retrospective analysis serves to an adequate comprehension of these and some other events of Ukrainian history. A brief survey of political technologies is given in the present article as well. The hypothesis that outer factors were the crucial ones to determine the described detachment is put forward.

Key words: political technology, religion, Ukrainian ethnos, the Roman Curia, Grand Duchy of Lithuanian, Poland.

References

1. Balushok V. Ukrains'ka shlyakhta mizh pol'skim ta ukrains'kim yetnosami / V. Balushok // Narodna tvorchišt' ta yetnografiya. – K., 2007. – № 6. – S. 11–20.
2. Berezhnaya L.A. Zapadnyye okrainy Rossiyskoy imperii / L.A. Berezhnaya, O.V. Budnitskiy, M.D. Dolbilov. – M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2006. – 608 s.
3. Grushevs'kiy M.S. Istoriya Ukraini-Rusi: v 11 t. T. V. / M.S. Grushevs'kiy. – K.: Naukova dumka, 1994. – 704 s.
4. Deyvis N. Bozhe igrishche: istoriya Pol'shchi / N. Deyvis. – K.: Osnovi, 2008. – 1080 s.
5. Dmitriyev M.V. Religioznyye voyny v Rechi Pospolitoj? K voprosu o posledstviyakh brestskoy unii 1596 g. / M.V. // Peterburgskiye Dmitriyev, slavyanskiye i balkanskiye issledovaniya. – 2008. – № 1 (3). – S. 6–8, 18–19.
6. Dovnar-Zapol'skiy M.V. Istoriya Belorussii / M.V. Dovnar-Zapol'skiy. – 2-ye izd. – Minsk: Belarus', 2005. – 680 s.
7. Zelenkov M.YU. Politologiya (bazovyy kurs) / M.YU. Zelenkov. – M.: Yuridicheskyy institut MIITa, 2009. – 302 s.
8. Mikhaylovs'kiy V.M. Pravlínnya Koriátovichiv na Podillí (1340-ví – 1394 rr.): Sotsíal'na struktura knyazivs'kogo otochennya / V.M.Mikhaylovs'kiy // Ukraíns'kiy istorichniy zhurnal. – K., 2009. – № 5. – S. 34–47.
9. Polekhov S. Vlast' v Polotske v XIV - pervoy polovine XV v. iz istorii vzaimootnosheniy tsentra i regiona v Velikom knyazhestve Litovskom / S. Polekhov // Ukraina Lithuania: studii z istorii Velikogo knyazivstva Litovsk'kogo. – K.: Ínstitut istorii Ukraini NANU, 2015. – T. ÍÍÍ. – S. 44–79.

10. Rechkalov A. P. Rus': put' k Ukraine. Ukrainskiye zemli v sostave Pol'shi i Litvy / A.P. Rechkalov. – K. : Kniga, 2014. – Kn.1. – 568 s.
11. Rusina O. V. Ukraina pid tatarami i Litvoyu / O.V. Rusina. – K. : Al'ternativi, 1998. – 320 s.
12. Rusina O. V. Ukraina: litovs'ka doba 1320–1569 / O.V. Rusina, Í. Svarnik, L. Voytovich. – K: Baltiya-Druk, 2008. – 176 s.
13. Smoliy V. A. Ukrains'ka natsional'na revolyutsiya XVII st. (1648–1676 rr.) / V. A. Smoliy, V. S. Stepankov. – K. : Al'ternativi, 1999. – 352 s.
14. Solov'yev A. I. Politologiya: Politicheskaya teoriya, politicheskiye tekhnologii: Uchebnik dlya studentov vuzov / A.I. Solov'yev. – M. : Aspekt Press, 2000. – 559 s.
15. Filonov V. I. Popytki katolicheskoy tserkvi preodolet' raskol s pravoslaviyem v period s XII po XIV vekov / V. I. Filonov // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – M., 2015. – № 2 (38). – S. 230–236.

УДК: 339.19 : 326.000.32

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ В ГЛОБАЛИЗИРОВАННОМ МИРЕ

Губанова Е. В.

Глобализация модифицирует и качественно, и количественно организованную преступность, порождая новые формы и увеличивая размер последствий. Глобализация преступности в настоящее время ставится в один ряд с проблемами глобального потепления и распространения оружия массового поражения. Обострилась и проблема торговли людьми как многогранной угрозы, включающей политическое измерение в различных аспектах. В статье освещены политические аспекты торговли людьми как глобальной проблемы. Торговля людьми рассматривается как масштабная проблема, затрагивающая властные отношения на национальном и международном уровнях, как противостояние нормам национального и международного права, как фактор воздействия на специфику развития и политическую ситуацию в отдельных странах и целых регионах, как концентрация финансовых ресурсов организованной преступности, международного терроризма, как детерминанта отрицательных демографических ситуаций, масштабной коррупции и безопасности граждан многих государств.

Ключевые слова: глобализация, глобальная проблема, торговля людьми, рабство, организованная преступность.

Торговля людьми представляет собой современную форму рабства, грубо нарушающую права человека и являющуюся преступлением как против личности, так и против государства. Исследователи и представители общественно-политических кругов солидарны в том, что уровень торговли людьми достиг глобальных масштабов. Президент Евразийской платформы гражданских инициатив (ЕПГИ) А. Аллахверанов, например, подчеркивает: «...Торговля людьми (траффикинг) в современном мире приобрела такой размах, что для борьбы с ней недостаточным оказываются усилия не только одного или нескольких общественных и транснациональных организаций, но и всей страны, даже если она обладает политической и экономической мощью... Сегодня траффикинг, будучи конкретным видом криминальной деятельности, давно вышел за пределы отдельных

государств и занял одну из ведущих позиций в транснациональной преступности» [1].

Глобальные проблемы, представляющие собой явление, имманентно присущее глобализации, особенно обострились в связи с началом мирового финансового и экономического кризиса, начавшегося в 2008 году, который многими специалистами обоснованно расценивается в более широком контексте как кризис неолиберальной модели глобализации и даже современного капитализма в целом. «Ставшая мировой экономической турбулентность, с тех пор, как США смогли заставить мир “купить свой кризис”, как правило, рассматривается как продолжение распада лопнувшего “пузыря недвижимости” в Соединенных Штатах, – отмечает, например,

С.З. Гафуров. – Такого понимания, однако, недостаточно, ибо и само надувание этого пузыря, и его разрыв – это эпизоды более глубокого структурного кризиса современного капитализма, связанного с явлением “новой глобализации”» [2].

В этих условиях трансформации глобальных процессов и сегментирования мирового пространства на крупные политико-экономические блоки актуализируется поиск средств противодействия торговле людьми, представляющей собой один из наиболее жестоких и циничных видов организованной преступной деятельности, направленной против Человека. Торговля людьми – это многогранная угроза, включающая и политическое измерение, исследование которого не в полной мере нашло отражение в научной литературе.

Цель настоящей статьи заключается в выделении политических аспектов торговли людьми как глобальной проблемы, что позволит в перспективе определить и имплементировать комплекс политических мер для борьбы с ней.

Политическое измерение торговли людьми проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, торговля людьми выступает как масштабная проблема, касающаяся многомиллионных масс людей и, соответственно, затрагивающая властные отношения на национальном и международном уровнях. В этой связи, например, в материалах XX Конгресса ООН, проходившего в апреле 2000 года и посвященного проблемам преступности, отмечалось, что торговля людьми в мире имеет выраженную тенденцию к росту. Если за четыре века «классического» рабства показатели торговли людьми не превысили 12 миллионов человек, то за последние 30 лет только в Азии было продано в рабство не менее 30 миллионов женщин и детей. По данным ООН, сейчас в мире в рабстве находится примерно 27 миллионов людей, и это количество рабов не только не уменьшается, но непрерывно растет. В Законе США о защите жертв торговли людьми и насилия (2000 года) отмечается, что «по меньшей мере 700 000 людей ежегодно, преимущественно женщин и детей, продаются в рабство внутри стран или с пересечением международных границ» [3]. В 2005 году ООН пришла к выводу, что каждый год в рабство попадают около 700 тыс. человек. Госдепартамент США годом позже назвал схожую цифру – от 600 до 800 тыс. человек. Организация Human Rights Watch считает, что реальное число ежегодно продаваемых в рабство людей достигает 800–900 тыс. человек. По оценкам Центра безопасности человека при университете Саймона Фрэнзера в Ванкувере (Канада), ежегодно в рабство продается до 4 млн человек.

Международная организация труда в 2006 году опубликовала доклад, согласно которому принудительным (то есть фактически рабским) трудом в мире занимаются 12,3 млн человек. Есть еще более шокирующие оценки: эксперты организации Anti-Slavery утверждают, что в современном мире насчитывается до 200 млн рабов. По оценкам ООН, данным в докладе «Торговля людьми: глобальные закономерности», опубликованном в 2006 году, людей продают в рабство в 127-ми странах мира, в 137-ми государствах эксплуатируются иностранные жертвы торговцев людьми [4].

Точные объемы торговли людьми сегодня достоверно не известны, но все источники оперируют очень значительными цифрами. Такое положение дел определяет задачу формирования достоверной статистической базы жертв траффинга, решение которой затрудняется такими обстоятельствами, как различия в методологии подсчетов, угрозы со стороны торговцев людьми и другие факторы, сдерживающие лиц, пострадавших от траффинга и эксплуатации от обращений за помощью к официальным властям.

Во-вторых, торговля людьми бросает вопиющий вызов всем нормам национального и международного права и ставит под сомнение политико-юридические основы существования современной международной системы. Так торговля людьми противоречит основным положениям Всеобщей декларации прав человека, принятой резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [5].

Международный пакт о гражданских и политических правах в статье 8-й говорит, что никого не смеют держать в рабстве, рабство всех видов и торговля рабами запрещены. Подобные положения содержатся и в других международных договорах: Европейской конвенции прав человека, Конвенции о рабстве, Дополнительной Конвенции об упразднении рабства, работорговли и институтов, обычаев, сходных с рабством, Конвенции о правах ребенка, Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [6; 7; 8; 9; 10; 11].

В-третьих, «классическое рабство» и современное «неорабовладение» оказывали и оказывают фундаментальное воздействие на специфику развития и политическую ситуацию в отдельных странах и целых регионах, на их государственно-политические институты, всю систему социальных отношений в различных обществах, актуализируя вопросы исторических основ их формирования и современной самоидентификации. В этой связи нет сомнений в том, что в результате работорговли была уничтожена значительная часть языков, культур и религий миллионов поработанных африканцев. Перемещение огромного числа людей из Африки подорвало экономику черного континента и, как полагают некоторые ученые, поставило Африку в постоянно невыгодное положение, по сравнению с другими частями мира, что способствовало формированию искаженного восприятия африканцев в мире, оставив в качестве наследия расизм и стереотипное восприятие африканцев как неполноценных людей [12]. Такое положение дел в современных условиях порождает и «обратные» тенденции. Так, например, в 1990 году африканские государства впервые приняли декларацию, в которой выдвигались требования о том, чтобы государства Европы и Америки, а

также компании, которые нажились на работорговле и колонизации, выплатили странам черного континента 777 трлн долларов в качестве репараций.

В 1993 году состоялась Конференция по репарациям в Нигерии, которая привела к Абуджийской декларации – призыву к национальным комитетам провести кампанию по возмещению ущерба [13], что связано не только с вопросом о деньгах: речь идет также о признании вины и причастности к работорговле и колониальной эксплуатации, апологии рабства и эксплуатации, возвращении украденных из Африки артефактов, об обучении африканских детей своему культурному наследию, точному изображению африканской истории и признанию вклада Африки в мировую историю и цивилизацию.

Европейские страны и Америка на государственном уровне занимают отрицательную позицию в вопросе о репарациях. В 2001 году состоялась международная конференция по борьбе с расизмом в Южной Африке. США и европейские страны опасаются, что извинение, признание вины, обусловит правовые последствия и выплату репараций в той или иной форме. Окончательная редакция соответствующих положений Декларации конференции была согласована следующим образом: «Мы признаем, что рабство и работорговля, включая трансатлантическую работорговлю, были ужасающими трагедиями в истории человечества не только из-за присущего им варварства, но и с точки зрения их величины, организованного характера и особенно отрицания самой сущности жертв» [14].

В государствах, которые использовали в своих экономиках рабский труд, ширятся общественные дискуссии, связанные с призывами внимательно проанализировать соответствующие периоды истории. Так исследовательница К. Холл, подытоживая свою статью «Британия многим обязана рабству» во влиятельной британской газете *The Guardian*, подчеркивала: «Демонстрируя, чем Британия обязана рабству (стоит заметить, что это – лишь один из множества аспектов, в которых современная Британия пользуется плодами колониального прошлого – и страдает от его уродующих последствий), мы надеемся помочь сделать восприятие сложной истории империи честнее и богаче той одномерной и лукавой версии роли нашего острова в истории, которую предлагает министерство Майкла Гоува (Michael Gove)» [15]. В Соединенных Штатах журналист и исследователь, глава бюро влиятельного журнала *Wall Street Journal* в штате Атланта Дуглас Блэкмон в 2008 году опубликовал книгу «Рабство под новым именем: второе порабощение черного населения Америки в период между гражданской и Второй мировой войнами», удостоенную в 2009 году Пулитцеровской премии [16]. В этом издании, вызвавшем широкий общественный резонанс, автор показывает, что рабовладение – это страницы совсем недавней истории США, что и после Гражданской войны сотни тысяч афроамериканцев по-прежнему содержались в неволе, занимаясь тяжелым принудительным трудом без оплаты, что справедливо говорить о системе «неорабовладения» – совокупности приемов благодаря которым в конце XIX и на протяжении значительной части XX века удалось фактически превратить миллионы афроамериканцев на Юге США в рабов и крепостных [17].

Наличие этого барьера, замешанного на исторических основаниях и проявляющегося в систематических выступлениях афроамериканцев в различных городах Америки, в совокупности с продолжающейся торговлей людьми, обусловило практические меры со стороны администрации США. 31 декабря 2015 года президент Б. Обама выступил с декларацией «Национальное рабство и предупреждение торговли людьми». Он, в частности, провозгласил: «Сто пятьдесят лет назад наша страна кодифицировала фундаментальную истину, что рабство является оскорблением человеческого достоинства. Тем не менее горький факт остается фактом, что миллионы мужчин, женщин и детей по всему миру, в том числе здесь дома, являются объектом современного рабства: жестокой, бесчеловечной практики торговли людьми. В этом месяце мы посвятим себя помощи жертвам торговли людьми и борьбы с ней во всех его формах» [19]. Сам президент Б. Обама в декабре 2015 года назначил 11 наблюдателей для впервые созданного Американского совещательного совета по торговле людьми.

Во Франции исторические проблемы, связанные с работорговлей в начале XXI века, также находятся в фокусе общественного внимания. 10 мая 2001 года в стране был принят закон, провозгласивший рабство преступлением против человечности. Затем Франция стала первым европейским государством, решившим ежегодно чтить память жертв рабства, и в 2006 году в стране впервые отмечался День памяти жертв рабства, соответствующие мероприятия проходили как во французских городах, так и в некоторых странах Африки. Французский президент отметил, что рабство – «это несмыслимое пятно на истории, которое не должно быть забыто», и призвал вести борьбу против современных форм рабства и в судебном порядке преследовать компании, использующие принудительный труд [19]. При этом многие наблюдатели считали, что объявление Дня памяти жертв рабства было напрямую связано с недавними беспорядками во Франции, в которых активно участвовали выходцы из арабских и африканских стран, и желанием властей продемонстрировать свое неприятие любых видов расизма и дискриминации по национальному признаку. Следует, однако, отметить, что некоторые меры властей вызвали неоднозначную реакцию во французском обществе. Так среди французских историков вызвали споры введенные по инициативе Ж. Ширака школьные уроки, повествующие об ужасах работорговли. Некоторые специалисты утверждают, что правительство не должно навязывать педагогам и детям свое видение истории и, как они считают, урезать при этом позитивный вклад Франции в развитие своих бывших колоний.

В-четвертых, политическую проекцию имеет концентрация ресурсов, получаемых от торговли людьми. По оценкам ООН, торговля людьми имеет оборот около 9 млрд долларов в год [20]. Исследователи приводят данные и о том, что «по своим возможностям торговля людьми как теневой сектор экономики превосходит практически все виды криминальной деятельности, в том числе и наркоторговлю. По данным Европола, ежегодный доход от торговли людьми достигает 19 млрд долларов» [21; 22]. Совет Европы называл значительно большие показатели, подчеркивая, что «торговля людьми достигла масштабов эпидемии за последние десять лет с годовым глобальным рынком близко к 42,5 млрд USD» [23]. А

государственный секретарь США Дж. Керри в предисловии к выпущенному его ведомством в июне 2016 года «Докладу о торговле людьми» упомянул сумму в 150 миллиардов долларов, получаемую от незаконной индустрии торговли людьми [24].

В-пятых, торговля людьми тесно связана с такими политическими явлениями, как международный терроризм, и является важнейшей составляющей экономической базы терроризма. «Сущность и причины, порождающие терроризм и организованную преступность, – отмечает Л. Д. Ерохина, – имеют много общего. И терроризм, и организованная преступность представляют серьезную опасность для всего мирового сообщества. Они не имеют государственных или национальных границ и уже многие десятилетия «сопровожают» экономическое и культурное развитие большинства стран мира... Основные причины роста организованной преступности и терроризма кроются в состоянии экономики, резком имущественном расслоении при существовании населения большинства стран за гранью минимального прожиточного минимума, политической и культурной нестабильности общества, правовом нигилизме, несовершенстве правовой базы» [22].

«Конечно, – отмечают исследователи, – торговля людьми в подавляющем большинстве своем совершается не самими террористами. Но существуют способы, с помощью которых террористические группы используют торговлю людьми в своих целях (от самого грубого – продажи женщин в публичные дома до поставки наемников в “горячие точки мира” и в частности на Северный Кавказ). Прежде всего, речь идет о так называемых “этнических” преступных организованных группах (китайских, японских, албанских, иракских, чеченских и др.), специализирующихся на торговле людьми или же занимающихся этим преступным бизнесом параллельно с другими видами криминального бизнеса».

Связь террористических организаций с преступными группами, осуществляющими торговлю людьми, оказывается в ряде случаев столь тесной, что не представляется возможным отделить одно преступление от другого. «Три фактора делают возможным столь беспрецедентное слияние усилий террористов и торговцев людьми: рост международной организованной преступности, слабость иммиграционного контроля в странах транзита и коррупция, позволяющая преступникам беспрепятственно получать фальшивые документы и переправлять людей из одной страны в другую» [21]. Примерами такого слияния терроризма и торговли людьми стали преступные организации, существующие на территории бывшей Югославии. После этнических чисток в Косово и при попустительстве миротворческих войск на его территорию под видом беженцев в 2000 году вошло свыше 200 тысяч иностранцев – по преимуществу албанцев из Северной Албании. И в настоящее время спецслужбы европейских государств обращают самое пристальное внимание на албанские преступные группировки, не только образовавшие разветвленную сеть торговли людьми в западноевропейском регионе, но и контролирующие ее и способствующие незаконной миграции и насильственной переправке людей в данный регион, США, Канаду, Латинскую Америку и т. д. [22].

Поэтому неслучайно в обзорах и докладах государственных органов различных стран по вопросам предотвращения и борьбы с торговлей людьми акцентируется значение в этом процессе на внутренние, межнациональные, межконфессиональные и международные конфликты [25].

В-шестых, торговля людьми имеет существенные демографические последствия, порождающие как текущие, так и перспективные проблемы для конкретных государств. В целом траффинг вместе с трудовой эмиграцией изменяет социальное равновесие в «странах-поставщиках» и «странах назначения». Как следствие, обостряется этническая нетерпимость к «пришлым», примеры которой особенно очевидны сегодня, в том числе в России – в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах, где все большую популярность в обществе приобретают националистические настроения. Торговля людьми способствует тому, что социально неуравновешенные и криминально активные элементы перемещаются в развитые государства, что реально и потенциально оказывает воздействие на систему властных отношений.

В-седьмых, справедливо подчеркивает А. Вилкс: «Параллельно в торговлю людьми все больше будут включаться легальные структуры... Границы станут “прозрачнее” и более эластичны. В упомянутых “трафиках” все более будут привлекаться также представители официальных учреждений, повысится организованность и сплоченность преступных группировок, торгующих людьми и их органами, повысится потенциальные (финансовые, материальные и др.) ресурсы преступных группировок» [26]. В этой связи справедлив вывод о том, что в условиях существенного ослабления государственного контроля над экономикой при наличии сформировавшихся мощных теневых структур, ориентированных на получение незаконными средствами прибыли, именно эти структуры начинают доминировать на рынке.

В-восьмых, на этой основе будут укрепляться транснациональные организованные преступные группировки, увеличатся их связи с легальными международными организациями.

В-девятых, торговля людьми и связанные с нею процессы приводят к масштабной коррупции, пронизывающей многие государственно-политические институты современных обществ. В этой связи, например, Мартина Ванденберг, общественный адвокат организации The Freedom Network USA, работающая с жертвами торговли людьми, утверждает, что торговле людьми способствует коррупция в государственных учреждениях, и отмечает, что в первую очередь в странах, в которых проблема торговли людьми является достаточной острой, зачастую коррумпированы органы исполнительной власти, в частности полиция [27].

В-десятых, торговля людьми угрожает безопасности граждан многих государств, влечет за собой существенные негативные морально-политические последствия, оказывая сильное психологическое воздействие на большие массы людей.

В-одиннадцатых, проблема торговли людьми используется во внутривнутриполитических целях в конкретных государствах как в позитивном, так и

негативном отношении. Если первый подход обоснован и понятен – критическое отношение к вопросу, пропаганда и организация деятельности по предотвращению и борьбе с торговлей людьми, то второй проявляется порой в удивительных формах. Так, к примеру, женщина-политик Салва аль-Мутайри из Кувейта, которая давно и безуспешно пытается сделать политическую карьеру в своей стране, призвала сограждан покупать русских секс-рабынь в Чечне, таким образом она пыталась привлечь к себе мужскую часть электората [27].

В-двенадцатых, торговля людьми имеет явный гендерный аспект и затрагивает в первую очередь женщин и детей – основные категории населения, связанные с социальной политикой государств. Так по данным Государственного департамента США, ежегодно от 600 до 820 тысяч мужчин, женщин и детей становятся жертвами международного траффинга, из них приблизительно 70 % составляют женщины и девушки, до 50 % являются несовершеннолетними. При этом большинство жертв международной торговли людьми задействованы в сексуальной эксплуатации [23]. По оценкам Международной организации миграции, 5,7 млн детей являются жертвами принудительного и кабального труда (это явление часто называют «долговым рабством»), а еще 1,2 миллиона детей – жертвами торговли. Каждый год 1 миллион детей, в основном девочек, принуждают к занятию проституцией [4].

В-тринадцатых, исключительно опасной тенденцией в торговле людьми выступает стремление ее агентов использовать в своих интересах достижения научно-технического развития, что проявляется, в первую очередь, в незаконной торговле человеческими органами. «Несмотря на неутраченную “актуальность” проституции и дешевой рабсилы, – подчеркивает Н. Пранчук, – именно незаконная торговля человеческими органами получает все большее распространение в настоящее время... В условиях жесткой нехватки донорских органов людям становится не важно, каким путем они “добываются”, и они готовы платить огромные деньги за то, чтобы выжить» [27].

В-четырнадцатых, торговля людьми создает и повышает риски для здоровья людей, создает реальную опасность для их жизни и благополучия, а зачастую уносит жизни все большего числа ни в чем не повинных мирных граждан. Современные рабы часто становятся жертвами СПИДа и других социально опасных заболеваний; они страдают алкоголизмом или наркоманией; у них наблюдаются процессы моральной деградации, отчуждения личности, развитие депрессивных синдромов и суицидальных тенденций. Ежегодно приблизительно 30 тыс. жертв торговли людьми гибнет от злоумышленного использования, пыток, ненадлежащего содержания и болезней [26].

Таким образом, проблема торговли людьми имеет четкие политические измерения и становится одним из пунктов международной повестки дня в политической области и сфере прав человека с начала 2000-х годов, формируя для решения глобальной проблемы систему глобальных усилий – глобальное движение против торговли людьми. Однако в этом процессе лишь вырисовываются перспективы качественной масштабной профилактики, защиты жертв этой торговли и наказания тех, кто ее осуществляет.

Список литературы

1. Аллаhverанов, А. Глобальная проблема глобализующегося мира – торговля людьми (траффикинг): [Электронный ресурс] / А. Аллаhverанов. – URL: <http://allahveranov.livejournal.com/13921.html>.
2. Гафуров, С. З. Новая глобализация: капитал против труда: [Электронный ресурс] / С. З. Гафуров. – URL: <http://www.pravda.ru/economics/rules/globalcooperation/15-06-014/1211681-0/>.
3. Victims of Trafficking and Violence Protection Act of 2000 [Electronic resource]. – URL: <http://www.state.gov/j/tip/laws/61124.htm>.
4. Торговля людьми приобрела глобальные масштабы: [Электронный ресурс]. – URL: <http://newsland.com/news/detail/id/802449/>.
5. Всеобщая декларация прав человека: [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
6. Международный пакт о гражданских и политических правах: [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/005>.
8. Конвенция о рабстве: [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/convention_slavery.shtml.
9. Дополнительная Конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством: [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/supplementconvention_slavery.shtml;
10. Конвенция о правах ребенка: [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml.
11. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml.
12. Nunn N. The long-term effects of Africa's slavetrades / Nathan Nunn // Quarterly journal of economics. – 2008. – 123 (1). – P.139–176.
13. Reparations: [Electronic resource]. – Mode of access: <http://discoveringbristol.org.uk/slavery/after-slavery/wider-world/african-diaspora/reparations/>.
14. Reparations: [Electronic resource]. – Mode of access: <http://discoveringbristol.org.uk/slavery/after-slavery/wider-world/african-diaspora/reparations/>.
15. Hall C. Britain's massive debt to slavery / Catherine Hall // The Guardian. – 2013, March 3.
16. Douglas A. Blackmon. Slavery by Another Name: The Re-Enslavement of Black Americans from the Civil War to World War II. – Doubleday, 2008. – 468 p.
17. Имани Чирс. Последняя глава в истории рабства: [Электронный ресурс] / Чирс Имани. – URL: <http://inosmi.ru/world/20080725/242835.html>.
18. Obama B. Presidential Proclamation. National Slavery and Human Trafficking Prevention Month, December 31, 2015: [Electronic resource] / Barack Obama. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/12/31/presidential-proclamation-national-slavery-and-human-trafficking>.
19. Франция чтит память жертв работорговли: [Электронный ресурс]. – URL: http://news.bbc.co.uk/go/pr/ft/-/hi/russian/news/newsid_4757000/4757313.stm.
20. Проблема торговли людьми: [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.womenew.ru/traffic/>.
21. Павленко К. В. Торговля людьми как вид транснациональной преступности: [Электронный ресурс] / К. В. Павленко // ЭГО: Экономика. Государство. Общество. – 2012. – Вып. 1(8). – URL: <http://ego.uara.ru/ru-ru/issue/2012/01/02/>.
22. Ерохина Л. Д. Два лика транснациональной организованной преступности: терроризм и торговля людьми: [Электронный ресурс] / Л. Д. Ерохина. – URL: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=922&more=1&c=1&tb=1&pb=1#more922>.
23. Торговля людьми: [Электронный ресурс]. – URL: http://uk.wikipedia.org/wiki/Торговля_людьми.

24. United States Department of State. Trafficking in persons report: [Electronic resource]. – June 2016. – 422 p. – Mode of access: <http://www.state.gov/documents/organization/258876.pdf> – P.4.
25. United States Department of State. Trafficking in persons report: [Electronic resource]. – June 2016. – 422 p. – Mode of access: <http://www.state.gov/documents/organization/258876.pdf> – P.32.
26. Вилкс А. Торговля людьми и органами человека: криминологические, политические и социальные проблемы: [Электронный ресурс] / А. Вилкс. – URL: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=1340&more=1&c=1&tb=1&pb=1#more1340>.
27. Пранчук Н. Торговля людьми как глобальная проблема современности: [Электронный ресурс] / Н. Пранчук. – URL: <http://www.proza.ru/2011/12/22/1808>.
28. Смирнова О. В. Торговля людьми в гендерной проблематике СМИ / О. В. Смирнова // Медиаскоп: электрон. научн. журнал фак-та журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. – 2012. – Вып. № 3. – <http://mediascope.ru/?q=node/1130>.

Gubanova E. V. Political Dimension of Human Trafficking in a Globalized World // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political Science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 1. – P. 93–103.

Globalization modifies the qualitative and quantitative changes of organized crime, giving rise to new forms and consequences of increasing size. Now globalization of crime puts in one rank with the problems of global warming and the spread of weapons of mass destruction. The problem of human trafficking escalated, as the many-sided threat including political measurement in various aspects. Political aspects of human trafficking as global problem are covered in the article. Human trafficking is considered as the challenge affecting relations of power at the national and international levels, as opposition to regulations of national and international law, as a factor of influence on the specifics of the development and the political situation in the particular countries and the whole regions, as the concentration of financial resources of organized crime, international terrorism, as a determinant of the negative demographic situation, widespread corruption and safety of citizens of many states.

Key words: globalization, global problem, human trafficking, slavery, organized crime.

References

1. Allakhveranov, A. Global'naya problema globalizuyushchegosya mira - trgovlya lyud'mi (trafficking): [Elektronnyy resurs] / A. Allakhveranov. – Rezhim dostupa: <http://allahveranov.livejournal.com/13921.html>.
2. Gafurov, S. Z. Novaya globalizatsiya: kapital protiv truda: [Elektronnyy resurs] / S.Z. Gafurov. – Rezhim dostupa: <http://www.pravda.ru/economics/rules/globalcooperation/15-06-014/1211681-0/>.
3. Zhertvy nasiliya Zakon po zashchite 2000 goda [Elektronnyy resurs] trgovli lyud'mi i. – Rezhim dostupa: [HTTP://www.state.gov/j/tip/laws/61124.htm](http://www.state.gov/j/tip/laws/61124.htm).
4. Torgovlya lyud'mi priobrela global'nyye masshtaby: [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://newsland.com/news/detail/id/802449/>.
5. Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka: [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
6. Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh: [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
7. Konventsiya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod: [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/005>.
8. o rabstve konventsiya: [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/convention_slavery.shtml.
9. Dopolnitel'naya Konventsiya ob uprazhnenii rabstva, rabotorgovli i institutov i obychayev, skhodnykh s rabstvom: [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/supplementconvention_slavery.shtml.
10. Konventsiya o pravakh rebenka: [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml.

11. Konventsiya o likvidatsii vseh form diskriminatsii v otnoshenii zhenshchin: [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml.
12. Nann N. Dlinnyye-termeffekty iz slavetrades Afrika v / Natan Nann // Yezhekvertal'nyy zhurnal ekonomiki. – 2008. – 123 (1). – P.139-176.
13. Kompensatsii: [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: [HTTP://discoveringbristol.org.uk/slavery/after-slavery/wider-world/african-diaspora/reparations/](http://discoveringbristol.org.uk/slavery/after-slavery/wider-world/african-diaspora/reparations/).
14. Kompensatsii: [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: [HTTP://discoveringbristol.org.uk/slavery/after-slavery/wider-world/african-diaspora/reparations/](http://discoveringbristol.org.uk/slavery/after-slavery/wider-world/african-diaspora/reparations/).
15. Khol S. Velikobritanii massivnoye dolg k rabstvu / Yekaterininskiy zal // The Guardian. – 2013, 3 marta.
16. Duglas A. Blackmon.Slavery drugim imenem: Re-poraboshcheniye chernykh amerikantsev ot grazhdanskoy voyny do Vtoroy mirovoy voyny. – Doubleday, 2008. – 468 s.
17. Imani Chirs. Poslednyaya glava v istorii rabstva: [Elektronnyy resurs] / Chirs Imani. – Rezhim dostupa: <http://inosmi.ru/world/20080725/242835.html>.
18. Obama V. Deklaratsiya prezidenta. Natsional'nyy Rabstvo i mesyats Predotvrashcheniye torgovli lyud'mi 31 dekabrya, 2015: [Elektronnyy resurs] / Barak Obama. – Rezhim dostupa: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/12/31/presidential-proclamation-national-slavery-and-human-trafficking>.
19. Frantsiya chtit pamyat' zhertv rabotorgovli: [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: [bbcussian.com http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/news/newsid_4757000/4757313.stm](http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/news/newsid_4757000/4757313.stm).
20. Problema Torgovli lyud'mi: [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.womencw.ru/traffic/>
21. Pavlenko K.V. Torgovlya lyud'mi kak vid transnatsional'noy prestupnosti: [Elektronnyy resurs] / K.V. Pavlenko // EGO: Ekonomika. Gosudarstvo. Obshchestvo. – 2012. – Vyp. 1 (8). – Rezhim dostupa: <http://ego.uapa.ru/ru-ru/issue/2012/01/02/>.
22. Yerokhina L. D. Dva lika transnatsional'noy organizovannoy prestupnosti: terrorizm i torgovlya lyud'mi: [Elektronnyy resurs] / L.D. Yerokhina. – Rezhim dostupa: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=922&more=1&c=1&tb=1&pb=1#more922>.
23. Torgivlya lyud'mi: [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://uk.wikipedia.org/wiki/Torgivlya_lyud'mi
24. Gosudarstvennyy departament SSHA. Trafficking lyud'mi soobshchayut: [Elektronnyy resurs]. – Iyun' 2016 goda – 422 r. – Rezhim dostupa: [HTTP://www.state.gov/documents/organization/258876.pdf](http://www.state.gov/documents/organization/258876.pdf) – R.4.
25. Gosudarstvennyy departament SSHA. Doklad o torgovle lyud'mi: [Elektronnyy resurs]. – Iyun' 2016 goda – 422 r. – Rezhim dostupa: <http://www.state.gov/documents/organization/258876.pdf>~HEAD=pobj - r.32.
26. Vilks A. Torgovlya lyud'mi i organami cheloveka: kriminologicheskiye, politicheskiye i sotsial'nyye problemy: [Elektronnyy resurs] / A. Vilks. – Rezhim dostupa: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=1340&more=1&c=1&tb=1&pb=1#more1340>.
27. Pranchuk N. Torgovlya lyud'mi kak global'naya problema sovremennosti: [Elektronnyy resurs] / N. Pranchuk. – Rezhim dostupa: <http://www.proza.ru/2011/12/22/1808>.
28. Smirnova O. V. Torgovlya lyud'mi v gendernoy problematike SMI / O.V. // Mediaskop Smirnova: elektron. nauchn. zhurnal fak-ta zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova. – 2012. – Vyp. № 3. – <http://mediascope.ru/?q=node/1130>.

УДК: 327.39

«ЗАМОРОЖЕННЫЕ» И «ТЛЕЮЩИЕ» КОНФЛИКТЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ – ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НАПРЯЖЕННОСТИ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИИ И США

Макаров Р. В.

В статье поясняется, что все конфликты на постсоветском пространстве, находящиеся в стадии «замороженного» или «тлеющего», служат факторами дестабилизации у рубежей России, негативно отражаясь на внутреннем состоянии и международном положении страны, и представляющие собой «болевые точки» для политического и иного рода давления на Россию со стороны противников ее усиления на мировой арене и в первую очередь США. Рассматривается вопрос о влиянии геоэкономического и геополитического соперничества США и России на ситуацию в зонах «замороженных» конфликтов в регионе Закавказья. Раскрываются причины обострения в зоне грузино-осетинского и грузино-абхазского конфликтов в 2008 г., приведшего к «Пятидневной войне». Анализируется ситуация вокруг Нагорного Карабаха, дается ответ на вопрос о том, может ли она стать причиной эскалации новой серьезной напряженности в регионе Закавказья? Раскрываются глубинные причины возникновения общественно-политического кризиса в Украине, результатами которого стали государственный переворот в феврале 2014 г., острейший кризис украинской государственности и вооруженный конфликт на Востоке страны. Раскрываются причины и описываются последствия возможного нового обострения данного конфликта, который на текущий момент характеризуется как «тлеющий».

Ключевые слова: Россия, США, сепаратизм, «замороженные» конфликты, «тлеющие» конфликты, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Донбасс, Украина, Приднестровье.

Целью данной статьи является краткий историко-политологический анализ ситуации в зонах «замороженных» и «тлеющих» конфликтов на постсоветском пространстве, связанной с влиянием политики США и России, проводимой в условиях соперничества на мировой арене.

Задачи статьи:

- проанализировать причины усиления соперничества между США и Россией на мировой арене в конце XX – нач. XXI вв.;

- рассмотреть вопрос о влиянии геоэкономической и геополитической конкуренции между США и Россией на обострение в зоне «замороженных» грузино-осетинского и грузино-абхазского конфликтов и на возникновение крупномасштабного вооруженного противостояния на Кавказе в августе 2008 г.;
- проанализировать ситуацию вокруг Нагорного Карабаха, ответить на вопрос о том, может ли она стать причиной эскалации новой серьезной напряженности в регионе Закавказья;
- рассмотреть причины возникновения кризиса в Украине и определить степень влияния на него политики США в целях завоевания выгодных позиций в геополитическом соперничестве с Россией.

Смена устойчивых систем международных отношений всегда сопровождалась своего рода переходными периодами, характеризовавшимися ростом напряженности, вооруженными конфликтами, разрушением ранее стабильных государств и образованием новых. Степень кризисных ситуаций, которые становятся причинами переходных периодов, а соответственно и их длительность всегда были разными. С 1991 г. мир снова переживает весьма длительный переходный период от Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, установившейся после окончания Второй мировой войны, к новому, пока еще не устоявшемуся, миропорядку.

Прошедшие с момента распада СССР и конца биполярного разделения 25 лет сопровождались изменением общественно-политического строя в целом ряде государств Европы, Азии и Африки, разрушением другого ряда ранее стабильных государств, в том числе с образованием новых на их пространстве (Югославия, Чехословакия), затяжными вооруженными конфликтами (Югославия, Сомали, Афганистан, Ирак и т. д.) и конкуренцией различных, в том числе новых центров влияния за право определять новый мировой порядок. Одним из характерных явлений данного периода, возникшего как следствие вышеупомянутых процессов, стала проблема сепаратизма и связанные с ней территориальные споры, затяжные и жестокие вооруженные конфликты, а также появление на карте мира самопровозглашенных, непризнанных либо частично признанных государств.

Особенно остро проблема сепаратизма проявилась на постсоветском пространстве, став результатом обострения противоречий на этнической, цивилизационно-ценностной, политической и социально-экономической почве как непосредственно после распада СССР, так и спустя более двух десятилетий с этого момента. Порожденные данными противоречиями вооруженные конфликты в большинстве случаев представляли собой столкновение сил, тяготеющих к единению с Россией и защищающих ценности «Русского мира», с силами, выступающими за обособление от России народов, некогда разделивших с ней единую историческую судьбу. Зачастую эти силы были движимы идеями радикального национализма и западного цивилизационного выбора. Однако исключительно во всех случаях данные конфликты служили факторами дестабилизации у рубежей обновленного в 1991 г. российского государства, негативно отражаясь на его внутреннем состоянии и международном положении.

Даже перейдя в фазу так называемой «заморозки», то есть военной и политической неразрешенности, данные конфликты спустя десятилетия после распада СССР стали «болевыми точками» для политического и иного рода давления на Россию со стороны противников ее усиления на мировой арене.

Наиболее ощутимыми укрепление российского государства и усиление его влияния в мире оказались для США, ряда стран Европы и некоторых других держав Западного мира. В частности, это было связано с обострением в начале XXI в. конкуренции на мировом энергетическом рынке, особенно в вопросах контроля над нефтью, газом и путями их транзита. В этот период Россия устремилась к усилению своей роли в качестве одной из основных стран-экспортеров углеводородного сырья, США – к защите своих позиций как одной из основных стран-импортеров [1, с. 6]. Еще с начала 90-х гг. XX в. богатый запасами нефти и газа регион Каспийского моря становится важным объектом геополитических устремлений Вашингтона, а уже к концу века США выработали четкую стратегию, направленную на то, чтобы закрепиться в роли гаранта по обеспечению беспрепятственного потока нефти и газа из прикаспийского региона на западные рынки [2, с. 9].

Важное значение для реализации американских геополитических планов приобретают Азербайджан как страна нефте- и газодобычи и Грузия как страна, удобная для их транзита, что выразилось в активном содействии строительству нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан и газопровода Баку – Тбилиси – Эрзурум. США поддерживали данные проекты, поскольку они были направлены на снижение роли России в области доставки нефти и газа из данного региона на Запад [1, с. 98; 2, с. 99–100; 3, с. 10].

Как известно, давние этнические противоречия, обострившиеся на почве распада СССР и формирования границ упомянутых выше государств Закавказья, привели к грузино-абхазскому, грузино-осетинскому и армяно-азербайджанскому вооруженным конфликтам, вследствие которых возникли непризнанные мировым сообществом государства: Абхазия, Южная Осетия и Нагорно-Карабахская Республика (Республика Арцах). За время более чем десятилетней «заморозки» данных конфликтов вопрос о возвращении обособившихся территорий под суверенитет Тбилиси и Баку стал для Грузии и Азербайджана чуть ли не частью национальной идеи, что было использовано США и их союзниками в энергетической «Большой игре» против России как составляющая стратегии по прикаспийскому региону [4, с. 102–103]. Несмотря на лояльность Вашингтону президента Грузии (1995–2003 гг.) Эдуарда Шеварднадзе, США усиленно занимались подготовкой новой грузинской политической элиты, которая, по их замыслу, должна была взять власть в свои руки только с их одобрения, тем самым идя на разрыв с Москвой. Вашингтон делает ставку на молодого юриста Михаила Саакашвили, выпускника Колумбийского университета, длительное время работавшего в американских компаниях и прекрасно понимающего суть геэкономических интересов США в регионе [4, с. 103–104].

После поддержанного Западом государственного переворота в Грузии в 2003 г., получившего известность как «Революция роз», и прихода Михаила Саакашвили на

пост президента страны Грузия начинает активную подготовку к «восстановлению конституционного строя» в Абхазии и Южной Осетии посредством использования военной силы, вследствие чего вооруженные силы Грузии были реформированы с учетом стандартов НАТО и при активном участии иностранных специалистов [5, с. 14–39]. Однако результатами данной политики стали: военное поражение Грузии в результате Пятидневной войны (08.08–12.08.2008) и существенное усиление позиций России в регионе. В частности, этому способствовало признание Россией государственной независимости Абхазии и Южной Осетии (Указы Президента Российской Федерации от 26.08.2008 № 1260 и 1261), заключение договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Россией и данными республиками от 17.09.2008 и размещение на их территории 4-ой (Южная Осетия) и 7-ой (Абхазия) объединенных российских военных баз на условиях, соответствующих двусторонним соглашениям с целью защиты суверенитета, независимости Абхазии и Южной Осетии и интересов России. Вышеперечисленные геополитические изменения исключили для сил, желающих возобновления данных конфликтов и решения их военным путем, такую возможность, поскольку отныне это создает для них угрозу нового непосредственного столкновения с Россией, даже несмотря на то, что, по мнению экспертов, уже в течение полутора года после завершения конфликта Грузия сумела не только восстановить, но и увеличить свой военный потенциал [6, с. 92]. Исход Пятидневной войны дал США неоднозначные результаты и заставил Вашингтон скорректировать свою политику в отношении Закавказья. США на текущий момент отказались от планов по провоцированию возрастания напряженности в регионе, обеспечив прочный контроль над властями Грузии, сменив при этом режим воинственного Михаила Саакашвили на более умеренный. В то же время был обеспечен и долговременный разрыв в отношениях Грузии и России, подкрепленный взаимной враждебностью, возросшей на почве минувшего военного противостояния. Конфликт 2008 г. положил начало системной и целенаправленной политике по формированию негативного имиджа России в мире, завершив кратковременный период неудавшейся «перезагрузки» в отношениях Вашингтона и Москвы. При этом вопрос о рентабельности нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан, как и газопровода Баку – Тбилиси – Эрзерум, остается весьма спорным. К примеру, с момента ввода трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан в эксплуатацию (4 июня 2006 г.) по 1 июня 2015 г. объем экспорта составил 275 млн 771,491 тыс. тонн нефти [7]. То есть в среднем в год 27 млн 577,49 тыс., в то время как пропускная способность трубопровода превышает 50 млн тонн нефти в год [7], что говорит о недостаточной его заполняемости. Потенциальные опасности для данных энергоартерий создает и нестабильная обстановка в Турции, по территории которой проходит их значительная часть и где расположены их конечные пункты. Это заставляет страны Запада пересматривать свои отношения с Турцией в вопросах энергетического сотрудничества с целью снижения зависимости от нее как страны-транзитера [8].

Что касается замороженного конфликта в Нагорном Карабахе, то, несмотря на сохраняющиеся серьезные разногласия между Арменией, поддерживающей Нагорно-Карабахскую Республику и Азербайджаном, и периодические

кратковременные вспышки противостояния на линии соприкосновения сторон, данный конфликт в обозримой перспективе вряд ли станет очагом серьезной напряженности. Во многом благодаря тому, что Россия как посредник в его разрешении и стратегический партнер Еревана и Баку оказывает существенное влияние на конфликтующие стороны. Наиболее заметной роль России выглядит в последнее время, подтверждением чему может служить, например, встреча президентов России, Армении и Азербайджана 20 июня 2016 г. в Санкт-Петербурге, посвященная вопросам урегулирования карабахского конфликта, и принятое по итогам встречи совместное заявление, в котором ее участники подтвердили достигнутые на последнем армяно-азербайджанском саммите в Вене 16 мая 2016 г. договоренности, направленные на стабилизацию ситуации в зоне конфликта и создание атмосферы, способствующей продвижению мирного процесса [9]. Во многом это зависит от таких факторов, как членство Армении в ОДКБ, учет Азербайджаном негативного опыта Грузии в конфликте с Южной Осетией, Абхазией и Россией в 2008 г., расширение зон нестабильности у рубежей Азербайджана, рост угрозы радикального исламизма и терроризма и, естественно, прямая заинтересованность Азербайджана в сохранении стратегически важного сотрудничества с Россией, в частности в энергетической сфере.

Таким образом, обострение в зонах «замороженных» конфликтов в Закавказье в недавно минувшем прошлом стало прямым результатом стремления США и их союзников в Европе к обеспечению доступа и контроля над транзитом энергетических ресурсов Прикаспийского региона посредством усиления политического влияния на Грузию и Азербайджан. Следуя к своим целям, США активно поддерживали политические силы с антироссийской направленностью и стимулировали настроенность Тбилиси и Баку к силовому разрешению замороженных конфликтов с обособившимися территориями. В этом их устремления напрямую сталкивались с устремлениями России, стремящейся закрепить свое влияние в регионе, обеспечив диалог противоборствующих сторон в зонах замороженных конфликтов. События последних восьми лет сформировали относительно прочную структуру международных политических и экономических отношений в регионе, на текущий момент, как и на ближайшую перспективу, новое обострение ситуации в Закавказье выглядит маловероятным. Однако события, произошедшие теперь уже в Украине в 2013–2014 гг., стали причиной нового острейшего кризиса во взаимоотношениях России и держав Запада, в том числе по причине возникновения новых конфликтов на почве сепаратизма.

На протяжении более чем 22 лет украинское общество находилось в состоянии глубокой дискуссии относительно геополитического выбора между углублением всестороннего сотрудничества с Россией и странами-членами Таможенного союза ЕАЭС и интеграцией в Европейский союз и НАТО. Разногласия по данному вопросу часто становились причиной возникновения напряженности во взаимоотношениях между жителями и руководством разных регионов страны, что происходило, как правило, во время президентских и парламентских предвыборных кампаний. Запад, Центр и Север Украины отдавали предпочтение кандидатам в президенты и партиям с явно выраженной прозападной ориентацией, а Восток и

Юг – ориентировавшимся на Москву. Особенно показательной была президентская кампания 2004 г., ставшая причиной беспрецедентного на тот момент политического кризиса, когда вопрос о внешнеполитическом курсе Украины породил противоречия между сторонниками сохранения унитарного государственного устройства Украины и сторонниками ее федерализации, которая представлялась им способом защиты и сохранения тесных социально-экономических связей регионов Юга и Востока Украины с Россией в случае, если евро-атлантические устремления Киева приведут к последствиям их нарушающим. Унитаристы же увидели в федералистах угрозу территориальной целостности Украины и ее национальной безопасности, наиболее отрицательно к идее федерализации относились сторонники украинских радикально-националистических организаций [10, с. 172–198]. Именно тогда преимущественно русскоязычный Юго-Восток Украины, поддержавший в подавляющем большинстве кандидата в президенты Виктора Януковича, уроженца Донецкой области, вновь стал восприниматься как единое социально-экономическое пространство, представляющее собой обособленную часть Украины, где отрицались некоторые, считавшиеся основополагающими принципы украинской национальной идеи и украинского государственного проекта. Входивший в него исторический регион Донбасс стал своего рода авангардом этого сопротивления, а Донецк – его главным центром, антиподом Киева. Крым же, обладавший статусом автономной республики и являвшийся самым неукраинским по составу населения и настроениям его жителей регионом, солидаризировался с интересами Юго-Востока и выступал впоследствии единым с ними политическим фронтом. Тем более, что руководство Украины, начиная с президента Леонида Кравчука и заканчивая самим же Виктором Януковичем, занявшим этот пост в 2010 г., так или иначе сохраняло стратегический курс на обретение Украиной членства в Европейском союзе [11, с. 156–158] и использовало все возможные рычаги влияния на общество с целью добиться всеобщей поддержки данного курса, что удалось сделать лишь в отношении сугубо пропорциональной поляризации мнений среди населения страны. Так, согласно данным социологических исследований, проводимых в период с 2010 по 2013 гг., большинство украинцев поддерживало курс на интеграцию Украины в Европейский союз, однако наибольшей популярностью данный вектор внешней политики, как и обычно, пользовался в регионах Запада, Центра и Севера страны, в то время как наименьшей – среди жителей Юга и Востока (особенно в Крыму и на Донбассе). К примеру, данные исследования, проведенного Социологической группой «Рейтинг» в ноябре 2013 г., показали, что 50 % опрошенных украинцев поддерживали присоединение Украины к Европейскому союзу, а не поддерживали – 37 %. Еще 13 % – не определились на тот момент. При этом 41 % опрошенных считали, что для Украины подписание Соглашения об ассоциации и зоне свободной торговли с Европейским союзом выгоднее, чем вступление в Таможенный союз с Россией, Республикой Беларусь и Казахстаном, а 38 % полагали иначе, 20 % не смогли определиться [12]. Именно поэтому неожиданное решение правительства Николая Азарова о приостановке подготовки к подписанию Соглашения об ассоциации Украины с Европейским союзом накануне саммита «Восточного партнерства» в

Вильнюсе 28–29 ноября 2013 г., а затем и отказ президента Виктора Януковича от подписания Соглашения во время саммита вызвали крайне негативную реакцию значительной части украинского общества. Массовые акции протеста против действий власти и ее спорные ответные меры породили острый общественно-политический кризис, приведший в феврале 2014 г. к сопровождавшемуся насилием и беспорядками государственному перевороту, возглавляемому оппозиционными политиками, позиционировавшими себя поборниками европейского выбора Украины.

В результате свержения в Украине легитимной и законной власти, обладающей общенациональным мандатом, установился оппортунистический режим, опирающийся на радикально-националистические силы с явной антироссийской направленностью, а также на криминальные структуры, завуалированные под военно-патриотические организации и добровольческие вооруженные формирования [13, с. 7, 16–17, 20–22; 14, с. 26, 28, 32–33].

Антиконституционный характер новой власти в Украине и ее сползание в состояние государственного кризиса привели к отделению Крыма, население которого в подавляющем большинстве не приняло новую украинскую реальность и, выразив свою волю на референдуме, добилось воссоединения с Россией. Крымский прецедент стал примером для жителей юго-восточных регионов Украины, которые также во многом оказались нелояльны оппортунистическому режиму, в частности на Донбассе, где в апреле 2014 г. вспыхнуло антирежимное вооруженное восстание. Изначально восстание не имело четких единых целей, и участвующие в нем силы имели разнородный характер. Однако после 11 мая 2014 г. все большую популярность приобретает идея создания альтернативного украинскому государственному проекту «Новороссия» – федеративного объединения юго-восточных регионов Украины, активно отстаиваемого экс-депутатом Верховной Рады Украины от Партии Регионов Олегом Царевым [15, с. 7]. Свое название проект получил от исторического региона, территория которого в XX в. и стала Юго-Востоком Украины [16, с. 345]. Идея создания Новороссии активизировала и объединила многих противников режима, побудив их к активной борьбе, Донбасс же стал центром их концентрации. В конечном итоге ответные меры со стороны оппортунистического режима в виде т. н. «Антитеррористической операции» на территории Донецкой и Луганской областей привели к тяжелому вооруженному конфликту в регионе и образованию на части территории двух областей самопровозглашенных, никем не признанных государственных образований: Донецкой и Луганской Народных Республик. Ныне самопровозглашенные республики контролируют около четверти территории двух областей, которые на момент подписания минского соглашения от 5 сентября 2014 г. об установлении перемирия остались неподконтрольны властям Украины, в том числе их административные центры Донецк и Луганск. Также они обладают серьезным военным потенциалом, с помощью которого могут вести не только боевые действия оборонительного характера, но и наступательного. Несмотря на то, что с февраля 2015 г. в связи с принятием комплекса мер по выполнению Минских соглашений, интенсивные боевые действия были прекращены, конфликт не только не получил

своего разрешения, но и не перешел в стадию «заморозки», а потому его можно охарактеризовать как «тлеющий». Ни один из политических пунктов соглашения на сегодня не выполнен, а на линии соприкосновения/размежевания сторон периодически происходят взаимные обстрелы. В случае окончательного захода в тупик минского процесса велика вероятность возобновления боевых действий и расширения их масштаба вплоть до охвата всей территории Востока и Юга Украины, учитывая сегодняшнюю слабость украинской государственности. Это, в свою очередь, не только может реанимировать утративший актуальность на текущий момент проект «Новороссия», но и повлечь за собой ситуацию в Приднестровье, которое является частью исторического региона Новороссии.

В зоне приднестровско-молдавского конфликта, возникшего при обстоятельствах схожих с донбасскими, также возможно обострение и слияние с теоретически вероятным большим конфликтом на территории Украины в случае, если боевые действия вплотную приблизились бы к Приднестровью.

Такое развитие событий весьма вероятно в силу того, что сам кризис в Украине стал следствием стремления США поставить под полный политический контроль Киев, окончательно вывести Украину из орбиты влияния России и превратить в «Цитадель Запада». США стремились обеспечить поддержку прозападного курса не только украинского политического руководства, но и значительной части общественности также, как и в случае с Грузией, Вашингтон через различные фонды инвестировал свыше 5 млрд долларов на «развитие гражданского общества в Украине», а соответственно и на формирование прозападных политических элит [17, с. 79–80]. Сам переворот в Украине был прямо поддержан из Вашингтона, на президента Януковича оказывалось прямое политическое давление, а американские политики высшего ранга, такие как, например, Виктория Нуланд и сенатор Джон Маккейн, участвовали в протестных акциях на Майдане [17, с. 80–81].

Как отмечает в своей статье профессор Чикагского университета Джон Миршеймер, политика, направленная на установление в Украине прозападного режима, который был бы нацелен на присоединение Украины к НАТО и Европейскому союзу, была результатом заблуждения ее либерального лобби в американских верхах, имевшего восточноевропейское происхождение. В то же время в этом не было реальной необходимости и Вашингтону стоило бы обеспечить сохранение за Украиной статуса внеблокового государства, балансирующего между Западом и Москвой. Однако «реалистическая оппозиция» оказалась в меньшинстве и не смогла отстоять данную точку зрения [17, с. 83–84]. Несмотря на то, что сложная ситуация на мировой арене, сложившаяся сегодня, требует изменения подходов в отношении украинского вопроса, США продолжают использовать ситуацию в Украине как рычаг политического и экономического давления на Россию.

Список литературы

1. Шумилин А. И. Энергетическая стратегия России и США на Ближнем Востоке и в Центральной Азии / А. И. Шумилин. – М.: Международные отношения, 2008. – 168 с.
2. Жильцов С. С., Зонн И. С. США в погоне за Каспием / С. С. Жильцов, И. С. Зонн. – М.: Международные отношения, 2009. – 200 с.
3. Колеров М. Война: внешняя политика России и политическая борьба. Статьи 1999–2009 / Модест Колеров. – М.: REGNUM, 2009. – 332 с.
4. Цатурян С. А. Ненасильственная революция. От теории к практике / С. А. Цатурян. – М.: РУДН, 2015. – 280 с.
5. Целуйко В. Реформирование грузинской армии при Саакашвили до Пятидневной войны 2008 года / В. Целуйко // Танки августа / под ред. М. С. Барабанова. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2009. – С. 11–41.
6. Целуйко В. Настоящее и будущее грузино-российского конфликта. Военный аспект / В. Целуйко // Танки августа / под ред. М. С. Барабанова. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2009. – С. 87–108.
7. Прокачка азербайджанской нефти по БТД в январе – мае сократилась на 2% / Агентство нефтегазовой информации [Электронный ресурс]. – URL: <http://angi.ru/news/2825762>.
8. Обострение отношений ЕС и Турции может вдохнуть новую жизнь в проект Бургас – Александруполис / Агентство нефтегазовой информации [Электронный ресурс]. – URL: <http://angi.ru/news/2840156>.
9. Официальный интернет-сайт Президента Российской Федерации | Совместное заявление президентов Азербайджанской Республики, Республики Армения и Российской Федерации по нагорнокарабахскому урегулированию [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/5093>.
10. Мальгин А. В. Украина: Соборность и регионализм / А. В. Мальгин. – Симферополь: СОНАТ, 2005. – 280 с.
11. Усова Л. Внешняя политика Украины: между внеблоковостью и евроатлантической интеграцией / Лариса Усова // Власть. – № 7. – 2011. – С. 156–158.
12. На роздоріжжі або інтеграційні ребуси | Соціологічна група «Рейтинг» [Электронный ресурс]. – URL: http://ratinggroup.ua/files/ratinggroup/reg_files/rg_ukraine_vektor_042013_pres.pdf.
13. Белая книга нарушений прав человека и принципа верховенства права на Украине (ноябрь 2013 – март 2014). – М.: Мин-во иностранных дел РФ, 2014. – 64 с.
14. Белая книга нарушений прав человека и принципа верховенства права на Украине (июль – ноябрь 2014). – М.: Мин-во иностранных дел РФ, 2014. – 96 с.
15. Долгополов Н. Луганская Народная Республика: начало перемен к лучшему / Никита Долгополов // Украина. Информационно-аналитический мониторинг. – № 3–4. – Июнь (Т. 91–92). – 2014. – С. 6–7.
16. Хмарський В. М. Новоросійський край, Новоросія // Енциклопедія історії України: Т. 7: Мі-О / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. – К.: Наукова думка, 2010. – 728 с.
17. Mearsheimer J. J. Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault: The Liberal Delusions That Provoked Putin / John Mearsheimer // Foreign affairs. – September / October 2014. – P. 77 – 88.

Makarov R. V. The «Frozen» and «Smoldering» Conflicts in the Former Soviet Union – Factors of Emergence of Intensity in Relationship of Russia and USA // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political Science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 1. – P. 104–113.

In article it is explained that all conflicts in the former Soviet Union which are in a stage of «frozen» or «smoldering» serve as destabilization factors at boundaries of Russia, being negatively reflected in his internal state and world situation. Being some kind of «painful points» for the political and other pressure upon Russia from opponents of its strengthening on the world scene and first of all the USA.

The question of influence of geoeconomic and geopolitical rivalry of USA and Russia on a situation in zones of the «frozen» conflicts in the region of Transcaucasia is considered. The aggravation reasons in a zone of the Georgian-Ossetian and Georgian-Abkhazian conflicts in 2008 which led to «A Five-day war» reveal. The situation around Nagorno-Karabakh is analyzed, given will answer a question of, whether there can be it the reason of escalation of new serious intensity in the region of Transcaucasia?

The deep reasons of emergence of political crisis in Ukraine which result was a revolution in February, 2014, the acute crisis of the Ukrainian statehood and armed conflict in the East of the country reveal. The reasons reveal and consequences of a possible new aggravation of this conflict which is characterized as «smoldering» at the moment are described.

Key words: Russia, USA, separatism, the «frozen» conflicts, the «smoldering» conflicts, South Ossetia, Nagorno-Karabakh, Donbass, Ukraine.

References

1. Shumilin A. I. Energeticheskaya strategiya Rossii i SSHA na Blizhnem Vostoke i v Tsentral'noy Azii / Aleksandr Ivanovich Shumilin. – M.: «Mezhdunarodnyye otnosheniya», 2008. – 168 s.
2. Zhil'tsov S. S., Zonn I. S. SSHA v pogone za Kaspiyem / Sergey Sergeevich Zhil'tsov, Igor' Sergeevich Zonn. – M.: «Mezhdunarodnyye otnosheniya», 2009. – 200 s.
3. Kolerov M. Voyna: vneshnyaya politika Rossii i politicheskaya bor'ba. Stat'i 1999-2009 / Modest Kolerov. – M.: IA REGNUM, 2009. – 332 s.
4. Tsaturyan, S. A. Nenasil'stvennaya revolyutsiya. Ot teorii k praktike / Sarkis Tsaturyan. – M.: RUDN, 2015. – 280 s.
5. Tseluyko V. Reformirovaniye gruzinskoy armii pri Saakashvili do Pyatidnevnoy vojny 2008 goda / Vyacheslav Tseluyko // Tanki avgusta / pod red. M. S. Barabanova. – M.: Tsentr analiza strategiy i tekhnologiy, 2009. – S. 11-41.
6. Tseluyko V. Nastoyashcheye i budushcheye gruzino-rossiyskogo konflikta. Voyenny aspekt / Vyacheslav Tseluyko // Tanki avgusta / pod red. M. S. Barabanova. – M.: Tsentr analiza strategiy i tekhnologiy, 2009. – S. 87-108.
7. Prokachka po azerbaydzhanskoy nefti BTD v yanvare-maye sokratilas' na 2% | Agentstvo neftegazovoy informatsii [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://angi.ru/news/2825762>.
8. Obostreniye otnosheniy YES i Turtsii mozhet vdokhnut' novuyu zhizn' v proyekt Burgas - Aleksandrupolis | Agentstvo neftegazovoy informatsii [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://angi.ru/news/2840156>.
9. Ofitsial'nyy internet-sayt Prezidenta Rossiyskoy Federatsii | Sovmestnoye zavavleniye prezidentov Azerbaydzhanskoy Respubliki, Respubliki Armeniya i Rossiyskoy Federatsii po nagornokarabakhskomu uregulirovaniyu [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/5093>.
10. Mal'gin A. V. Ukraina: Sobornost' i regionalizm / Andrey Vital'evich Mal'gin. – Simferopol', SONAT, 2005. – 280 s.
11. Usova L. Vneshnyaya politika Ukrainy: mezhdru vneblokovost'yu i yevroatlanticheskoy integratsiyey / Larisa Usova // Vlast'. – № 7. – 2011. – S. 156 - 158.
12. Na rozdorizhzhí abo integratsiyní rebusi | Sotsiologichna grupa «Reyting» [Elektronnyy resurs]. – URL: http://ratinggroup.ua/files/ratinggroup/reg_files/rg_ukraine_vektor_042013_pres.pdf.
13. Belaya kniga narusheniy prav cheloveka i printsipa verkhovenstva prava na Ukraine (noyabr' 2013 - mart 2014). – M.: Min-vo inostrannykh del RF, Aprel' 2014 g. – 64 s.
14. Belaya kniga narusheniy prav cheloveka i printsipa verkhovenstva prava na Ukraine (iyul' - noyabr' 2014). – M.: Min-vo inostrannykh del RF, Noyabr' 2014 g. – 96 s. : il.
15. Dolgopolov N. Luganskaya Narodnaya Respublika: nachalo peremen k luchshemu / Nikita Dolgopolov // Ukraina. Informatsionno-analiticheskiy monitoring. – № 3-4. – Iyun' (T. 91-92). – 2014. – S. 6-7.
16. Khmars'kiy V. M. Novorosiy's'kiy kray, Novorosiya // Yentsiklopediya istorii Ukraini: T. 7: Mi-O / Redkol.: V. A. Smoliy (golova) ta in. NAN Ukraini. Institut istorii UKRAINY. – K.: V-vo «Naukova dumka», 2010. – 728 s.
17. Mirskhaymer J. J. Pochemu Ukraina krizis Zapada Oshibka: Liberal'naya Zabluzhdeniya, vyzvavshikh Putina / Mirskhaymer // Inostrannyye dela. – Sentyabr' / oktyabr' 2014 g. – S. 77-88.

Сведения об авторах

Ишин Андрей Вячеславович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь).

Ломко Ирина Григорьевна – кандидат политических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, ГБОУ ВО «Крымский инженерно-педагогический университет» (Симферополь). E-mail: iglomko@mail.ru.

Филатов Анатолий Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь). E-mail: asfilatov58@gmail.com.

Хриенко Татьяна Викторовна – доктор социологических наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь). E-mail: t.v.khrienko@mail.ru.

Чемшит Александр Александрович – доктор политических наук, профессор кафедры «Исторические, философские и социальные науки» Севастопольского государственного университета (Севастополь). E-mail: histphilsoc@sevsu.ru.

Шепелев Максимилиан Альбертович – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений и государственного управления Юго-Западного государственного университета (г. Курск). E-mail: ma_shepelev@mail.ru.

Пашковский Петр Игоревич – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь). E-mail: petr.pash@yandex.ru.

Кузьмин Петр Васильевич – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь). E-mail: pv.kuzmin@mail.ru.

Ляпушкин Евгений Анатольевич – аспирант кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь). E-mail: la_zhenya@mail.ru.

Губанова Елена Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь). E-mail: livenok@bk.ru.

Макаров Руслан Владимирович – кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания МБОУ «Грушевская средняя общеобразовательная школа» городского округа Судак. E-mail: makarov_ruslan86@mail.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Ишин А. В. Концепция «Москва – Третий Рим»: геополитическое измерение.....	3
Ломко И. Г. Применение групповых очных методов экспертной оценки в социально-политических исследованиях	9
Филатов А. С. Геополитическая проблематика в работах отечественных исследователей	16

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Хриенко Т. В. Динамика формирования общественно-политических приоритетов крымской молодежи	25
Чемшит А. А. Распад Советского Союза: декоммунизация и деэтнолизация	34
Шепелев М. А. Троцкизм и украинский вопрос	46
Пашковский П. И. Предпосылки российского парламентаризма и внешняя политика государства	59
Кузьмин П. В. Развитие политического образования молодежи как потребность социальной практики современного Крыма.....	71
Ляпушкин Е. А. Политические технологии в религиозной сфере в процессе обособления украинского этноса: историческая ретроспектива.....	83

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Губанова Е. В. Политическое измерение торговли людьми в глобализированном мире	93
Макаров Р. В. «Замороженные» и «тлеющие» конфликты на постсоветском пространстве – факторы возникновения напряженности во взаимоотношениях России и США	104
Сведения об авторах	114
Содержание.....	115

About the Authors

Ishin A. V. – Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of History of Russia, Tauride Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol).

Lomko I. G. – Ph.D. in Political Science, Associate Professor of the Chair of Social-Humanitarian Disciplines, «Crimean Engineering and Pedagogical University», Simferopol. E-mail: iglomko@mail.ru.

Filatov A. S. – Ph.D. in of Philosophical Science, Associate Professor of Department of Political Science and International Relations, Tauride Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol). E-mail: asfilatov58@gmail.com.

Khrienko T. V. – Doctor of Sociological Science, Professor Department of Political Science and International Relations, Tauride Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol). E-mail: t.v.khrienko@mail.ru.

Chemshit A. A. – Doctor of Political Science, Professor of «Historical, Philosophical and Social Science», Sevastopol State University (Sevastopol). E-mail: histphilsoc@sevsu.ru.

Shepelev M. A. – Doctor of Political Science, Professor of the International Relations and Public Administration Department, South-Western State University (Russian Federation, Kursk). E-mail: ma_shepelev@mail.ru.

Pashkovsky P. I. – Ph.D. in Political Science, Associate Professor of Department of Political Science and International Relations, Tauride Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol). E-mail: petr.pash@yandex.ru

Kuzmin P. V. – Doctor of Political Science, Professor Department of Political Science and International Relations, Tauride Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol). E-mail: pv.kuzmin@mail.ru.

Lapushkin E. A. – postgraduate Department of Political Science and International Relations, Tauride Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol). E-mail: la_zhenya@mail.ru.

Gubanova E. V. – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology, Tauride Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol). E-mail: livenok@bk.ru.

Makarov R. V. – Ph.D. in Historical Sciences, Teacher of History and Social Disciplines, Grushevka Average Comprehensive School (urban district of Sudak). E-mail: makarov_ruslan86@mail.ru.

CONTENT

HISTORY AND METHODOLOGY OF POLITICAL SCIENCE

Ishin A. V. The Conception «Moscow is Third Rome»: Geopolitical Measuring	3
Lomko I. G. Use of Face-to-Face Group Methods of Expert Evaluation in Social and Political Research	9
Filatov A. S. Geopolitical Issues in the Works Russian Researchers	16

POLITICAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Khrienko T. V. The Dynamics of Social and Political Crimean youth' Priorities	25
Chemshit A. A. The Decay of the Soviet Union: Decommunization and Deetatization	34
Shepelev M. A. Trotskyism and Ukrainian Question	46
Pashkovsky P. I. Prerequisites of the Russian Parliamentarism and Foreign Policy of the State	59
Kuzmin P. V. The Development of Political Education of the Youth as a Necessity of Social Practices of Modern Crimea.....	71
Lapushkin E. A. Political Technologies in the Religious Sphere in the Process of Detachment of Ukrainian Ethnos: Historical Retrospective.....	83

WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

Gubanova E. V. Political Dimension of Human Trafficking in a Globalized World	93
Makarov R. V. The «Frozen» and «Smoldering» Conflicts in the Former Soviet Union – Factors of Emergence of Intensity in Relationship of Russia and USA	104
About the Authors	116
Content.....	117